

ДАТЫШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХЪ

ИЗДАНИЕ
ЗНАМЯ

Всѣ нижепоименованныя книги можно получать изъ книжнаго склада „Вѣсти. Эп.“ (СПБ., Невскій пр., 40). Подписчики „Вѣсти. Эп.“ и др. изданій В. Битнера пользуются уступкою въ 25%.

А. РУ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА,

съ 113 рисунками.

Содержаніе: Введеніе. Художественная дѣятельность человѣчества. Искусство Египта и Востока. Римское искусство. Переходъ отъ античнаго искусства къ средневѣковому. Романское искусство. Востокъ. Возрожденіе. Современное искусство: XIX столѣтіе. Заключеніе.

Цѣна 75 коп., пересылка 17 коп.

Проф. Мутерьъ.

СТАРОЕ ИСКУССТВО,

съ 21 рисунками.

Содержаніе: Пракситель. — Возрожденіе античнаго искусства. — Леонардо да-Винчи.

Цѣна 55 к., перес. 17 коп.

Проф. Мутерьъ и Кнакфусъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ,

съ 43 рис. и портр.

Мутерьъ — одинъ изъ блестящихъ стилистовъ, отличающійся широтою обработки предмета.

Содержаніе: А. Крапахъ. — Веласкесъ. — Рафаэль.

Цѣна 65 коп., перес. 15 коп.

Проф. КРАККЪ.

Эстетика и критика.

Область, которою авторъ занимаетъ вниманіе читателей, является одною изъ самыхъ малоизвѣстныхъ даже образованной публикѣ, и до сихъ поръ о ней говорилось языкомъ доступнымъ лишь немногимъ. Краккъ задался цѣлью познакомить „всѣхъ“ съ законами красоты. Въ своей книгѣ онъ опредѣляетъ понятіе искусства, разбираетъ законы его и характеризуетъ всѣ виды искусства: поэзію скульптуру, живопись, музыку, архитектуру и прикладныя искусства.

Цѣна 50 коп., пересылка 17 коп.

СЪВЕРНЫЕ ПИСАТЕЛИ.

Германъ Бангъ. Кнуть Гамсунъ. Густавъ Гейерстамъ.

Съ 8 портр. и рис. Цѣна 40 коп. пересылка 17 коп.

Кромѣ характеристикъ, читатель найдетъ: 1) повѣсть Банга „Братья Бедни“, 2) рассказы К. Гамсуна „Кольцо“ и „Рабы любви“ и 3) повѣсть Гейерстама „Заммель“.

Латышскій
Литературный Альманахъ
„Вѣстника Знанія“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., 40.
Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1913.

Предисловіе.

„Мы лѣнны и нелюбопытны“,— эти пушкинскія слова, кажется, захватаны и опошлены въ конецъ, и, тѣмъ не менѣе, ихъ приходится вспоминать всякій разъ, едва рѣчь заходитъ о какихъ-либо культурныхъ интересахъ соотечественниковъ.

Издавна мы пользуемся репутаціей большихъ знатоковъ и любителей иностранной литературы: нѣмцы, французы, англичане, итальянцы, испанцы извѣстны намъ будто бы чуть ли не до самаго мелкаго, ничтожнаго автора, которыхъ у себя дома никто и знать не знаетъ. Репутація эта, правда, нами не совсѣмъ заслужена, но все же можно сказать съ увѣренностью, что нигдѣ за границей зарубежныя литературы не пользуются такимъ вниманіемъ, какъ у насъ.

Съ другой стороны, глубоко любопытенъ такой фактъ. Россія кольцомъ окружена инородцами, культура которыхъ подчасъ гораздо выше нашей (финны, поляки) и литература которыхъ не многимъ ниже нашей. Но мы незнакомы съ бытомъ нашихъ сожителей, мы не интересуемся ихъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ, мы совершенно равнодушны къ ихъ культурной жизни и едва-едва слышали объ ихъ литературахъ, изъ которыхъ развѣ польская извѣстна намъ хоть сколько-нибудь. Только въ послѣреволюціонный періодъ мы открыли украинцевъ, финновъ; что же касается такихъ „мелкихъ“ народностей какъ кавказцы, латыши, эсты, литовцы,— то литература этихъ пасынковъ нашего отечества для русскаго читателя—настоящая terra incognita.

„Вѣстникъ Знанія“ дѣлаетъ въ настоящемъ году попытку „открыть“ для своихъ читателей эту невѣдомую имъ землю и предлагаетъ ихъ вниманію данный небольшой сборникъ, составленный изъ произведеній современныхъ латышскихъ новеллистовъ; за нимъ послѣдуетъ второй, посвященный литературѣ кавказскихъ народностей.

Въ выборѣ произведеній, вошедшихъ въ настоящій выпускъ, и въ редактированіи переводовъ съ латышскаго языка большую помощь редакціи оказалъ К. Дуцманъ, которому она и приноситъ за это глубокую благодарность.

Редакція.

Латыши и ихъ литература.

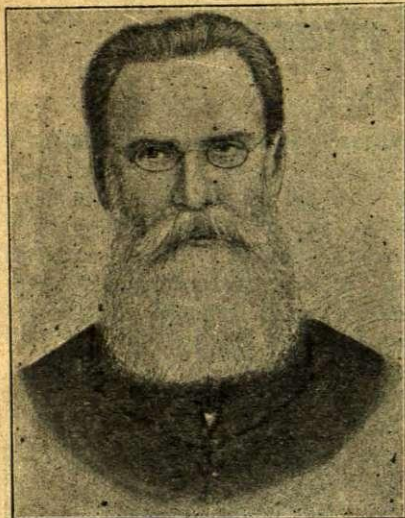
(Вмѣсто предисловія).

Латыши принадлежатъ къ литовско-балтскому племени, и первая историческія свѣдѣнія о нихъ восходятъ къ IV вѣку по Р. Хр., когда, раздѣлившись на нѣсколько мелкихъ родовъ, они изъ Восточной Пруссіи переходятъ въ теперешнюю Курляндію, занявъ ее до Западной Двины. Въ IX столѣтіи латыши населяютъ уже Лифляндію и Летголію (Вит. губ.). Богѣе подробно о латышахъ исторія говоритъ въ XI и XII вв., когда устанавливаются близкія отношенія латышей съ нѣмецкими торговцами, которые основываютъ въ краѣ свои торговые пункты и укрѣпленія (Рига, Икскюль и др.). Торговцы пригласили себѣ на помощь духовенство, которое крестило мѣстныхъ жителей, и вмѣстѣ съ военными („крестоносцами“) и другими пришельцами вводили административно-политическое управленіе краемъ, „орденъ меченосцевъ“. Орденъ этотъ, подъ руководствомъ особаго магистра, не только постоянно воевалъ съ мѣстными жителями, но его руководители непрерывно боролись и интриговали между собою и искали себѣ поддержки то у римскаго папы, какъ главы католическаго духовенства, то у прусскихъ князей. Такъ продолжалось до второй половины XVI вѣка, когда орденъ пришелъ въ упадокъ. Въ 1561 г. Ливонія стала владѣніемъ Польши, а въ Курляндіи было основано особое герцогство, тоже подъ протекторатомъ Польши. Латыши, хотя были обращены въ христіанство, въ духовномъ отношеніи были предоставлены своей судьбѣ; они подпали подъ экономическую зависимость отъ нѣмецкихъ феодаловъ, а съ превращеніемъ леновъ и феодаловъ въ наследственныя вотчины эта зависимость превратилась въ одну изъ жесточайшихъ формъ крѣпостнаго права, какія когда-либо видѣлъ міръ. Въ XVI вѣкѣ въ краѣ было введено лютеранство, и мѣстные жители изъ ка-

Хр. Вальдемаръ.

толиковъ обращены въ лютеранъ столь же механически, какъ когда-то въ католичество. Для нуждъ лютеранскихъ пасторовъ, которые не знали латышскаго языка, были отпечатаны первыя книги на латышскомъ языкѣ, а именно катехизисъ съ псалмами, подъ общимъ названіемъ: „Enchiridion“ (Настольная книга) въ 1586 г. Впрочемъ, годомъ раньше и въ Вильнѣ былъ отпечатанъ тоже катехизисъ для латышей - католиковъ. Такъ было положено начало

Хр. Баронъ.

книгопечатанію на латышскомъ языкѣ, но годомъ основанія латышской литературы вообще считается 1530 годъ, когда рижскимъ пасторомъ Раммомъ были переведены на латышскій языкъ и распространены въ краѣ десять заповѣдей. Болѣе заботилось о духовномъ развитіи крестьянъ - латышей шведское правительство, подъ власть котораго Лифляндія перешла въ XVII столѣтіи (1621—1710). По инициативѣ лифляндскаго суперинтендента Юганна Фишера пасторомъ Глюкомъ былъ сдѣланъ переводъ библіи на латышскій языкъ и отпечатанъ (1685—1689), благодаря денежному пособію шведскаго короля Карла XI. По правильности литературнаго языка и красотѣ стили этотъ переводъ библіи считается замѣчательнымъ памятникомъ древней латышской письменности.

Но о латышской культурѣ вообще и литературѣ въ частности въ это

время еще трудно говорить. Большинство населенія было еще неграмотно, школь тоже не было; благосостояніе и сама жизнь крестьянъ вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія ихъ господъ. Единственная литература, которою въ это время жилъ народъ, и которая жила въ народѣ, это — народная устная литература: народныя пѣсни, басни, пословицы и т. д. Именно въ этомъ отношеніи латышская литература особенно богата: еще во второй половинѣ XIX вѣка, когда было приступлено къ собиранію народныхъ пѣсень, басенъ и т. д., было собрано болѣе 200.000 народныхъ пѣсень (изъ коихъ приблизительно 50.000 оригинальныхъ) и 6.000 басенъ и сказокъ. Народныя пѣсни, подъ редакцію Хр. Барона, издаются Императорскою Академіею Наукъ въ С.-Петербургѣ, а басни, главнымъ образомъ, собраны и редактированы народнымъ учителемъ Ансомъ Лерхисъ-Пушкайтисомъ и изданы Научнымъ Комитетомъ при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ и другими издателями.

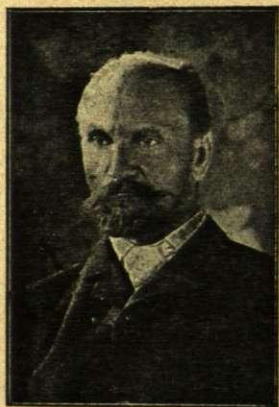
Первыя болѣе цѣнные опыты свѣтской книжной литературы появились во второй половинѣ XVIII вѣка, и авторами ихъ опять были нѣмецкіе па-

сторы, которые старались перенимать элементы народнаго языка и издавали переводы съ нѣмецкой литературы и сочиненія популярно-практическаго содержания о разведеніи скота, объ устройствѣ хозяйства и т. д. Какъ выдающагося писателя этой эпохи нужно отмѣтить пастора Старога Стендера (1714—1796), гуманиста и поэта, пѣсни котораго долгое время жили въ народѣ, и который—послѣ Глюка, Манцелюса, Фюрекера—очень много сдѣлалъ для выработки латышкаго литературнаго языка и популяризаціи полезныхъ знаній въ народѣ. Изъ другихъ поэтовъ той же эпохи нужно отмѣтить еще Гиргенсона, К. Гугенберга и др. Благодаря пастору Эльберфельдту, въ 1806 году были изданы пѣсни перваго вышедшаго изъ крестьянъ латышкаго поэта Генриха Слѣпого (1783—1828), по формѣ и содержанію плохія подражанія Старому Стендеру.

Новыя важныя переменны въ латышской духовной жизни произошли въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, когда и Лифляндія (1710) и Курляндія (1795) перешли подъ владычество Россіи.

Андрей Пумпуръ.

Райнисъ-Плиакшанъ.

Императоромъ Александромъ I латыши были освобождены (1817—19) отъ крѣпостной зависимости, хотя и безъ земли. Появились первыя еженедѣльные періодическія изданія (1822) на латышскомъ языкѣ, но подъ руководствомъ нѣмецкихъ пасторовъ и въ церковно-патріархальномъ духѣ. Много пишутъ вышедшіе изъ народа писатели: Ансъ Лейтанъ, Ливенталь и Эрнстъ Дюнсбергъ, но, главнымъ образомъ, это—переводы съ нѣмецкаго и болѣе или менѣе вольныя подражанія. По идейному содержанію они явно примыкаютъ къ пасторской сантиментальной тенденціозной литературѣ.

Новыя вѣянія въ латышской духовной жизни замѣчаются въ серединѣ XIX в., когда латыши получаютъ возможность выкупать свои усадьбы у помещиковъ, вводитъ волостное самоуправленіе, отмѣняется натуральная повинность и т. д. Особенно сильное вліяніе на латышскую духовную жизнь въ эту эпоху оказываетъ Хри-

стіанъ Вальдемаръ (1825 — 1892), издававшій прогрессивно-либеральный органъ въ Петербургѣ „Peterburgas Awises“ (1862 — 65), неустанно боровшійся противъ привилегированнаго положенія нѣмецкаго дворянства въ краѣ и будившій латышское національное самосознаніе и самодѣятельность. Газета по проиcкамъ духовно-дворянской реакціи Прибалтійскаго края и вслѣдствіе усилившихся цензурныхъ гоненій скоро была приостановлена, но борьба этимъ не кончилась; она лишь была перенесена въ центръ края — въ Ригу, и мѣсто старыхъ борцовъ заняли новые. Большую роль въ этомъ отношеніи сыграло основанное въ 1868 году Рижское Латышское Общество, вокругъ котораго группировалась латышская городская буржуазія и первые кадры интеллигенціи. Это общество много содѣйствовало культурному

Аспазія.

объединенію латышей, между прочимъ — при помощи вновь созданнаго органа: „Baltijas Wehstnesis“ (1868). Въ городахъ латыши приобретаютъ недвижимости, строятъ дома, открываютъ торговые и ремесленные заведенія. Объединяющая идея во всѣхъ этихъ стремленіяхъ — идея національная. Цѣлая плеяда писателей (я назову только имена наиболѣе крупныхъ, какъ Юрій Аллунанъ, Андрей Пумпурсъ, Аусеклисъ, Бривземіакъ - Трейландъ, Венску Эдвартсъ, Лаутенбахъ, К. Пуринъ и др.) и въ стихахъ и въ прозѣ выражала и формулировала настроеніе эпохи и сдѣлалась тогда весьма популярною. Какъ болѣе талантливыхъ, стихотворенія которыхъ вмѣстѣ съ идейнымъ содержаніемъ цѣнны и въ художественномъ отношеніи, нужно отмѣтить Аусеклиса и Пумпурса.

Новый переворотъ въ латышской общественной жизни и въ литературѣ замѣчается въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ городахъ, особенно въ Ригѣ и въ Либавѣ, быстро развивается промышленность, притягивающая массы безземельныхъ крестьянъ. Идеологи рабочаго класса смѣло критикуютъ старыхъ націоналистовъ, и опять возгорается борьба не только между двумя поколѣніями, но и между двумя міросозерцаніями. Сторонникамъ историческаго матеріализма не стоило большого труда разоблачить всю ограниченность идейнаго багажа эпигоновъ когда-то мощнаго и свѣжаго національнаго движенія.

Разбивая идеалистовъ-романтиковъ стараго закала, они на первое мѣсто ставятъ уже не національные интересы, приравнивая ихъ къ „интересамъ буржуазіи“, а „общечеловѣческіе интересы“, которые отождествляются съ интересами „четвертаго сословія“. Знамя борьбы поднятъ въ 1886 году органъ прогрессистовъ, газета „Deenas Lara“. Оба лагеря выдвигаютъ своихъ наиболѣе выдающихся борцовъ, но видно, что „новонаправленцы“, какъ

именовались сторонники новаго движенія, берутъ перевѣсъ надъ націоналистами. Черезъ нѣкоторое время въ эту борьбу вмѣшалась администрація, газета („D. Lapa“) временно была закрыта, редакторъ высланъ въ Вятскую губернію, а другіе вожди новаго движенія арестованы или высланы изъ Прибалтійскаго края. Острая общественная борьба, благодаря усилившимся цензурнымъ строгостямъ, временно стихаетъ. Но зато наступаетъ замѣчательный расцвѣтъ латышской художественной литературы, переводной и оригинальной. Особенно въ этомъ отношеніи прославился одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей новаго движенія Райнисъ - Плиакшанъ, бывший редакторъ приостановленной газеты „Deenas Lapa“, юристъ по образованію, замѣчательный художественный талантъ и глубокой знатокъ классической литературы и философіи. Такъ, находясь въ ссылкѣ, онъ перевелъ на латышскій языкъ гетевскаго „Фауста“, „Бориса Годунова“ Пушкина, „Вильгельма Телля“ Шиллера и др. и, кромѣ того, выпустилъ замѣчательный по своей идейному содержанию сборникъ стихотвореній: „Далекіе отзвуки сняго вечера“.

Карль Скальбе.

За послѣднее десятилѣтіе латышская [культурная жизнь развивалась тѣмъ же ускореннымъ темпомъ, который такъ характеренъ для всей вообще цивилизаціи послѣдняго времени. Она углубилась и расширилась въ области какъ экономической, такъ и духовной культуры. Доминирующее значеніе въ сельской жизни имѣютъ средніе землевладѣльцы („хозяева“ крестьянскихъ усадебъ), или такъ называемые „сѣрые бароны“ (такъ, по примѣру нѣмецкихъ бароновъ, называютъ землевладѣльцевъ-латышей, которые обыкновенно носятъ сѣроватое платье, изъ самодѣльнаго сукна). Это — владѣльцы (отчасти и арендаторы) крестьянскихъ усадебъ, величиною въ среднемъ отъ 40 до 80 десятинъ. Они основывали въ краѣ много сельскохозяйственныхъ обществъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ. Всѣ эти мелкія общества, въ свою очередь, образовали союзъ въ Лифл. губ., „Рижское Центральное Сельско-Хозяйственное Общество“, а въ Курляндской губ. — союзъ „Экономическое Товарищество

Эд. Вульфъ.

Латышскихъ Сельскихъ Хозяевъ“. Впрочемъ, многія сельско-хозяйственные общества въ Курляндской губ. принадлежать къ Рижскому Центальному

Сельско-Хозяйственному Обществу, -- и, наоборот, „Эк. Тов.“ распространяет свою дѣятельность и на Лифляндскую губ. Оба эти сельско-хозяйственные союзы много способствовали улучшенію крестьянскаго хозяйства въ краѣ и поднятію благосостоянія крестьянъ. Оба союза содержатъ агрономовъ - специалистовъ по разнымъ сельско-хозяйственнымъ отраслямъ, инструкторовъ по разведенію племенного и мѣстнаго скота, содержатъ сельско-хозяйственныя школы, устраиваютъ сельско-хозяйственные и молочные курсы и курсы по садоводству, домашнему хозяйству, пчеловодству и т. д. Если принять во вниманіе, что въ краѣ нѣтъ земскихъ учреждений, что дорожная и др. повинности лежать, главнымъ образомъ, на крестьянахъ-домохозяевахъ, что по дороговизнѣ сель-

скихъ рабочихъ край занимаетъ первое мѣсто въ Россіи, то станетъ понятной большая роль упомянутыхъ союзовъ въ развитіи крестьянской самодѣятельности и увеличеніи доходности сельскаго хозяйства, какъ и въ распространеніи улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и т. д. Но и остальная масса населенія не отстаетъ въ культурномъ развитіи: посѣщеніе первоначальныхъ школъ обязательно, многіе рабочіе выписываютъ газеты, принимаютъ участіе въ пѣвческихъ хорахъ, въ просвѣтительныхъ и другихъ обществахъ. Въ краѣ существуетъ приблизительно 50 обществъ образованія и столько же библиотечныхъ обществъ, число членовъ которыхъ достигаетъ приблизительно 10.000 человекъ. Эти общества посредствомъ устройства лекцій, театральныхъ представлений, концертовъ и т. д. много способствуютъ

Иванъ Порукъ.

духовному развитію обширныхъ массъ народа. Къ сожалѣнію, эта культурная дѣятельность (особенно — просвѣтительныхъ обществъ) въ послѣдніе годы встрѣчаетъ со стороны мѣстной администраціи разныя препятствія: публичныя лекціи не разрѣшаются, на театральныя представленія накладывается рука подъ тѣмъ предлогомъ, что помѣщеніе, молъ, недостаточно безопасно въ техническомъ отношеніи и т. д. Въ Курляндской губерніи эти культурныя общества систематически закрываются администраціею.

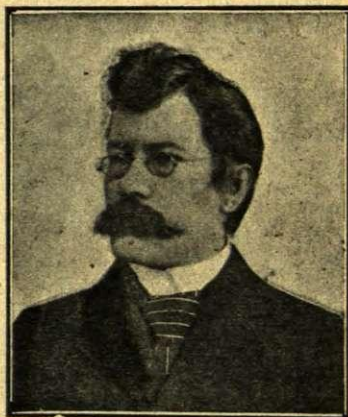
Для иллюстраціи сказаннаго приведу здѣсь телеграмму изъ газеты „Рѣчь“ отъ 8 сего мая: „Митава. Губернское по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствіе постановило закрыть 10 латышскихъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ. Мотивируется такая мѣра тѣмъ, что среди членовъ закрытыхъ обществъ оказались неблагонадежныя лица“. А кого администрація въ наши дни считаетъ благонадежнымъ?

Городскіе рабочіе организуются въ профессиональные союзы, особенно въ г. Ригѣ. Но особенно популярны у городскихъ рабочихъ-латышей такъ называемыя взаимныя вспомогательныя общества и похоронныя кассы. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ, напр., въ Торенсбергѣ (Рижское предмѣстье), насчитываютъ нѣсколько тысячъ членовъ и владѣютъ собственными домами.

Изъ городскихъ латышскихъ просвѣтительныхъ обществъ, кромѣ Латышскаго Сценическаго Общества, которое содержитъ большой театръ въ гор. Ригѣ, нельзя не отмѣтить еще Латышское Просвѣтительное Общество въ гор. Ригѣ, которое содержитъ 12 училищъ (1 прогимназію и 11 первоначальныхъ училищъ) съ 800 учащимися, пансіонъ для ученицъ, посѣщающихъ мѣстныя среднія учебныя заведенія, публичную библіотеку, публичную читальню, издаетъ сборникъ по вопросамъ внѣшкольного образованія, содержитъ лѣтнюю колонію для бѣдныхъ и больныхъ городскихъ дѣтей (около 200 дѣтей въ лѣто), устраиваетъ публичныя лекціи и т. д. Оборотъ Общества въ прошломъ (1912) году былъ 50,000 рублей, число членовъ—около 800, большею частью изъ латышской интеллигенціи. Общество получаетъ пособіе отъ гор. Риги (въ текущемъ году—3000 рублей).

Обращаясь къ новѣйшей латышской литературѣ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что больше всего расцвѣла лирика; за нею идетъ повѣсть и драма. Большихъ романовъ за послѣдніе годы появилось немного.

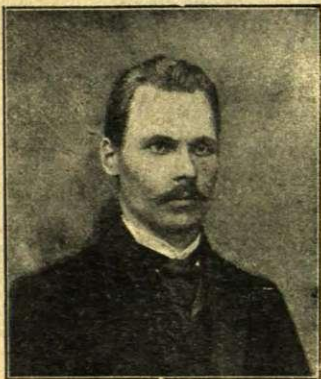
Главное направленіе въ новѣйшей латышской лирикѣ можно назвать субъективно-философскимъ. Красота прошлаго, трагизмъ прекраснаго, отношенія индивида къ космосу, недовольство дѣйствительностью, тоска по новой, болѣе совершенной жизни—вотъ главнѣйшіе мотивы новѣйшей латышской лирики. Есть въ ней, конечно, и много хлама, много „поэтовъ“ по недоразумѣнію и претенціозному литературному недомыслию... Но въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей латышская лирика и по формѣ, и по художественному содержанію смѣло можетъ равняться съ лирикою большихъ культурныхъ народовъ. Во главѣ современныхъ латышскихъ лириковъ стоятъ поэтесса Аспазія (жена поэта Райниса-Плиакшана), недавно праздновавшая свой 25-лѣтній литературный юбилей (по поводу этого юбилея, между прочимъ, было собрано свыше, 4000 рублей, и эта сумма была поднесена въ даръ поэтессѣ). По музыкальности, глубинѣ и лиризму своего стиха Аспазія не уступаетъ, напр., извѣстной польской поэтессѣ Конопницкой или итальянской Адѣ Негри, если не превосходить

Рудольфъ Блауманъ.

ихъ. Изъ другихъ первоклассныхъ латышскихъ лириковъ можно назвать Райниса (Шлакшана), Порука, Карла Скальбе, Плдона, Фр. Барда и др. Особенно почетное мѣсто занимаетъ Райнисъ, который такъ же, какъ его жена Аспазія, можетъ быть поставленъ рядомъ съ лучшими лириками Европы.

Латышскій рассказъ и повѣсть, помимо рядовыхъ, просто приличныхъ произведеній, можетъ предъявить и немало художественныхъ перловъ. Изъ болѣе старой литературы назовемъ здѣсь классическій по своему юмору рассказъ (вѣрнѣе — романъ) братьевъ Каудзитъ: „Времена землемѣровъ“. Къ реалистическому направленію принадлежатъ еще писатели: Аписитъ, Блауманъ, Саулиетъ, Упитъ-Бирзниекъ, Эд. Судрабсъ и др. Народную жизнь въ патриархальномъ духѣ рисуетъ въ своихъ рассказахъ Аписитъ: напр., „Богатые родственники“, „Въ волостномъ судѣ“, „Изъ народной картинной галлерей“ и др. Рудольфъ Блауманъ — болѣе легкой и игривый по формѣ писатель; но онъ создалъ классическую повѣсть въ латышской литературѣ: „Подъ сѣнью смерти“, „Андриксонъ“, „Раудупиетъ“, „Танецъ за троихъ“ и др. Захватывающій драматизмъ, кратко, но рельефно обрисованные характеры, богатство дѣйствія — вотъ главные черты художественности произведеній Блаумана. Заслуживаютъ

Андрей Упитъ.

вниманія и драматическія произведенія Блаумана: „Блудный сынъ“, „Индраны“, „Въ огнѣ“. Драма „Индраны“ переведена и на русскій языкъ и въ сезонъ 1911—12 года съ успѣхомъ шла въ Рижскомъ Городскомъ Русскомъ Театрѣ, подъ дирекціей Н. Н. Михайловскаго. Въ реалистическомъ духѣ пишутъ еще Саулиетъ, Эд. Судрабсъ и Упитъ-Бирзниекъ — главнымъ образомъ изъ жизни латышской деревни, но у Салиета больше лиризма, зато Упитъ-Бирзниекъ замѣчательнъ художественною объективностью своего рассказа.

Изъ рассказовъ Упита-Бирзниека особенно популярны „Рассказы съраго камня“, который видитъ окружающее и рассказываетъ о немъ.

Тонкимъ психологомъ и знатокомъ самыхъ скрытыхъ движеній человѣческой души является Янъ Порукъ въ своихъ рассказахъ. Трагическая жизнь писателя (онъ умеръ въ 1911 году въ клиникѣ душевно-больныхъ) еще болѣе возбуждаетъ интересъ къ его творчеству. Собраніе его сочиненій и писемъ издается книгоиздательствомъ А. Гольта въ Ригѣ.

Въ народѣ популярнъ рассказъ Судрабса „Озорникъ Даука“, изъ ученической жизни.

Старые этическіе устои жизни разрушаются, идетъ новая жизнь, но человѣческая душа напрасно ищетъ опоры въ красотѣ и въ наукѣ: нѣтъ больше былой „духовной чистоты“, исчезаютъ „чистые сердца“. Вотъ

источникъ трагизма для Порука, который стоитъ на перепутьи бывшей патриархальной (особенно сельской) жизни у латышей и идущей на смѣну ей современной европейской культурной жизни и параллельнаго ей капиталистическаго стяжательства.

Новыхъ этическихъ и художественныхъ цѣнностей ищутъ, по пути безпощадно разрушая прежнюю этику, современные писатели Антонъ Биркертъ и Андрей Упитъ. Первый извѣстенъ, какъ авторъ нѣкоторыхъ интересныхъ небольшихъ повѣстей и романа „Педагоги“, рисующаго жизнь учителей среднихъ учебныхъ заведеній въ уѣздномъ городѣ. Особое мѣсто и по своей производительности и по своему таланту занимаетъ Андрей Упитъ, авторъ популярнаго романа „Новые источники“, вышедшаго уже 3-имъ изданіемъ. Андрей Упитъ — почти единственный романистъ въ истинномъ значеніи этого слова въ современной латышской литературѣ. Онъ разрушаетъ старый патриархальный укладъ латышской крестьянской жизни, ядовито высмѣиваетъ латышскую буржуазію, которая національна только на словахъ, а въ дѣйствительности духовно неразвита, лишена какихъ-либо высшихъ интересовъ и любви къ духовной культурѣ и всецѣло отдалась стяжательству. Эти обвиненія онъ высказываетъ также и по отношенію къ сельской буржуазіи („сѣрымъ баронамъ“). Благодаря своему боевому темпераменту и очень острому перу, Упитъ въ послѣднее время приобрѣлъ немало враговъ. Изъ его романовъ послѣдняго времени лучшей — „Женщина“. Стилъ Упита очень оригиналенъ. Онъ любитъ нанизывать въ непрерывающійся калейдоскопическій рядъ всѣ внѣшнія психологическія „детали“ своихъ героевъ, стараясь подражать то Толстому, то Эмилю Золя. Цѣль его при этомъ — дать возможность сдѣлать синтезъ, абстрагировать отъ этой массы чертъ и черточекъ нѣсколько общихъ сужденій о духовной личности героя во всей его отрицательной или (рѣже) положительной красочности. Въ этомъ отношеніи Упитъ даетъ въ нѣкоторомъ родѣ классическіе примѣры: таковъ его новѣйшій небольшой рассказъ „Воскресенье“, романы „Женщина“ и „Послѣдній латышь“ и многія повѣсти.

[А. Саулиетъ.

Въ рубрикѣ романа отмѣчу еще замѣчательный большой романъ Иванды Кайя „Врожденный грѣхъ“, въ которомъ разсматривается проблема современной семьи, и который по смѣлости замысла и проникновенію въ психологическіе „изгибы“ современныхъ семейныхъ отношеній, безъ сомнѣнія, займетъ выдающееся мѣсто въ латышской литературѣ.

Что касается латышской драмы, то я уже упоминалъ о Рудольфѣ Блау-манѣ, какъ драматургѣ. Въ послѣдніе годы два замѣчательныхъ драматическихкихъ произведенія далъ Райнисъ - Пліакшанъ: „Огонь и ночь“ и „Инд�-лисъ и Арія“. Последнее въ драматическомъ отношеніи слабѣе перваго, такъ какъ въ драмѣ много мѣста занимаютъ недраматическіе элементы: лиризмъ и пассивныя размышленія. Замѣчательна въ драматическомъ отношеніи пьеса извѣстной писательницы Анны Бригадеръ „Принцесса Гундега и король Бруссубарда“, которая шла съ большимъ успѣхомъ на сценѣ Рижскаго (Стараго) Латышскаго Театра. Видное мѣсто въ репертуарѣ латышскаго театра въ городахъ занимаютъ также драматическія произведенія Аспазіи, а въ деревнѣ — Адольфа Аллунана; послѣднія, правда, уже устарѣли, но въ свое время они сыграли выдающуюся роль, будили интересъ къ театру, будучи приспособлены къ пониманію публики восьмидесятихъ и семидесятихъ годовъ. Ад. Аллунанъ по справедливости считается отцомъ латышскаго театра (онъ былъ также даровитымъ актеромъ и режиссеромъ и долгое время — директоромъ Рижскаго Латышскаго Театра).

Границы этого предисловія не позволяютъ мнѣ болѣе подробно остановиться на главнѣйшихъ представителяхъ современной латышской литературы; чтобы не повторяться, я не упоминалъ о многомъ, о чемъ я уже писалъ въ своемъ очеркѣ о латышской литературѣ въ „Вѣсти. Знанія“ въ 1909 г. По моему убѣжденію, латышская литература и по своему содержанію, и по своей художественной цѣнности заслуживаетъ вниманія русскаго читателя не меньше, чѣмъ, напр., скандинавская или финская. Дать русскому читателю лишь нѣкоторыя бѣглыя указанія о латышской художественной литературѣ и было цѣлью этихъ немногихъ строкъ, которыя даже въ области такого рода краткихъ указаній не могутъ считаться сколько-нибудь исчерпывающими.

Я. П. Розе-Лиготнисъ.

*Зегевольдъ,
май 1913 г.*

ИВАНЪ ПОРУКЪ.

Возрожденный Римъ.

Перевелъ Александръ Лутцау.

І. Цезарь.

Что за чудный яблонеый садъ у Силенъка! Яблони теперь какъ разъ цвѣтутъ, бѣлыя, какъ невѣсты; особенно величественны онѣ въ этотъ часъ вечернихъ сумерекъ. Луна подымается надъ лѣсомъ, круглая и бѣлая, а мгла собирается вокругъ дома и надъ лугами, до самой рощицы, къ которой подходитъ въ своемъ теченіи рѣка, потомъ опять отходящая въ сторону лѣса.

Весна еще дышитъ прохладой. Если вечеромъ или ночью выйти безъ теплой одежды, то пробираетъ дрожь, особенно—если усѣсться около погребка и кухни, откуда удобнѣе любоваться яблоневымъ садомъ, дворомъ и лугомъ съ рѣкой, виднѣющимися вдали вербами, ольхами и осинами, листья которыхъ блестятъ точно серебряныя; а за лугомъ и рощицей вырисовывается какая-то черная громада: это—дремлющій лѣсъ съ еле свѣтящимися верхушками деревьевъ; и надъ всѣмъ этимъ—чудное небо лунной, весенней ночи.

Вокругъ раскинулись широкія болота; оттого и воздухъ такъ влаженъ, и поэтому здѣшніе жители часто страдаютъ лихорадкой. Но мальчикъ, сидящій передъ кухней, не замѣчаетъ ночной прохлады; онъ такъ погрузился въ созерцаніе причудливой вечерней картины, что почти не чувствуетъ холоднаго вѣянія наступающей ночи; онъ только изрѣдка вздрагиваетъ, качаетъ ногами и опять погружается въ свои мысли. У ночи есть какое-то сродство, какая-то странная дружба съ этими мальчиками, любящими въ сумерки смотрѣть вверхъ на звѣзды. Это—блѣдныя дѣти, съ тонкими, пріятными чертами лица и мечтательно-мерцающими глазами. Днемъ они выглядятъ плохо: они похожи на больныхъ, усталыхъ, и никогда они не срываютъ цвѣтковъ для украшенія фуражекъ, но позволяютъ всему спокойно цвѣсти; они охотно скрываются въ тѣнь и вздыхаютъ иногда, какъ будто избѣгая солнца и зноя солнечныхъ дней. И все-таки эти мальчики понимаютъ и любятъ свѣтъ и тепло больше тѣхъ, которые карабкаются черезъ заборы, взбираются на крыши и при помощи собакъ устраиваютъ охоту на кошку, прыгающую въ испугъ на иву; оттуда, сбитаая палками, кошка тащится по забору до клена, оттуда прыгаетъ на липу, а съ липы бѣжитъ черезъ высланное для бѣленія полотно, пока ей, наконецъ, удастся попасть на крышу клѣти; а мальчики останавливаются внизу, запыхавшіеся, усталые, смѣются полною грудью—въ

то время, какъ собаки лаютъ и воютъ, прыгая около кѣлти. Какое же пониманіе свѣта у этихъ мальчиковъ? Что они знаютъ о солнцѣ? Къ нему они совершенно равнодушны, пока оно тамъ свѣтитъ и ни къ кому не обращается со словами; но если бы это былъ комокъ желтаго, вкуснаго сливочнаго масла, тогда эти мальчишки оставили бы охоту на кошекъ и стали бы запускать камнями въ солнце, чтобы оно упало къ ихъ ногамъ: они набросились бы на лакомство и съѣли бы все солнце. Пусть потомъ царить на землѣ тьма!.. Хотя щеки у нихъ здоровыя, загорѣлыя, но посмотрите въ глаза ихъ: какъ они вылушены и косатыя; и что за грубый, громкій смѣхъ у нихъ! Курицы, услышавъ этотъ смѣхъ, начинаютъ кудахтать и бить крыльями, а пѣтухъ начинаетъ пѣть. Всѣ домашнія животныя знаютъ этотъ смѣхъ мальчишекъ; они какъ будто чувствуютъ, что этотъ смѣхъ исходитъ отъ тѣхъ, которые позже будутъ изъ рѣзать, жарить и ѣсть... И посмотрите, что за руки у этихъ мальчиковъ: грубыя, съ запекшейся грязью! Но это, можетъ быть, отъ работы? Но вотъ рука почти постоянно сжимается въ кулакъ, а если кулакъ не свободенъ, то онъ всегда держитъ кнутъ или палку. А все-таки они, эти мальчишки—герои будущаго, хотя и со всклокоченными волосами, раскрытой грудью, въ грязныхъ разорванныхъ платяхъ, и выглядятъ такъ, что пусти ихъ на свободу въ лѣсъ—и они будутъ настоящими дикарями!

Но блѣдные, скромные мальчишки съ мечтательно-мерцающими глазами—тоже герои! Тотъ, кого вы мимоходомъ вдругъ замѣчаете и пугаетесь, какъ будто тамъ у рѣки на большомъ камнѣ сидитъ чуждое міру существо, не поднимающее глазъ, хотя бы даже вы шумно прошли мимо, такъ что красный песокъ посыпется и покатится внизъ вплоть до большого камня, на которомъ сидитъ лишнее въ этомъ мірѣ существо, глядящее въ прозрачную воду рѣки, на днѣ которой блестятъ бѣлые и цвѣтные камни,— тотъ достоинъ большаго вниманія.

Въ болѣе глубокомъ мѣстѣ теченія торчитъ черная коряга, похожая на дремлющее чудовище, могущее ежеминутно проснуться, зацѣпить, какъ дужу, чистое, блестящее на солнцѣ лоно рѣки и проглотить даже самого мальчика. Вы думаете, что мальчикъ удитъ, или у него поставлены въ водѣ сачки для ловли раковъ?! Нѣтъ, посмотрите поближе: никакого намека на это. Вы недоумѣваете и идете дальше, а мальчикъ все смотритъ на черную корягу, мимо которой только что съ быстротою молніи пробѣжала щука, и думаетъ. Отчего это на свѣтѣ такъ: раскусишь яблоко, а внутри его извивается червякъ съ черной головой? Пойдешь вечеромъ, мечтая, около огорода по пушистой травѣ и вдругъ почувствуешь на ногѣ что-то холодное, какъ ледъ,—посмотришь: отвратительная жаба!? Пойдешь вечеромъ спать, заснешь сладкимъ сномъ, и вдругъ домовой тревожитъ? Даже здѣсь, на берегу рѣки, нельзя наслаждаться чистымъ, полнымъ созерцаніемъ природы: черная коряга на днѣ рѣки лежитъ какъ водяной драконъ. Невольно задрожитъ!..

Эти чувствительные мальчишки давно уже наблюдали, какъ при солнечномъ или лунномъ свѣтѣ каждый предметъ бросаетъ свою тѣнь въ сторону сѣвера.

Они замѣтили, что съ сѣвера дуютъ холодные вѣтры, что, если выйти черезъ ворота на сѣверную сторону, то сердце сжимаетъ мрачная тоска; наоборотъ, если приходится выйти на южную сторону, то сердцу такъ весело, такъ вольно, что хочется ликовать.

И все-таки эти чувствительные мальчики не поворачиваются просто спиною къ сѣверу, какъ это дѣлаютъ охотники на кошекъ; они всматриваются иногда тоскливо и сочувственно въ несчастную противоположную сторону, хотя и рѣзкій вѣтеръ дуетъ навстрѣчу, и приходится кашлять. И здѣсь, на берегу рѣки, онъ смотритъ на черную корягу, испытывая и страхъ, и состраданіе: не заколдованное ли это существо, которое можно освободить проявленіемъ состраданія, осторожно вытаскивая его на берегъ; или оно должно пролежать на мрачномъ днѣ тысячу лѣтъ, чтобы воскреснуть въ иномъ видѣ, оживленномъ и просвѣтленномъ!?

Мальчикъ, сидящій на дворѣ у Силенѣка, тоже—одинъ изъ тѣхъ, отъ которыхъ въ ранше не слышали ни слова, пока сами ихъ вдругъ не увидѣли и не испугались. Когда стихаетъ дневной вѣтеръ и шумъ, онъ слушаетъ и всматривается. Онъ любитъ ночь. Ему кажется, что ночь упала на колѣни на землю и темными руками, вдоль всего горизонта, охватила природу. Онъ также чувствуетъ на себѣ прохладное дыханіе ея вздымающейся груди. Свѣтлѣютъ вдали бѣлыя цвѣтушія яблони, какъ огромныя связки цвѣтовъ, и мальчикъ страстно вдыхаетъ одурманивающій запахъ цвѣтовъ. А наверху, на головѣ загадочнаго существа—ночи, мерцаютъ звѣзды... звѣзды...

Но отчего онѣ такъ мерцаютъ: какъ будто сквозь слезы, дрожа? Почему луна такая блѣдная, и вся природа такъ мрачна, тосклива? Не нанесена ли міру какая-то великая обида? Онъ ищетъ эту противоположность счастью, но не находитъ ее такъ легко, какъ черную корягу.

Ему кажется, что эта враждебная сила, какъ темный призракъ, ползаетъ вокругъ отцовскаго дома, а самъ онъ, мальчикъ, заколдованъ и не смѣетъ черезъ волшебный кругъ перейти туда, куда тянетъ сердце...

Мечтательный мальчикъ созерцаетъ природу въ лунномъ свѣтѣ, еще разъ бросаетъ взглядъ на бѣлыя массы цвѣтовъ на груди ночи, но боль его сердца не стихаетъ. Онъ чувствуетъ въ своей груди пламя, медленно поднимающееся вверхъ къ головѣ, и вотъ слезы набѣгаютъ, чтобы залить и затушить жаръ. Обѣими руками сжимаетъ онъ лобъ и начинаетъ рыдать.

Онъ—Цезарь возрожденнаго Рима; но это не помогаетъ, и онъ долженъ рыдать. Его дорогой Римъ—недалеко, верстахъ въ пятнадцати отсюда и въ разстояніи одной версты отъ Элькснайнскаго приходскаго училища, въ лѣсу, подъ старыми, могучими елями; а онъ долженъ сидѣть здѣсь, какъ плѣнникъ.

Быть можетъ, его товарищи какъ разъ теперь собираются въ возрожденномъ Римѣ у костра, сплоченные героическимъ чувствомъ въ груди, кля-

нутя борются за просвѣщеніе, за все хорошее и прекрасное. Всѣ они носятъ широкія шашки; хотя онѣ сдѣланы изъ дерева, но стоятъ настоящаго оружія.

Можетъ быть, варвары выслѣдили, гдѣ находится возрожденный Римъ, и всматриваются въ пылающій костеръ, выжидая удобнаго момента, чтобы напасть на Римъ и его новыхъ творцовъ, число которыхъ не велико, но которые зато всѣ отважны и готовы даже кровь свою пролить для защиты своего Рима.

А здѣсь, на дорогѣ у Силенѣка, сидитъ римскій Цезарь, блѣдный, отчаявшійся. Онъ плачетъ оттого, что въ отцовскомъ домѣ царитъ порядокъ, заставляющій его оставаться дома, вставать по утрамъ въ четыре часа и весь день гнать сѣдого по бороздѣ на полѣ или, когда настанетъ пора, отправляться съ косою на лугъ. А тутъ ничего не сдѣлаешь при помощи латыни. Тутъ нужно потѣть собственнымъ потомъ и сгибаться самому, самому...

— Я бы тебя, Янитъ, съ удовольствіемъ посылалъ на лѣто въ училище, но, видишь, все не выходитъ... Тяжелыя времена... Я старъ, слабѣю все больше, а второго работника нанимать не въ состояніи. Юрій одинъ не справится съ работой. Ты долженъ остаться здѣсь! Ты ужъ довольно учился, знаешь и по-нѣмецки, и по-русски, можешь чисто писать. Если бы я пошелъ такую школу, какъ ты, я бы давно уже былъ богатъ.

Такъ говорилъ ему отецъ, когда Янитъ желалъ продолжать ученіе въ Элькснайскомъ приходскомъ училищѣ.

Янитъ переговорилъ съ матерью, нельзя ли какъ-нибудь наладить работу такъ, чтобы онъ могъ попасть въ училище.

— Янитъ, что же я? — жалобно заговорила мать, — поговори съ отцомъ. Если ужъ онъ не знаетъ выхода, что же я?! Хлѣбъ и мясо, сколько бы тебѣ нужно было, я могла бы дать; но папа, видишь, хвораетъ, не такой ужъ, какой раньше былъ... Все стонетъ... Но поговорить ты можешь, попроси его хорошенько. Можетъ быть, Анджъ Дзилна это лѣто не будетъ работать на кирпичномъ заводѣ и согласится помочь намъ въ страдную пору. Говорятъ, будто онъ не останется больше у заводчика. Анджъ не особенно охотно идетъ на сельскія работы, но когда увидитъ, что лучше работать, чѣмъ лодырничать, тогда пойдетъ...

Янитъ говорилъ съ отцомъ объ Анджѣ. Отецъ задумался и сказалъ, что въ будущее воскресенье навѣститъ его. Но отецъ мало надѣялся на него: на мызѣ готовились къ новымъ большимъ постройкамъ; тамъ Анджъ могъ больше заработать, и тамъ легче жить, чѣмъ у Силенѣка, гдѣ надъ полемъ и лугами струится холодный туманъ, хотя весна уже въ полномъ разгарѣ.

Наступило воскресенье, и отецъ пошелъ къ Анджу. Янитъ ходилъ такой мрачный, что отецъ боялся за его здоровье. И матери стало его жалко.

— Старикъ, пусти его. Развѣ не видишь, какъ онъ худѣтъ?!

Мать поддерживала Янита. Отецъ ничего не отвѣтилъ и отправился къ Анджу.

Отецъ еще не вернулся. Янить сидѣлъ на дворѣ, боясь зайти въ комнату.

Отецъ, возвратясь домой, могъ бы опечалить его плохими извѣстіями. Наступила ночь, а онъ все еще сидѣлъ, пока не почувствовалъ вліяніе влажнаго болотнаго тумана. Онъ хотѣлъ было уже подняться и покинуть мѣсто своихъ ночныхъ грезъ, какъ вдругъ сзади услышалъ стукъ раскрывающагося окна. Онъ повернулъ голову въ сторону избы и увидѣлъ въ оконѣ бѣлый силуэтъ. Это была мать.

— Янить, иди въ комнату. Уже такъ холодно, ты заболѣешь. Иди, отецъ ждетъ.

Значить, отецъ уже пришелъ.

Янить поднялся, и мать затворила окно.

— Что то скажетъ отецъ?—думалъ Янить по дорогѣ въ избу.—Навѣрно, ничего не выйдетъ съ училищемъ...

Сердце у него сильно забилося, словно онъ поднялся до половины высокой горы, и надо еще думать о дальнѣйшемъ подъемѣ. Тутъ онъ почувствовалъ, что совсѣмъ озябъ въ туманной прохлаждѣ.

Войдя въ комнату, Янить увидѣлъ отца и мать сидящими у стола, на которомъ слабымъ пламенемъ горѣла сальная свѣча.

— Ну, Янить,—сказалъ отецъ,—ты можешь завтра отправляться въ школу. Съ Анджемъ ничего не вышло, но я хорошо обдумалъ это дѣло... Настоящаго работника все равно изъ тебя не выйдетъ, лучше будетъ тебѣ учиться; можетъ, потомъ сдѣлаешься писаремъ или учителемъ, если будешь стараться. А мы дома обойдемся какъ-нибудь...

На лицѣ у Янита заиграла улыбка радости. Глаза заблестѣли. Онъ сѣлъ и хотѣлъ было поблагодарить отца, но не могъ. Вдругъ онъ схватилъ руку отца, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее и почувствовалъ при этомъ, какъ побѣжали слезы. И у отца появились слезы на глазахъ. Оба, отецъ и сынъ, сознавали, какая огромная жертва принесена. Хотя отецъ былъ необразованный крестьянинъ, онъ все-таки сознавалъ необходимость дальнѣйшаго воспитанія своего сына.

— Что жъ вы оба плачете, какъ дураки?—шутила мать, но по ея голосу видно было, что и ей нелегко удержаться отъ слезъ.

— А теперь учись, сынокъ, работай усердно,—заговорила мать.—Ты видишь, какъ папа для тебя трудится.

— Ну, Янить—уже не ребенокъ,—замѣтилъ отецъ,—онъ ужъ будетъ знать, что дѣлать.

Отецъ поднялся, снялъ сюртукъ, повѣсилъ его у стѣны за дверью и вздохнулъ. У Янита сжалось сердце при видѣ отца съ такой сгорбленной спиной. Его борода въ послѣднее время начала сѣдѣть. Во время послѣдней поѣздки въ Ригу онъ купилъ очки, которые надѣвалъ, когда читалъ книгу.

Усѣвшись на краю кровати, отецъ зѣвнулъ, собираясь снимать сапоги. Янить посиѣшилъ отцу на помощь. Когда сапоги были сняты, отецъ растянулся на кровати.

— Все было бы хорошо,—говорила мать,—если бъ Яковъ освободился отъ солдатчины. Послѣ Мартынова дня онъ явится, такъ онъ писалъ...

— Все пойдетъ хорошо, когда Яковъ дома будетъ!—замѣтилъ отецъ.— Тогда ты, Янить, только и живи, что въ школѣ...

— Теперь, сынокъ, иди спать, а завтра собирайся въ школу. До обѣда все-таки не проспѣешь. Я должна мясо варить. Ты ужъ знаешь, сынокъ, работы у меня много. Пойдешь подь вечеръ, тоже хорошо будетъ. Одинъ день—это ничего...—торопила мать.

— Тогда я съ утра еще пойду пахать,—сказалъ Янить дрогнувшимъ голосомъ,—мнѣ очень хочется поработать, особенно на сѣнокосѣ. Ну, скоро будутъ каникулы, я опять буду дома и буду косить... Вы тогда увидите, какъ я буду косить!

Янить легъ, но долго не могъ заснуть. Въ его воображеніи рисовался возрожденный Римъ. Всѣхъ римлянъ онъ охотно собралъ бы вокругъ себя, чтобы отправиться завоевывать дальнія, чуждыя страны. И отца, мать, брата и сестру онъ увелъ бы тогда изъ этого влажнаго, болотнаго мѣста туда, гдѣ не царитъ лихорадка, гдѣ сердцу весело, гдѣ можно найти счастье...

Но онъ сознавалъ сейчасъ, что это—лишь пустыя мечты. И все-таки Римъ рисовался его воображенію. Могучія, вѣтвистыя ели тянутся вверхъ, касаясь наверху другъ друга своими зелеными руками. Стройныя верхушки стремятся вверхъ къ небесамъ: это—башни возрожденнаго Рима. А на краю поляны горитъ костеръ, свѣтло-сѣрый дымъ взвѣвается вверхъ къ синему небу. Даже дымъ стремится туда... Какъ духъ, онъ подымается, оставляя влажную, непривѣтливую, гніющую землю... Римляне сидятъ вокругъ костра и говорятъ о событіяхъ въ школѣ. Но они сидятъ всѣ слишкомъ тихо. Нѣтъ прежняго оживленія... И Яниту кажется, что онъ слышитъ разговоръ молодыхъ римлянъ.

— Что же нашъ Цезарь дѣлаетъ?—спрашиваетъ вдругъ маленький Кай Капустулуй, настоящее имя котораго—Карлъ Капустынъ. Маленькій Капустулуй уважаетъ своего Цезаря, онъ любитъ его.

— Гдѣ Цезарь?—смѣется тучный Августъ Мауреліусъ, сынъ торговца льномъ Мауриня.—Цезарь бродитъ по варварскому болоту, а не то—пасетъ свиней варваровъ...

Мауреліусъ терпѣть не можетъ Цезаря: онъ самъ уже давно стремится стать Цезаремъ. Какая это честь: когда Цезарь приближается, всѣ поднимаются со своихъ мѣстъ, гдѣ бы ни сидѣли: одинъ—на полянѣ, другой—на пнѣ, третій—на толстомъ корнѣ ели, и всѣ кричатъ: „здравствуй, Цезарь, здравствуй!“

Мауреліусъ завидуетъ Цезарю. Отецъ Мауреліуса—богатый мѣщанинъ; отецъ Цезаря—бѣдный крестьянинъ. Но у Цезаря есть умъ и находчивость. Въ ученьи онъ—первый, а наружностью у него почти столь же привѣтлива,

какъ и важна. Это ничего, что онъ блѣденъ; но онъ знаетъ все, что задано, даже много, много больше. Кай Капустулусъ знаетъ на семь ладовъ Пиагорову теорему, Цезарь уже знакомъ съ дѣленіемъ линіи въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, знаетъ отношеніе радіуса круга къ окружности и другія вещи. Кай Капустулусъ съ товарищами едва перешли съ Ганнибаломъ черезъ Альпы, Цезарь можетъ назвать первыхъ консуловъ Франціи, онъ знаетъ, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ на пользу отечества и на пользу самому себѣ.

Обо всемъ этомъ думаетъ Цезарь, лежа на твердой койкѣ. Но ему становится страшно, онъ спрашиваетъ себя: „Почему я знаю больше, чѣмъ мои товарищи? Естественно ли это? Какъ далеко это можетъ пойти? Не явится ли бездна, черезъ которую не перейти ни волѣ человѣческой, ни уму? Не угрожаетъ ли Цезарю опасность?“

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, подъ вечеръ Янить отправился въ училище. Мать провожала его съ полверсты, неся сумку съ хлѣбомъ. Дойдя до большой дороги, она отдала сыну сумку и со слезами на глазахъ сказала:

— Я дальше не пойду... Иди, милый мой Янить... и не забывай насъ...

Янить поцѣловалъ мать и сказалъ:

— Привѣтъ отцу и всѣмъ!

Потомъ они разстались. Пройдя немного, Янить остановился и оглянулся. Мать медленно шла по дорогѣ. Нестерпимая тоска охватила его; не потому, что онъ долженъ былъ разстаться съ отцовскимъ домомъ: нѣтъ, ему больно было видѣть, какъ мать шла тамъ, бѣдняжка, съ большими надеждами и съ большимъ горемъ. Она шла обратно къ своей тяжелой жизни, къ ежедневному труду, гдѣ ѣдкій кухонный дымъ рѣжетъ глаза, гдѣ по утрамъ нужно вставать, чувствуя свои тяжелыя кости, а вечеромъ—ложиться съ еще болѣе разбитымъ тѣломъ. Отдыхъ? Знали ли его родители когда-нибудь отдыхъ? Оба они работаютъ со сгорбленной спиной, оба страдаютъ, страдаютъ...

Но теперь—быстро и смѣло къ возрожденному Риму! Разъ все-таки обстоятельства измѣнятся къ лучшему!..

Что за могучія ели по обѣимъ сторонамъ дороги! Почти такія же, какъ въ возрожденномъ Римѣ! Мохъ желто-зеленый, такой мягкій, что хочется полежать на немъ. Чу!.. Это—дятель или рябчикъ? Лѣсныя ласточки, вороны, сороки! Это все для Янита слишкомъ просто, обычно. Другое дѣло—увидѣть зайца или серну! Лисицы онъ совсѣмъ еще не видѣлъ... Около дороги все деревья... Нѣкоторыя—со стройными изгибами; они могли бы служить великану кнутомъ. Кого бы онъ поролъ? Лошадь можно было бы сразу убить такимъ кнутомъ... Деревья, все деревья!.. Наконецъ, это становится скучно: здѣсь они жужжатъ такъ же, какъ и въ другомъ мѣстѣ; хотя и мрачнѣе иногда, но все же это—одна и та же давно извѣстная мелодія деревьевъ... Но глубокая разсѣлина черезъ весь хребетъ холма, вырытая для осушенія

какого-то озера, кажется необычнымъ зрѣлищемъ! Хотя она давно знакома, все-таки она великолѣпна: глубокій разрѣзъ похожъ на громадную рану, сдѣланную людьми въ тѣлѣ земли... Но потомъ—опять деревья...

Наконецъ, путникъ погружается въ свои мысли. Человѣкъ для самого себя— совершенный незнакомецъ, когда, неудовлетворенный своею средой, онъ ищетъ спасенія внутри себя. Яниту казалось, что это чужое сердце такъ отчаянно бьется въ его груди. Оставить отца и мать однихъ съ тяжелой работой, въ гнѣздѣ лихорадки, въ одинокомъ заходусьѣ, и весело шагать къ возрожденному Риму! Янить ли это, такъ горячо любящій своихъ родителей?!

— Ухъ!—вздохнулъ онъ,—я шель слишкомъ скоро! Такъ жарко!..

Онъ вытеръ потъ со лба. Солнце уже готово было къ закату, но сегодня стояла особенно теплая, почти жаркая погода.

— Такъ вотъ, значить, каковъ я, — продолжалъ онъ думать, — надождаю отцу до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, отпускаетъ меня. Отецъ самъ такой слабый, но мнѣ объ этомъ мало заботы!..

Янить вздохнулъ, но пошелъ дальше. Ужъ разъ хотѣлъ онъ повернуть обратно домой и сказать:

— Папа, я останусь у тебя, помогу тебѣ!

Но разъ ноги пошли, онъ шлѣ дальше. Наконецъ, онъ увидѣлъ сквозь сосны широкое озеро съ мельницей, которое онъ уже въ дѣтствѣ много разъ привѣтствовалъ какъ чудо, освобождающее путника отъ заколдованнаго лѣса, гдѣ всѣ деревья таинственно жужжать.

Яниту казалось, что его сердце — опять его настоящее сердце. Оно какъ-то особенно забилось...

Тамъ, на мельницѣ, жила дѣвочка. Бѣлая, какъ лилія, проворная и граціозная, съ постоянно улыбающимся ротикомъ... Что-то теперь подѣлываетъ это милое существо! Жалуется ли оно, поетъ или громко ликуетъ, такъ что голосокъ звучитъ надъ всѣмъ озеромъ?..

Это маленькое созданіе Яниту показалось замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ мірѣ... Долго онъ не видалъ ее: въ послѣдній разъ — у Элькснайнской церкви. Но это было еще зимою, и маленькое, милое существо было закутано въ шубу и одѣяла, и онъ увидѣлъ лишь мелькомъ ея щеки, маленькій носикъ и пару искрившихся глазъ, почти лукаво смотрѣвшихъ на Янита. Но это было лишь мгновенье: мельникъ посадилъ ее въ сани, отвязалъ своего вороного, который мчался всегда какъ вѣтеръ, — а потомъ лишь сухой снѣгъ закружился вслѣдъ за быстро улетѣвшими санями, увозившими милое видѣніе...

Но прошлымъ лѣтомъ, наканунѣ Иванова дня, не случилось ли великое счастье, какое рѣдко достается на долю смертному?! Янить съ отцомъ былъ въ гостяхъ у мельника! Мельникъ жилъ въ дружбѣ съ отцомъ Янита. Арендованные мельникомъ у помѣщика луга граничили съ лугами Силенѣка. Но луга находились отъ мельницы на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, и мельникъ самъ не могъ смотрѣть за ними, а особаго сторожа ему не хотѣлось ржать. Въ этомъ отношеніи ему помогаль Силенѣкъ. Зато мельникъ молоть

для него даромъ. Наканунѣ Иванова дня мельникъ позвалъ Силенѣка къ себѣ въ гости. На покрытомъ бѣлой скатертью столѣ разставлены были жаркое, сыры, масло и бѣлый хлѣбъ. Въ подсвѣчникахъ горѣли свѣчи, кромѣ того комнату освѣщала большая висячая лампа. Зеркало достигало до потолка, и въ немъ Янитъ увидѣлъ себя во весь ростъ. Въ одномъ углу стоялъ рояль, въ другомъ—книжный шкафъ со стеклянными дверцами; а на шкафу поставлены вазы съ искусственными и живыми цвѣтами и павлиньими перьями. У стола хозяйничала жена мельника, толстая, пріятная дама, за платье которой цѣплялись двое ребятишекъ: мальчикъ и дѣвочка. Мальчикъ собрался было плакать, какъ вдругъ, точно изъ скрытаго тайника, вышла она, маленькое созданіе, которое дѣйствительно было похоже на ангела, и, взявъ мальчика за руку, сказала:

— Перестань! Видишь, какой ты бездѣльникъ! Оставь маму въ покоѣ!..

А часъ спустя маленькое существо подавало Яниту сласти, любезно приговаривая:

— Ну, бери еще, бери...

Янитъ бралъ и ѣлъ. Это были сласти, которыя можно было ѣсть безъ конца, пока только ихъ подавало маленькое, милое созданіе... Янитъ не умѣлъ вести себя какъ настоящій кавалеръ. Онъ сидѣлъ, молча восхищаясь маленькимъ существомъ. Не зналъ онъ тогда еще Рима, не былъ онъ еще Цезаремъ. Теперь, можетъ быть, онъ и осмѣлился бы ласкать золотые волосы маленькой мельничихи...

Какъ разъ противъ мельницы Янитъ остановился и началъ всматриваться въ окна мельникова дома. Можетъ быть, она придетъ къ окну и улыбнется!? Онъ стоялъ и ждалъ, но ни въ одномъ изъ оконъ не появлялось маленькое бѣлое созданіе. Тогда онъ вздохнулъ и пошелъ дальше.

Уже смеркалось, когда Янитъ пришелъ къ лѣсу, посрединѣ котораго находилось Элькснайнское приходское училище. Это былъ узкій, скверный проселокъ, ведущій туда съ большой дороги.

Луна уже взошла, когда Янитъ вышелъ на поляну, на другой сторонѣ которой возвышался на холмѣ школьный домъ. Съ бьющимся сердцемъ поспѣшилъ онъ къ училищу, думая о томъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ онъ пожметъ руки товарищамъ, и какъ всѣ обрадуются его приходу.

Но, придя въ училище и заглянувъ въ классъ, онъ нашелъ тамъ лишь „варваровъ“, занятыхъ ужиномъ. Одинъ изъ варваровъ открылъ дверь въ спальню и закричалъ во все горло:

— Цезарь, Цезарь пришелъ!

Почти въ то же время и дѣвочки узнали, что Цезарь пришелъ. Нѣкоторые побѣжали въ классъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Но Цезарь не чувствовалъ себя счастливымъ безъ римлянъ. Гдѣ бы они могли быть? Гдѣ же, какъ не въ возрожденномъ Римѣ?! Спрятавъ сумку съ хлѣбомъ въ кладовую, онъ поспѣшилъ черезъ поляну къ Риму.

II. Возрожденный Римъ и нападеніе варваровъ.

Около десятка мальчиковъ сидѣло у костра въ лѣсу. Огонь горѣлъ ровнымъ пламенемъ, ярко освѣщая лица нѣкоторыхъ мальчиковъ. Младшій изъ нихъ поднялся и сталъ на полянѣ. Онъ снялъ свою бѣлую, деревянную шашку и, размахивая ею, громкимъ голосомъ говорилъ:

— Я высказываюсь противъ избранія другого цезаря. У насъ есть одинъ цезарь, и онъ еще живъ. Почему же...

— Садись лучше, Капустулуй! Ты—хорошій математикъ, но о дипломатіи у тебя нѣтъ ни малѣйшаго понятія. Римъ не можетъ существовать безъ цезаря. А теперешній цезарь не живетъ въ немъ и не знаетъ судьбы и нуждъ своихъ подданныхъ!—кричалъ тучный паренъ, у котораго на верхней губѣ уже могла застрять порючная роса.

— Нѣтъ, такъ нельзя, мой уважаемый Августъ Мауреліусъ!—кричалъ Кай Капустулуй, снова размахивая шашкой, —я этому буду противиться, даже при помощи шашки, если это понадобится. Гражданская война—позоръ для народа, но я все-таки постою за Цезаря!

— Но гдѣ же онъ, твой Цезарь?—кричалъ раздраженный Мауреліусъ,—можетъ быть, онъ лежитъ на коровникѣ своего отца, а мы должны его уважать?!

— Здравствуйте, римляне!—сказалъ Янить, приближаясь къ костру, —сердечно привѣтствую всѣхъ васъ!

Онъ стоялъ нѣкоторое время вблизи и слышалъ, въ чемъ дѣло.

— Здравствуй, Цезарь, здравствуй!—кричали римляне, сѣшно приподымаясь,—ты, значить, здѣсь?!

— У насъ были уже пренія: гражданинъ Мауреліусъ внесъ предложеніе выбрать другого цезаря,—смѣялся Кай Капустулуй, обвиняя своего друга.

Цезарь торжественно стоялъ среди товарищей, и, даже будучи безъ шашки, онъ выглядѣлъ настоящимъ воиномъ. Всѣ римляне радовались его приходу, за исключеніемъ лишь Мауреліуса, продолжавшаго сидѣть; онъ смотрѣлъ на огонь костра и презрительно ухмылялся.

— Гражданинъ Мауреліусъ не отдаетъ Цезарю чести, онъ не исполняетъ своей обязанности. Я приношу жалобу на Мауреліуса...—сказалъ Капустулуй.

Римскій сенатъ постановилъ исключить Мауреліуса на цѣлый мѣсяць. Мауреліусъ всталъ и пошелъ, бросивъ полный ненависти, злобный взглядъ на Цезаря.

— Останься!—сказалъ Цезарь тихимъ, дрожащимъ голосомъ.—Я помиловалъ тебя. Сядь съ нами, будемъ разсуждать вмѣстѣ.

— Не надо мнѣ твоей милости, сынъ нищаго! Отецъ твой съ голоду помираетъ, а ты здѣсь хочешь быть цезаремъ! Фу, вотъ такъ Римъ!..—крикнулъ Мауреліусъ, подбѣжалъ къ костру, бросилъ въ него свою шашку и убѣжалъ въ ночную тьму, въ чашу лѣса.

— Лучше сгорѣть ей, чѣмъ остаться у недостойнаго римлянина!—сказалъ Цезарь.—Мауреліусъ теперь навсегда изгоняется изъ Рима и зачис-

ляется въ списки высланныхъ преступниковъ. Кто съ нимъ будетъ встрѣчаться и разговаривать, тотъ не можетъ быть римляниномъ! Граждане! Мое сердце билось за васъ, какъ ваше—за меня. Я знаю это! Будемъ вмѣстѣ бороться за все хорошее и прекрасное! Не будемъ строить воздушныхъ замковъ, но будемъ работать, будемъ учиться. Возрожденный Римъ пока еще слабъ и малъ. Но надо надѣяться, что онъ постепенно расцвѣтетъ, такъ что придется расширить его стѣны, т. е. заборъ, который мы выстроили вокругъ него, пока Римъ не сдѣлается могучимъ, а у жителей его не очистятся души и сердца. Мы будемъ воевать съ оружіемъ въ рукахъ лишь въ случаѣ нападенія на насъ варваровъ, а сами будемъ бороться съ ними просвѣщеніемъ, чистою жизнью сердца. Варвары стремятся лишь къ добыванію средствъ пропитанія, а мы кромѣ того еще постараемся создать болѣе глубокое счастье, приобретемъ чистый, смѣлый взглядъ на вѣчное... А теперь, товарищи, до свиданія послѣзавтра, здѣсь, въ Римѣ!..

Костеръ потушили. Римляне отправились въ школу, такъ какъ скоро долженъ былъ начаться вечерній урокъ послѣ двухчасового ужина; старшій учитель самъ тогда имѣлъ обыкновенье посѣщать оба класса и строго слѣдить за учениками. Цезарь и Кай Капустулусъ оставили Римъ послѣдними. Молча они шли черезъ лѣсъ къ училищу.

Въ среду вечеромъ римляне наскоро поужинали, чтобы успѣть отправиться въ Римъ. Старшій учитель уѣхалъ, да кромѣ того римляне пользовались нѣкоторыми льготами, такъ какъ они учились хорошо и скоро. Если бы они даже позже явились на урокъ, то учитель могъ бы ихъ упрекнуть лишь въ томъ, что они помѣшали другимъ, т. е. варварамъ. Но, какъ бы то ни было, въ этотъ вечеръ римскій сенатъ долженъ былъ рѣшить нѣскольکو неотложныхъ вопросовъ. Особенно важенъ былъ вопросъ о постановкѣ драмы.

Лишь только въ Римѣ зажегся костеръ и открылось засѣданіе, какъ въ лѣсу раздались свистки.

— Что это значитъ?—встрепенувшись, боязливо спросилъ Кай Капустулусъ,—не варвары ли?!...

— Пусть они приходятъ, —успокаивалъ Цезарь,—мы побѣдимъ ихъ. Но я думаю, что они насъ не тронуть...

Но едва Цезарь сказалъ это, какъ варвары съ визгомъ и крикомъ бросились на римлянъ. Не успѣли еще римляне придти въ себя, какъ были взяты уже въ плѣнъ. Только одинъ Цезарь былъ свободенъ; варвары не осмѣлились его трогать, такъ какъ считали его такимъ же умнымъ, какъ самихъ учителей. Но вдругъ среди варваровъ Цезарь замѣтилъ Мауреліуса, приближавшагося со свирѣпымъ лицомъ и въ рукѣ державшаго кнутъ.

— Вотъ этимъ я проучу гордаго римскаго Цезаря!—кричалъ Мауреліусъ, размахивая кнутомъ. Цезарь отступилъ немного, защищаясь. Вдругъ Мауреліусъ ударилъ его такъ сильно, что онъ вскрикнулъ отъ боли и въ бѣшенствѣ нанесъ ему обратный ударъ шашкой.

— Ой, теперь глазъ пропалъ!—вскрикнулъ Маурелиусъ, бросилъ кнутъ и упалъ на полянѣ у костра.

Дѣйствительно, одинъ глазъ у Маурелиуса погибъ. Изъ глазной орбиты смотрѣла пустая, темная дыра. Кровь текла ручьемъ. Маурелиусъ корчился и вопилъ, какъ будто его бросили въ адское пламя. У Цезаря окаменѣли члены. Онъ предчувствовалъ не только конецъ Риму, но и наказаніе для себя.

— Надо убить такого разбойника, повѣсите!—кричалъ Маурелиусъ. —Товарищи, бѣгите за учителемъ, а другіе вяжите руки Силенѣку. Вяжите убійцу...

Нѣкоторые изъ мальчиковъ приближались къ Цезарю. Дрожащимъ голосомъ онъ произнесъ:

— Зачѣмъ вязать руки? Я самъ пойду и все расскажу учителю; пусть потомъ меня наказываютъ...

И онъ медленно ушелъ.

Въ слѣдующіе дни въ Элькснайскомъ приходскомъ училищѣ царилъ страшная суматоха. Приѣхалъ самъ инспекторъ съ волостнымъ старшиной, чтобы присутствовать при допросѣ учениковъ, причастныхъ къ дракѣ. Маурелиуса увезли домой; одинъ глазъ навсегда погибъ, а другому не грозило никакой опасности. Всѣ римляне и почти всѣ варвары показали въ пользу Цезаря, но несмотря на это онъ все-таки былъ исключенъ изъ училища. Онъ хотѣлъ было оправдаться тѣмъ, что Маурелиусъ напалъ на него первый, но это не помогло, такъ какъ онъ былъ признанъ главаремъ, т. е. Цезаремъ.

Педагогическій совѣтъ постановилъ исключить его. Съ этого момента онъ ужъ не былъ болѣе Цезаремъ, а былъ просто Янѣтъ Силенѣкъ, котораго всѣ избѣгали, потому что онъ выкололъ человѣку глазъ.

Съ невыразимою болью въ сердцѣ Янѣтъ Силенѣкъ собрался домой.

— Что скажутъ отецъ и мать?! Что скажутъ остальные? Но я не виноватъ, хотя никто не хочетъ признать, что я невиновенъ...

Онъ собрался съ духомъ и зашелъ къ учителямъ попроситься.

— Иди и постарайся исправиться!—сказали ему учителя и даже руки ему не подали.

Всѣ какъ-то странно смотрѣли ему вслѣдъ, когда онъ уходилъ. На пригоркѣ у него побѣжали изъ глазъ слезы. Онъ хотѣлъ было присѣсть и выплакаться, какъ вдругъ услышалъ за собой чей-то запыхавшійся голосъ:

— Обожди, Цезарь, обожди!

Это былъ Кай Капустулуйсъ.

— Не называй меня больше Цезаремъ! Теперь я—прогнанный нищій, которому весь вѣкъ придется тяжело работать. Погибли мои мечты.

— Братецъ, такъ ли мы должны были разстаться?!—Кай Капустулуйсъ бросился Цезарю на шею.

— Прощай! Мой привѣтъ Риму и римлянамъ! Прощай!

И Цезарь ушелъ, рыдая, въ вечернія сумерки...

Кай Капустулусъ возвратился обратно въ училище и дожилъ до того времени, когда Маурелиусъ и его приверженцы основали „Новый Парижъ“, вблизи развалинъ Рима. Маурелиусъ теперь назывался мосье Мауринье, такъ какъ онъ бралъ у жены учителя уроки французскаго языка и не навидѣлъ классицизмъ.

Въ „Новомъ Парижѣ“ часто пировали, особенно по субботамъ вечеромъ. Даже пиво пили и папиросы курили.

И тучные, молодые парижане говорили охотнѣе всего о дѣвушкахъ.

Маурелиусъ побѣдилъ; а Цезарь бродилъ по болоту Сиденѣка и со временемъ совсѣмъ уже забылъ о томъ, что когда-то онъ былъ Цезаремъ возрожденнаго Рима.

ИВАНЪ ПОРУКЪ.

Пылинка.

Перевелъ Александръ Лутцау.

Высоко, высоко въ воздухѣ летаетъ пылинка. Въ лучахъ солнца она блеститъ и переливается красками. Тихо скользить она все ближе къ землѣ.

— Здравствуй, земля! Здравствуйте, поля! Здравствуйте, цвѣтистые луга!

Вѣтеръ иногда подымаетъ пылинку вверхъ, пылинка шатается, падаетъ, подымается, опять падаетъ, пока наступаетъ вечеръ и воздушныя теченія стихаютъ. Тогда пылинка, при заходѣ солнца, опускается на лепестокъ розы.

— Добрый вечеръ!—любезно вздыхаетъ роза.

— Вечеръ добрый!—шепчетъ пылинка.

— Откуда?

— Съ неба!

Роза краснѣетъ. Въ ея чашечкѣ поблескиваетъ слезинка.

— Что моя мамочка подѣлываетъ въ небесахъ?

— Цвѣтеть!

— А какъ мои сестрицы поживаютъ?

— Цвѣтутъ... у ногъ Всевышняго...

— Моя младшая сестрица, увядшая въ концѣ мая, тоже тамъ?

— Она тоже... цвѣтеть румяная, румяная.

— А хорошо въ небесахъ?

— Должно быть!

— Какъ? Развѣ ты тамъ не испытала высшаго блаженства?

— Я—пылинка. Я затерялась въ чудесномъ небесномъ сіяніи. Незамѣченная, ничтожная, я возвратилась обратно къ землѣ.

Дыханіе вечера подуло на розу. Пылинка поднялась до еловыхъ вѣтвей и опустилась среди зеленыхъ хвой. Отсюда открывался широкій видъ на луга, нивы и рощи.

У еловой рощи находилось кладбище. Звонарь какъ разъ открывалъ окно часовни.

„Бимъ! бамъ!“—зазвучалъ колоколь.

Вѣтка ели тихо качалась въ вечернемъ воздухѣ. Но пылинка крѣпко держалась за хвойнку.

Маленькая мурашка, забравшаяся до самого конца высокой вѣтви, чтобы изслѣдовать эту еще незнакомую ей часть свѣта, увидѣла блестящую въ пурпурѣ пылинку.

— Неблагодарный бродяга! — запищала мурашка.

Пылинка боязливо посмотрѣла на мурашку и вздохнула.

Да, она была дѣйствительно бродяга, это она сама признавала. Пылинка перелетѣла все небесное пространство, побывала и на солнцѣ, и на звѣздахъ, но нигдѣ не могла примоститься, не могла въ жизни найти покоя. Вездѣ она была только пылинкой. Звѣзды умчались съ огненнымъ грохотомъ, какъ громадные шары, по своимъ путямъ. А она, пылинка, осталась легонькой, далеко за ними. Вѣчно скиталась она, переходя съ одного мѣста на другое, безъ гибели, но и безъ настоящей жизни.

Въ глубокой, глубокой древности, когда Всевышній творилъ вселенную, пылинка въ своей великой дерзости отстала отъ остальной природы. Она хотѣла сдѣлаться самостоятельнымъ міромъ. И, дѣйствительно, она осталась одна, эта дерзкая, лишняя, ничтожная пылинка.

Эту ночь пылинка провела на зеленой вѣтви ели. Когда настало утро, звонарь явился на кладбище и заблаговѣстилъ о приходѣ воскреснаго утра. Потомъ онъ началъ украшать вѣтками хвои свѣже-вырытую могилу. Сегодня должны были быть похороны единственнаго сына бѣдной матери.

Пылинка глядѣла еще на лучезарный свѣтъ восходящаго солнца, когда звонарь подошелъ къ ели съ топоромъ въ рукѣ.

„Книксъ! книксъ!..“ Вѣтка упала къ ногамъ звонаря. Но пылинка держалась крѣпко за зеленую хвоинку.

Вскорѣ вѣтка ели висѣла надъ краемъ могилы, а за зеленую хвоинку держалась пылинка...

„Вимъ, бамъ“... — звонилъ похоронный колоколь.

— Изъ праха ты взять и въ прахъ обратись...

Старушка-мать, нагибаясь надъ краемъ могилы, глядѣла на черный гробъ, лежавшій на днѣ могилы.

Упала первая горсть песку. У матери полились слезы ручьемъ.

Лопаты зазвенѣли. Песокъ съ глухимъ стукомъ падалъ на крышку гроба. Вдругъ упала въ глубокую могилу вѣтка ели и вмѣстѣ съ нею и пылинка.

Спи вѣчнымъ сномъ, напрасно жившая на свѣтѣ пылинка!

ИВАНЪ ПОРУКЪ.

Вдова.

Перевелъ Александръ Лутцау.

Свѣтало. Было пасхальное утро. Чистый, ясный воздухъ наполняли глухіе звуки колокола. Все ярче становилась на востокѣ заря, пока, наконецъ, царица свѣта не показалась изъ-подъ легкой облачной полосы и, окрашивая пурпуромъ горы, постройки, темный лѣсъ и свѣтлыя рощи, показала міру, что и она воскресла и снова блеститъ и сіяетъ.

Лишь только лучи солнца засіяли въ окнахъ усадьбы Тирумъ, молодая блѣдная женщина поднялась со стула, стоявшаго возлѣ кровати больного.

Спящій глубокимъ сномъ больной былъ ея мужъ, хозяинъ усадьбы. Молодая жена подошла къ окну, посмотрѣла на солнце и вздохнула.

— Хоть бы весна скорѣе настала!—подумала она. Но за садомъ, на краю рощи, блестѣлъ еще снѣгъ, а рѣчка посрединѣ луга снова подернулась тонкимъ слоемъ льда.

Утреннее солнце румянило блѣдное лицо красивой хозяйки, но она отвернулась отъ окна, какъ будто чѣмъ-то недовольная, какъ будто чувствуя, что весна опоздаетъ, что она не спѣшитъ выгнать ея любимого мужа. Усѣвшись опять на стулъ, она снова начала печально смотрѣть на больного.

Въ это время тихо открылась дверь. Вошли отецъ и мать хозяина, на морщинистыхъ лицахъ которыхъ можно было прочесть благоговѣніе и горе.

У старыхъ людей—горе особенное. Они больше страдаютъ, видя грѣховную жизнь своихъ дѣтей, чѣмъ переживая ихъ болѣзни или смерть. Хотя старикъ-отецъ тоже горевалъ при видѣ больного сына, но тяжелый трудъ заставлялъ его забывать о болѣзни сына. По вечерамъ, навѣщая больного, онъ вздыхалъ, но слезъ у него не было видно. У старушки-матери часто стекала слеза по щекѣ, но это случалось и тогда, когда въ домѣ происходило какое-нибудь несчастье: издохъ теленокъ или овечка, или когда хорошую, прилежную служанку выдавали замужъ. Горе обоихъ стариковъ ни въ какомъ случаѣ не могло сравниться съ горемъ невѣстки. Последняя совершенно измѣнилась съ того дня, когда заболѣлъ мужъ. Молодые сердца и горе, и радость чувствуютъ сильнѣе, и слѣды горя скорѣе отражаются на молодыхъ лицахъ.

— Съ добрымъ утромъ, Марта!—привѣтствовалъ старикъ молодую

хозяйку. Она отвѣтила тихимъ кивкомъ головы. Старуха-мать поцѣловала невѣстку и погладила ея щеки.

— Вы уже завтракали?—освѣдомилась у стариковъ молодая хозяйка.

— Спасибо, милая! Закусили, а сейчасъ отправимся въ церковь. Хотѣли только на больного посмотреть!—шептала мать.

— Уже съ полуночи онъ спитъ такъ сладко, будто совсѣмъ не хочетъ больше проснуться!—сказала Марта печально, сложила руки и замолкла.

Старички неподвижно смотрѣли на больного, который спалъ крѣпкимъ сномъ и въ бѣлой рубашкѣ совсѣмъ походилъ на мертваго. Только тяжело вздымавшаяся грудь показывала, что онъ еще живъ.

— Богъ поможетъ, и все будетъ хорошо!—проговорилъ отецъ.— Ну, пойдемъ, матушка, пока доплетемся... идти далеко...

Старички попрощались и ушли. И вскорѣ, завязавъ въ платочекъ праздничные гостинцы и спрятавъ бутылку съ молокомъ въ телѣгу, они уѣхали въ церковь.

У молодыхъ была на рѣдкость счастливая, тихая семейная жизнь. Сынъ женился на Мартѣ съ одобренія стариковъ, но не по принужденію: онъ самъ любилъ ее. А она? Она любила мужа страстно. Они жили вмѣстѣ уже года четыре. Счастье наградило ихъ за это время двумя малютками-сыновьями: старшій былъ живъ, а младшій черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ умеръ. Любимецъ молодыхъ супруговъ назывался Вилей, но они часто звали его Гномомъ. Этотъ Гномикъ былъ ихъ величайшимъ счастьемъ. Для него они работали и жили, для него они пожертвовали бы своею жизнью.

Уже съ того дня, какъ у молодой хозяйки родился Виля, она начала думать о воспитаніи своего сына. Въ ея воображеніи сынъ рисовался честнымъ мальчикомъ, добросовѣстно исполняющимъ свои школьныя обязанности; она видитъ его студентомъ, съ восторгомъ читающимъ научныя сочиненія; онъ ликуетъ, поетъ или весело болтаетъ и нравится всѣмъ окружающимъ. Она видитъ его женихомъ... Тутъ молодая мать почувствовала что-то въ родѣ ревности къ своей воображаемой невѣсткѣ. Разумѣется, невѣстка казалась ей такою же красивой, какъ и она сама: брюнетка съ большими вопрошающими глазами, бѣлой шеей, жемчужными зубами, ярко-розовыми губами и стройнымъ, полнымъ жизни станомъ. И, несмотря на ревность, она все-таки рада, что сынъ нашелъ себѣ такую прекрасную невѣсту. Очнувшись отъ такихъ мечтаній, Марта начала смѣяться, вспоминая, что герой ея фантастическаго романа—маленькій Гномикъ, почти неумѣющій еще говорить, хотя имѣющій уже видъ отважнаго мальчика съ сильнымъ тѣлосложеніемъ.

Небольшая комната, въ которой лежалъ больной, была выстлана бѣлыми выструганными досками.

Темно-коричневый шкафъ, два стола, одинъ изъ которыхъ былъ сдѣланъ самимъ хозяиномъ, затѣмъ полка съ тщательно уложенными книгами, рояль— все это свидѣтельствовало о примѣрномъ, хорошемъ хозяйствѣ.

Комната имѣла три скна: одно—на югъ, гдѣ находился огородъ, а за нимъ лугъ и поле; а еще далѣе виднѣлся мрачный, темный лѣсъ. Остальные два окна выходили на востокъ. Тутъ виднѣлся яблоневый и пчелиный садъ, за нимъ—роща, а за рощей—поля и сосѣднія усадьбы.

Въ этой комнатѣ хозяйинъ и его молодая жена Марта провели счастливѣйшее время своей жизни. То одинъ, то другой изъ нихъ держали на колѣняхъ Гномика, разговаривая о домашнихъ работахъ, о батракахъ, о газетныхъ извѣстiяхъ, о прочитанномъ и слышанномъ, но сердечнѣе всего говорили они о Гномикѣ. Иногда Марта играла на роялѣ свою любимую пѣсню: „Ich wollt' meine Liebe ergösse sich“. И Гномикъ отбивалъ тактъ, барахтаясь и нарушая всю поэзiю. Марта схватывала его и прижимала къ своей груди, нѣсколько разъ повторяя:

— Ахъ, мой милый Гномикъ!

Когда Гномикъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ и сосалъ материнскую грудь, Марта часто думала о томъ, кто больше любитъ Гномика: она или молодой, счастливый отецъ? И когда Гномикъ, боясь черной бороды отца и его темныхъ глазъ, прижимался къ свѣей милой матери, глаза Марты сияли гордостью.

Въ такія минуты Марта чувствовала, какое великое значеніе имѣетъ женщина-мать, живущая для своего ребенка, своимъ молокомъ поддерживающая вѣчную молодость въ человѣчествѣ. Иногда она чувствовала усталость: Гномикъ слишкомъ сильно сосалъ ея грудь, но она была рада, что можетъ отдать свою кровь своей олицетворенной любви, своему жизненному совершенству, своему горячо любимому ребенку. Она теперь впервые познала великое значеніе дѣтства—возрожденiя человѣчества въ природѣ для того, чтобы человѣкъ проникался все новыми, до сихъ поръ ему еще чуждыми стремленiями, постигалъ все высшія идеи и отдавался новому творчеству. Гномикъ казался ей олицетворенной любовью ея и мужа, прiобрѣтшей человѣческой образъ и человѣческія добродѣтели, которая слушаетъ, видитъ, чувствуетъ, смѣется и плачетъ. Гномикъ былъ чудомъ, явившимся на свѣтъ благодаря ей.

Марта чувствовала, что любовь ея къ Эрнесту—теперь не такая, какой была раньше, въ первые дни ихъ супружества.

Въ то время она любила Эрнеста какъ-то туманно, теперь же это было иначе. Прежняя дѣвчiя застѣнчивость, связанная съ невинностью и незнаніемъ, заставляла ее различно думать о любви. То она думала, что любить Эрнеста изъ-за его глазъ, то вдругъ ей нравились его лобъ и волосы, его стройная походка, его мужественность. Теперь она сознавала, что глаза Эрнеста, его лобъ и волосы переданы новому существу для дальнѣйшей жизни, признаны и застрахованы природой въ Гномикѣ. По крайней мѣрѣ, она находила въ Гномикѣ нѣкоторое сходство съ отцомъ. И то, что Эрнесту

правилось въ матери, она тоже находила у Гномика. Эта любовь была обоими супругами уже пережита; теперь она жила дальше въ Гномикѣ. Но теперь зародилась иная любовь. Марта начала любить своего мужа за его грудь, мысль и умъ. И Эрнестъ началъ любить Марту не изъ-за ея глазъ и стройнаго стана: она стала ему дорога, какъ добросовѣстная, отличная хозяйка, полная заботъ о чистотѣ, порядкѣ и непрерывномъ трудѣ. Это былъ второй періодъ любви обоихъ супруговъ. Поэтому Марта надѣялась, что если судьба дастъ имъ еще второго ребенка, онъ будетъ менѣе красивъ, но зато будетъ способнѣе и мужественнѣе.

— О чемъ только я думаю!..

Марта начинала смѣяться, просыпаясь отъ этихъ грезъ. Въ такіе моменты она все рассказывала Эрнесту. Эрнестъ улыбался, качалъ головой и говорилъ:

— Да, да, умная ты, нечего сказать!..

— Что онъ будетъ изучать въ университетѣ? — спросила однажды Марта, когда они какъ-то разъ сидѣли въ саду на пушистой травѣ, а Гномикъ игралъ деревянной лошадкой на посланномъ холстѣ.

— Марта, Марта! полно тебѣ чепуху городить, не малой чорта на стѣнѣ, ибо онъ тогда на дѣлѣ является.. Мнѣ эта зубрежка противна: собственно, противны не науки, которыя преподаются въ высшемъ учебномъ заведеніи, а положеніе, обыкновенно занимаемое студентомъ въ обществѣ. Конечно, бываютъ исключенія. Сильный характеръ обыкновенно остается такимъ же, какимъ былъ въ началѣ: человекъ съ здоровымъ тѣломъ и душой... Но такихъ, вѣдь, немного. Большинство кончаетъ курсъ, но до чего они тогда уже нравственно испорчены! Несмотря на то, что они отлично знаютъ о своемъ испорченномъ тѣлѣ и загубленномъ здоровьѣ, они все-таки женятся и медленно, но вѣрно губятъ жизнь своихъ женъ. Жена такого человека — несчастное созданье, соблазненное вѣшнимъ блескомъ и пустозвонной образованностью. Образование, — да, если бы мы могли дать его своимъ дѣтямъ на естественныхъ, здоровыхъ началахъ. Но наши молодые студенты — и даже ученики — начинаютъ пьянствовать. Въ пьянствѣ они теряютъ чистоту и добродѣтель, опускаются, а потомъ уже не могутъ вернуть сдѣланнаго или исправить его. Они опускаются все ниже... „*Ala jacta est*“ — такъ говорятъ по-латыни, переступая черезъ порогъ запретнаго входа. И послѣ этого открывается путь въ неправильную, несуразную жизнь...

— Я поѣду вмѣстѣ съ Гномикомъ и буду смотрѣть за нимъ; я буду его служанкой и матерью. По-моему Виля долженъ изучать народное хозяйство. Кто не умѣетъ хозяйничать, тотъ и не умѣетъ добиться счастья.

— Оставимъ народное хозяйство, — засмѣялся Эрнестъ. — Я — крестьянинъ, т. е. земледѣлецъ и работникъ, и такимъ я останусь всегда. Эта жизнь и этотъ трудъ — единственныя основы нравственности; все остальное — пустыя слова, лишнія теоріи, чепуха. И мое горячее желаніе — чтобы мой сынъ воспитывался въ городѣ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы впасть въ развратъ. Какъ только онъ подрастетъ и

станетъ поглядывать уже на дѣвочекъ, тогда пусть вернется обратно ко мнѣ, и тогда я стану его учителемъ и другомъ. Здѣсь подъ моимъ руководствомъ онъ долженъ будетъ учиться думать и работать; а какъ только онъ влюбится, пусть сейчасъ же женится на своей возлюбленной,—все равно, будетъ ли она дочерью богатыхъ родителей или же просто дочерью чернорабочаго. Знаеть—еще не значить быть образованнымъ; образованіе—это знаніе и добродѣтель вмѣстѣ. Ты кое-что читала о народномъ хозяйствѣ и думаешь, что это—единственный путь къ счастью человѣчества. Природа—хозяйка міра и народа, а не человекъ. Есть люди, которые родились вопреки волѣ природы: это—плодъ дѣловаго брака; такой человекъ весь вѣкъ свой будетъ скитаться несчастнымъ по землѣ, даже если бы народному хозяйству и удалось развязать запутанный узелъ—дать каждому нужное пропитаніе. Въ людяхъ совершенно не воспитывается способность радоваться счастью другихъ. „Если я несчастенъ, пусть и другіе будутъ несчастны!“—вотъ логика большинства людей. Напримѣръ, ты красива, у тебя доброе сердце, ты желаешь счастья другимъ оттого, что у тебя самой счастья довольно; но кто безобразенъ, кто никѣмъ не любимъ, для того жизнь все-таки будетъ страданіемъ, даже если бы онъ былъ и сытъ, и одѣтъ. Если кто-нибудь изучаетъ народное хозяйство для того, чтобы открыть этотъ закодированный ларчикъ, ему все-таки это не удастся. Человѣчество, т. е. всѣ люди, никогда не можетъ стать счастливымъ до тѣхъ поръ, пока одинъ чувствуетъ, видитъ и слышитъ то, о чемъ другой не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Непонятый человекъ—самый несчастный. Если бы я былъ сегодня Эрнестомъ, завтра—Мартой, а послѣзавтра—Гномикомъ и т. д., я бы могъ глубоко заглянуть въ душу всякаго человека, могъ бы познать взгляды и стремленія каждаго человека, я зналъ бы радость и горе каждаго,—и тогда только можно было бы говорить о счастьѣ человѣчества. Страданія никогда не могутъ быть уничтожены, но человекъ можетъ страдать и все-таки быть счастливымъ. Счастье—во взаимной дружбѣ и любви. Пока между людьми будетъ вражда, зависть, пока они будутъ преклоняться передъ вѣшнимъ блескомъ и мишурой, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи объ осчастливленіи человѣчества. Ахъ, Марта! Въ людяхъ еще такъ много дикости и звѣрства! Уничтожить эту дикость сначала у себя, потомъ у своего сосѣда—это поважнѣе, чѣмъ легкомысленно мечтать о народномъ хозяйствѣ. Разовьемъ въ нашемъ сынѣ стремленіе ко всему хорошему, къ труду и любви къ людямъ,—тогда въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ справедливъ для себя и для другихъ. Будемъ учить его только тому, что онъ въ состояніи понять, а вещи, непонятныя намъ самимъ, оставимъ нетронутыми.

— А врожденные грѣхи? Что съ ними дѣлать?—спросила Марта.

— Ты думаешь о недостаткахъ его тѣла? Слабые мозгъ и кровь рождаютъ грѣхъ. Но имѣются, вѣдь, примѣры того, какъ въ слабомъ тѣлѣ живетъ здоровый и сильный духъ; и причина этого опять-таки—истинныя понятія о добрѣ и красотѣ. Небесный юморъ спасаетъ иногда отчаяващагося; душевная красота спасаетъ безобразнаго тѣломъ отъ превратнаго мышленія,

зависти и челоуѣкоенавистничества. У Гномика почти не будетъ врожденныхъ грѣховъ, если мы сами будемъ жить примѣрно и достойно, и если мы его не избалуемъ. Будемъ обходиться вѣжливо и сердечно съ рабочими, будемъ жить въ порядкѣ и чистотѣ, и ты увидишь, какъ безсильны будутъ эти врожденные грѣхи... Внѣшнія обстоятельства здѣсь имѣютъ очень большое значеніе...

Когда Эрнестъ разсуждалъ подобнымъ образомъ, Марта слушала его внимательно. Хотя она и воспитывалась въ женской гимназій, она все-таки не могла достаточно глубоко и основательно продумать тотъ или иной вопросъ. Эрнестъ же, хотя не получилъ такого образованія, но имѣлъ свое собственное сужденіе... Онъ былъ мужчиной въ настоящемъ смыслѣ слова. Стремясь всегда къ хорошему и прекрасному, онъ не боялся тѣхъ, которые смѣялись надъ его черной работой. Онъ работалъ весь день и при этомъ обыкновенно думалъ. Что значить работа безъ мысли? Такая работа дѣлаетъ челоуѣка рабомъ, а не властелиномъ. Эрнестъ Звайгзнитъ былъ властелиномъ своей работы, ибо онъ зналъ, что онъ дѣлалъ и зачѣмъ онъ работалъ.

Гномикъ росъ красивымъ, милымъ мальчикомъ, и Эрнестъ съ Мартой тѣмъ временемъ жили въ полномъ счастьѣ, пока не случилось то, отъ чего Эрнестъ заболѣлъ.

Недалеко отъ усадьбы протекала маленькая рѣчка, весною иногда быстро разливавшаяся, такъ какъ ея истокъ находился въ ближайшихъ, всегда богатыхъ водою лѣсныхъ возвышенностяхъ.

Однажды, въ началѣ марта, неожиданно разразился ранній ливень, и рѣчка широко разлилась; къ тому же ледъ еще не прошелъ. На слѣдующую ночь какой-то пьяный старикъ, проѣзжая черезъ рѣчку, сбился съ зимняго пути! Быстрое теченіе занесло его въ ближайшіе кусты къ ветламъ, гдѣ вода образовала настоящее озеро. Эрнестъ, находившійся въ то время на дворѣ и услышавшій крики несчастнаго, поспѣшилъ ему на помощь. Старика онъ спасъ, но при этомъ самъ сильно простудился. Черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ нервной лихорадкой. Врачъ уже съ самаго начала не надѣялся, что Эрнестъ выздоровѣетъ; но могучій организмъ больного долго боролся съ болѣзью. Какъ-то разъ онъ уже началъ прогуливаться по комнатѣ, разговаривалъ съ Мартой и отцомъ о хозяйствѣ и другихъ дѣлахъ. Но болѣзнь снова скрутила его и безжалостно приковала вторично къ постели. Въ такомъ положеніи мы застаемъ молодыхъ сунруговъ въ это пасхальное утро.

Больной проснулся черезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ старики уѣхали въ церковь. Марта находилась въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ одѣвала Гномика. Гномикъ, чувствовавшій несчастье, поразившее отца, потерялъ свою прежнюю веселость. Марта вошла къ больному съ Гномикомъ на рукахъ какъ разъ въ то время, когда больной пытался принять сидячее положеніе. Но силы его совсѣмъ изсякли. Марта принесла пуховую подушку и устроила изголовье больному такъ, что онъ могъ разсмотрѣть комнату и

своихъ близкихъ. Гномикъ держалъ въ рукахъ два пасхальныхъ яйца. Одно изъ нихъ онъ протягивалъ отцу. Эрнестъ хотѣлъ поблагодарить, но губы не шевелились. Онъ смотрѣлъ на сына глазами, полными любви, и, погладивъ его головку своею блѣдной, исхудалой рукой, втянулъ ее обратно подъ пестрое шерстяное одѣяло. Глаза его сегодня какъ-то особенно блестяли. Марта тотчасъ же замѣтила это и въ страхѣ опустила на стулъ.

— Смерть... — подумала она, и холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Любимѣйшая служанка Эрнеста Аннужка принесла больному завтракъ, состоящій изъ чашки бульона съ яйцомъ и пирожками. Казалось, что у больного сегодня хорошій аппетитъ. Онъ пытался даже шутить съ Гномикомъ и ударилъ своимъ яйцомъ въ его яйцо; Гномикъ звонко засмѣялся, и смѣхъ этотъ немного разсѣялъ мрачныя и подавленные чувства родителей.

День проходилъ грустно. Подъ вечеръ больной сталъ ослабѣвать и не хотѣлъ принимать лѣкарство. Вечеромъ, когда домашніе и старики уже легли, Марта замѣтила, что дыханіе больного становится все медленнѣе и тяжелѣе. Она чувствовала, что смерть уже медленно сжимала грудь ея любимаго мужа.

Марта была одна у постели Эрнеста, когда онъ кончилъ земное существованіе. Она закрыла его вѣки, и потокъ слезъ заструился по ея лицу. То, чего цѣлыми недѣлями она боялась, теперь случилось. Марта то складывала руки и туно смотрѣла на больного, то опять гладила его лицо и рыдала. Все это совершилось тихо, тихо. Лишь утромъ, когда разсвѣло, Марта вышла въ людскую и начала рыдать. Домашніе сразу поняли, что случилось.

Пока покойника временно укладывали въ гробъ старика-отца, Марта ходила, какъ безумная. Механически стирала она пыль съ мебели, переставляла книги, потомъ опять подходила къ мертвому. Она слышала и не чувствовала, какъ Гномикъ, плача, рвалъ ее за платье. Наконецъ, она вошла въ боковую комнату, гдѣ за занавѣсами стояла широкая кровать. Усталая, безъ силъ, она бросилась на кровать. Всю ночь она не смыкала глазъ, а теперь, обезсиленная, заснула.

* * *

Солнце весело сіяло, заливая землю яркимъ огнемъ своихъ благотворныхъ лучей.

Пахарь взрывалъ борозды на полѣ. Пастухъ игралъ на свирѣли или пѣлъ. Дѣвушки разстилали на полянѣ полотно для бѣленія, хохотали и говорили о женихахъ.

Былъ мѣсяцъ май, сдѣлавшій весь міръ такимъ чудеснымъ, цвѣтущимъ и веселымъ. Въ одинъ чудесный послѣобѣденный часъ Марта сидѣла въ саду на ступенькахъ дома и шила. Гномикъ возился передъ ней со своими

игрушками. Вдруг онъ подбѣжалъ къ матери и забрался къ ней на колѣни.

— Иди, сынокъ!.. Оставь меня хоть на минуту въ покоѣ!..

Но Гномикъ смѣялся и даже не думалъ оставлять мать въ покоѣ.

— Иди, сынокъ, поиграй! У мамы головка болитъ!..

Гномикъ пытливо посмотрѣлъ на мать и повѣрилъ, что у матери, дѣйствительно, болитъ голова.

Марта еще не оправилась. Кухонный огонь и весеннее солнце сдѣлали ея лицо румянымъ, но усталыя черты свидѣтельствовали о томъ, что радость и счастье совсѣмъ оставили ее. Она часто думала о хозяйствѣ и о будущемъ Гномика, о средствахъ и способахъ его воспитанія, но, въ концѣ концовъ, ея мысли всегда возвращались къ Эрнесту, любимому мужу, который теперь лежалъ подъ желтымъ пескомъ на кладбищѣ. Марта силилась забыть Эрнеста, чтобы оправиться и посвятить все свои силы Гномику, но напрасно! Слишкомъ сильно срослись ихъ сердца, ихъ души слишкомъ глубоко проникали одна въ другую, чтобы смерть могла ихъ разъединить. Марта сдѣлалась даже болѣзненно суевѣрной. Ежеминутно она ждала, что Эрнестъ явится, прижметъ ее къ своей груди и скажетъ:

— Радуйся, Марта, это былъ только сонъ, это было лишь испытаніе, — я живу!..

Но онъ не являлся: этотъ горькій сонъ былъ дѣйствительностью. Но все-таки Мартѣ казалось, будто какой-то внутренній голосъ говоритъ ей:

— Я живу!

— Я живу...— эти слова она велѣла вырубить на надгробномъ камнѣ Эрнеста, эти слова она силела изъ цвѣтовъ, которые положила на могилѣ мужа, словно онъ самъ этого желалъ и настаивалъ на томъ, что онъ дѣйствительно живетъ.

И сегодня, когда Марта нагибалась надъ шитьемъ, въ ея ухахъ звучало:

— Я живу.

Нечаянно она посмотрѣла на Гномика. Да, дѣйствительно, онъ жилъ— въ Гномикѣ... Жизнь его продолжалась въ сынѣ.

— Гномикъ—это мужъ будущаго!—думала Марта, и ея глаза заблестѣли.

Да, Эрнестъ жилъ: глаза Гномика были похожи на глаза Эрнеста. Ротъ и носъ у Гномика были какъ у матери, но зато походка и манеры были отцовскія. Такимъ образомъ, Марта немного успокоила себя. Она жалѣла только о томъ, что Гномикъ не получилъ отцовскаго имени—Эрнестъ.

Гномикъ оставилъ мать и нѣкоторое время игралъ своею деревянной лошадкой. Но эта лошадь казалась ему совсѣмъ старой, она ему уже надоѣла. Гномикъ забѣжалъ въ траву и началъ тамъ кувиркаться.

— Сынокъ, милый! — умоляла Марта, — не топчи травки; гдѣ же тогда возьмемъ мы кормъ для коровушекъ? Твоя Пестренькая умретъ съ голоду.

Но Гномикъ кувырчался, смѣялся и буянилъ.

— Гномикъ, я позову вурдалака. Ты ужь меня совѣмъ больше не слушаешь. Иди-ка сюда, вурдалакъ!..

Марта подняла руку и хотѣла показать въ сторону кладбища, но ея рука опустилась. Оттуда кто-то дѣйствительно шелъ... Но это не былъ вурдалакъ; это былъ сосѣдъ Марты, школьный товарищъ и другъ Эрнеста, те-перешній опекунъ Гномика, Андрей Калнинъ.

Гномикъ радостно побѣжалъ ему навстрѣчу. Андрей схватилъ его обѣими руками и высоко поднялъ, что маленькому шалуни очень понравил-лось.

Марта поднялась и подала Андрею руку.

— Прошу садиться, Андрей, здѣсь на ступенькахъ, — сказала Марта. — Видалъ ли ты вурдалака, который хотѣлъ унести моего милого Гномика? Мой Гномикъ совѣмъ не хотѣлъ меня слушаться.

— Ай, ай, мальчуганъ! — Андрей добродушно грозилъ пальцемъ. — Слушай маму, а то плохо будетъ. Я прогналъ вурдалака, иначе онъ унесъ бы тебя въ лѣсъ и съѣлъ бы тамъ. Тогда у насъ больше не было бы маленькаго Гномика.

Гномикъ стыдливо спряталъ голову въ колѣняхъ матери. Андрей съѣлъ на ступеньки. Оба нѣкоторое время молчали.

Андрею было около тридцати лѣтъ, онъ былъ стройный и сильный мужчина со свѣтлыми волосами и усиками, красивый и симпатичный. Онъ былъ съ дѣтства сердечнѣйшимъ другомъ Эрнеста. Въѣстѣ они посѣщали волостное и приходское училище, въѣстѣ читали книги, собирали ягоды, купались и гуляли, въѣстѣ они бродили по лѣснымъ чащамъ и берегамъ рѣки, часто разсуждая о природѣ и о людяхъ.

Эрнесту отецъ позволилъ поступить въ уѣздное училище. Андрей же, послѣ окончанія курса въ приходскомъ училищѣ, долженъ былъ помогать хворому отцу въ хозяйствѣ. Но когда Эрнестъ изъ уѣзднаго училища прѣзжалъ домой на каникулы, то первымъ его дѣломъ было навѣстить Андрея. Такъ они жили въ дружбѣ, пока Эрнестъ не сдѣлался женихомъ Марты. Андрей сталъ избѣгать Эрнеста. Эрнестъ тотчасъ замѣтилъ, что причиной такого поведенія Андрея была Марта. Онъ глубоко сочувствовалъ несчастной любви Андрея и на своей свадьбѣ пробовалъ подружить его съ одной красавицей, его дальней родственницей. Но Андрей лишь горько улыбнулся и махнулъ рукой. Съ тѣхъ поръ оба друга дѣтства рѣдко встрѣчались. Но никто изъ нихъ никогда не проявлялъ ни малѣйшаго признака вражды. Когда Эрнеста выбрали кандидатомъ въ волостные судьи, то Андрей первый подаль за него голосъ. Но сердце Андрея сильно страдало. Онъ такъ страстно полюбилъ Марту, что родители никоимъ образомъ не могли уговорить его жениться, что было необходимо для хозяйства.

Передъ смертью Эрнестъ попросилъ Андрея письмомъ, которое написала Марта, навѣстить его. Андрей немедленно же явился къ Эрнесту.

Оба друга говорили долго. Эрнестъ просилъ Андрея, въ случаѣ смерти его, взять на себя опекунство надъ Гномикомъ и быть его защитникомъ и правозаступникомъ. Андрей обѣщаль, и оба друга разстались въ слезахъ.

Послѣ смерти Эрнеста у Андрея явились его старыя думы о Мартѣ... Онъ всегда силился разсѣять эти мысли, забыть Марту и поискать другую невѣсту!.. Но напрасно. Старое увлеченіе брало верхъ: и днемъ, и ночью передъ Андреемъ стоялъ образъ Марты. Онъ началъ вѣрить, что Марта назначена ему рокомъ, ибо духъ ея вездѣ его преслѣдуетъ.

По какому праву смѣлъ на ней жениться Эрнестъ, а не онъ, Андрей, тоже имѣвшій право на жизнь и счастье?

Эрнеста не было больше. Не могъ ли онъ теперь предложить Мартѣ стать его женою, если и не сейчасъ, то, въ виду обычнаго траура, черезъ годъ?! Какъ же иначе могъ онъ спастись отъ медленнаго умиранія, духовной гибели и тоски? Небесная синева, солнечный свѣтъ, пѣсни и цвѣты— все это для него потеряло прежнюю красоту и смыслъ. Онъ выписывалъ газеты, но читалъ ихъ механически. Его чувство къ Мартѣ было его единственнымъ чувствомъ, но оно было такъ безнадежно: онъ не вѣрилъ въ высокую цѣль жизни и въ свое счастье. Онъ любилъ Марту. Это онъ уже давно зналъ. Но Марта,—могла ли она его любить?.. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Андрею недоставало болѣе глубокаго знанія души Марты. Наконецъ, Андрей въ глубинѣ души рѣшилъ какъ-нибудь узнать отъ Марты, какія у нея намѣренія насчетъ будущаго. Считала ли она себя подобной древне-индійскимъ вдовамъ, сжигающимъ себя на кострѣ послѣ смерти мужа, чтобы остаться ему вѣрною навѣки,—или же она вышла бы снова замужъ. Какъ-то разъ Андрей пытался говорить съ Мартой о ея будущемъ. Это ему, какъ опекуну, было дозволено! Но Марта тогда уклонилась и отвѣтила неясно, неопредѣленно.

Теперь, когда оба сидѣли въ саду, весенній день вселилъ въ Андрея новую энергію и надежды, и онъ опять рѣшилъ перейти на эту тему.

— Ты не будешь сердиться Марта, если я у тебя что-то спрошу? — сказалъ медленно Андрей.

— Нѣтъ, Андрей!.. Ты же неспособенъ сказать мнѣ что-нибудь такое, за что я должна была бы сердиться...—отвѣтила Марта, качая на колѣняхъ Гномика.

— Почему знать, Марта?! Дѣло идетъ о твоемъ будущемъ!..—Андрей не рѣшился говорить дальше.

— Я знаю, что ты хочешь сказать,—покраснѣла Марта,—и скажу, что мое будущее тѣсно связано съ будущимъ Гномика. Я хочу жить лишь для него...

— И никогда больше ты не захочешь выйти замужъ, если бы даже нашелся для тебя такой же достойный мужъ, какъ Эрнестъ?—спросилъ Андрей еле слышно.

— Нѣтъ!..— твердо сказала Марта.

— Такъ ты вѣришь, что въ жизни можно только одинъ разъ любить?

— Да, Андрей! Какъ замужняя женщина, имѣющая отъ своего мужа дѣтей, я могу и смѣю лишь одинъ разъ любить. Какъ дѣвушка, если бы Эрнестъ не женился на мнѣ, я, быть можетъ, могла бы и другого полюбить. Ты не знаешь, какъ глубока и неисчерпаема бываетъ счастливая супружеская жизнь. Это—земной рай. Нравственность и добродѣтель вырастаютъ въ этой жизни, какъ высокія, зеленыя деревья, въ тѣни которыхъ приятно жить и наблюдать за могучимъ міромъ... Если приходитъ смерть и одного изъ супруговъ уносить на вѣчный покой, то все-таки любовь остается,—особенно, если остаются дѣти. Духъ Эрнеста витаешь около меня. Я его часто вижу и слышу... Вотъ тутъ онъ продолжаетъ жить—въ Гномикѣ. Это—ребенокъ Эрнеста, это—его олицетворенная любовь ко мнѣ. Поскольку я отдѣлила бы себя отъ своего сына, я не имѣла бы больше будущности. Я—вдова.

— Вдова?—повторилъ Андрей.—Развѣ вдова не имѣетъ такихъ же правъ, какъ молодая дѣвушка? Особенно, если она молода и красива?

— Я не знаю взглядовъ другихъ вдовъ... Если бы я не была счастлива съ Эрнестомъ, то, можетъ быть, я смотрѣла бы тогда на мужчинъ, какъ на добычу. Но жизнь съ Эрнестомъ научила меня кое-чему лучшему, прекрасному. Мои взгляды на долгъ молодой вдовы,—вдовы, имѣющей ребенка съ глазами и другими качествами отца,—установились твердо и непоколебимо: вдова не можетъ вторично выйти замужъ, для нея совершенно невозможно любить вторично.

Андрей склонился головой на руки и задумчиво смотрѣлъ внизъ.

— Марта, ты разсуждаешь идеально,—сказалъ онъ,—но совсѣмъ неправильно. Развѣ ты надѣешься воспитать Вилю безъ помощи мужа, безъ отца, хотя бы этотъ отецъ былъ лишь отчимомъ? Ты—хотя и сильная, нравственная женщина, но справишься со своимъ ребенкомъ, котораго ты такъ горячо любишь, ты будешь совершенно не въ состояніи. Кромѣ того, ты, вѣдь, тоже человѣкъ, имѣющій свою собственную жизнь, свои потребности; къ тому же, ты еще такъ молода... Когда-нибудь ты все-таки пожалѣешь, когда сынъ твой начнетъ жить собственной жизнью. Онъ будетъ тебя такъ же цѣловать и говорить тебѣ такія же нѣжныя слова и все-таки оставить мать и уйдетъ къ своей возлюбленной. Ты будешь одинока, покинута,—не по благодарности или легкомыслию, нѣтъ!—ты будешь по естественному закону оставлена молодымъ, горячимъ сердцемъ, бьющимся для своей невѣсты, но не для матери.

— Неужели я стану такой несчастной, если мой сынъ сдѣлается счастливымъ? Развѣ въ немъ не кипитъ моя кровь, развѣ въ немъ не живетъ частица меня самой, развѣ эта моя частица не будетъ наслаждаться жизнью вмѣстѣ съ нимъ?

— Марта, ты слишкомъ идеальна, и какъ разъ изъ-за этого ты можешь когда-нибудь глубоко пасть, если бы обстоятельства привели тебя на

край бездны. Лучше грѣшить понемногу, чѣмъ быть охваченнымъ сразу всѣми грѣхами. Если ты измѣнишь покойному мужу—это, небольшой грѣхъ. Эрнестъ—твой мужъ и мой другъ. Но, вѣдь, ты еще живешь!... Развѣ жизнь не имѣетъ своихъ правъ? Неужели ты уже не сознаешь, что значить жить?..

Марта и Андрей нѣкоторое время молчали, между тѣмъ Гномикъ заснулъ у материнской груди и блаженно улыбался.

— Андрей, не злой ли ты духъ, пришедшій соблазнять меня?—упрекнула Марта.

— Кто самъ себя не соблазнялъ, тотъ не поддастся чужому соблазну. Если ты понимаешь мою мысль, то ты и сама такъ же думаешь! Я хочу не соблазнять тебя, а убѣждать. Я только высказываю то, что думаю объ обязанностяхъ вдовы.

— И ты думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ должна выйти замужъ? Приведи моего Эрнеста, и я сейчасъ выйду за него; ахъ, я его снова люблю, такъ чисто и гордо,—я опять воскресну! А если приводятъ другого, то я могу только скрыться въ своей комнатѣ, сѣсть на нашу брачную кровать и залиться горькими слезами!..

Марта поникла головой и тихо заплакала. Андрею стало ее жаль.

— Не будемъ больше объ этомъ говорить!—успокаивалъ ее Андрей,—поговоримъ лучше о хозяйствѣ, напримѣръ, о новомъ колодецѣ!

Марта быстро утерла слезы, и лицо ея какъ бы просіяло.

— Новый колодець!.. да, новый колодець будетъ скоро оконченъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этого момента! Оттуда можно будетъ получать свѣжую, прохладную воду, безъ всякихъ микробовъ. Мы избавились, наконецъ, отъ необходимости пить изъ стараго, разрушившагося колодца грязную воду съ болотнымъ запахомъ.

— Какой глубины будетъ колодець?—спросилъ Андрей.

— Восемь саженей!.. Въ немъ вода будетъ холодной даже въ самую жаркую погоду... Осенью будутъ другія дѣла по устройству хозяйства... Я постараюсь распредѣлить время такъ, чтобы можно было учить служанокъ прилично одѣваться, вышивать красивыя рукодѣлія и вязать. Будущей зимой я усиленно займусь Гномикомъ, котораго надо учить грамотѣ... Марта улыбнулась и посмотрѣла на своего Гномика.

Андрей и Марта еще нѣкоторое время говорили о пѣніи, о предстоящемъ общественномъ гуляньи и тому подобныхъ второстепенныхъ вещахъ.

Солнце уже заходило, когда Андрей распрощался съ Мартой.

Шагая домой, онъ рѣшилъ, что съ Мартой еще рано говорить о вторичномъ замужествѣ. Онъ пожалѣлъ, что подъ вліяніемъ этого разговора еще сильнѣе утвердилось въ душѣ Марты сознаніе долга и идеализмъ. Но онъ твердо рѣшилъ будущимъ лѣтомъ опять сдѣлать предложеніе вдовѣ своего покойнаго друга и упросить ее стать его женой, его счастьемъ.

Марта отнесла уснулага Гномика въ комнату и уложила въ постель. Она хорошо знала, что, выснавшись теперь, Гномикъ не захочетъ спать ночью. А она только этого и желала. Она радовалась, когда Гномикъ не спалъ по

ночамъ. Это отгоняло отъ нея думы, — правда, человѣческія и извинительныя, но казавшіяся Мартѣ гадкими. Иногда она не могла спать, и пустое мѣсто рядомъ заставляло ее страдать. Кого же хотѣла бы она видѣть на этомъ мѣстѣ: — Эрнеста или просто мужчину, кѣмъ бы онъ ни былъ? Не вздорныя ли цѣли поставилъ передъ ней ея идеализмъ? Развѣ ея кровь не обновилась, не сдѣлалась опять горячѣй, страстнѣй? Гномикъ уже давно пересталъ сосать грудь... И почему эта кровь такъ быстро бѣжала отъ сердца въ голову, оттуда опять обратно къ сердцу, какъ будто чего-то она искала, къ чему-то стремилась? Какова новая цѣль? Быть можетъ, новая жизнь, которую надо было вызвать къ бытію и ради которой она иногда забывала Эрнеста и Гномика? Или ей опять хочется выйти замужъ, хочется жить жизнью собственнаго тѣла, пока кипитъ кровь, пока глаза горятъ страстью, пока въ тѣлѣ молодость и живетъ чувство, которое обыкновенно зовется грѣховнымъ?

Всевозможные вопросы и мысли возникали и толпились въ головѣ молодой вдовы, когда она не могла заснуть ночью. Тогда, если на дворѣ не свирѣствовала непогода, а звѣздное небо было тихо и привѣтливо, она вставала и подходила къ окну. И тогда она видѣла передъ собою вѣчно, безконечное пространство вселенной, въ которомъ скромно блестяли звѣзды. Въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ царила ночь. Но она знала, что за ночью настанетъ день, когда яркое солнце величественно поднимется надъ горизонтомъ, и свѣтъ начнетъ щедро бросать свои лучи. И въ сердцѣ Марты царила ночь, но она надѣялась, что и тамъ настанетъ новый день и засияетъ то солнце жизни, которое уже однажды озаряло своими лучами. Тогда она зажигала лампу и смотрѣла на Гномика... Не былъ ли этотъ румянецъ на щечкахъ ея сына предвѣстникомъ утренняго разсвѣта, возвѣщающаго о наступленіи новаго, счастливаго дня? Она надѣялась и съ этой надеждой сладко засыпала.

Марта стояла у новаго колодца. Одно изъ ея желаній уже исполнилось, хотя и не совсѣмъ. Казалось, будто этотъ колодець былъ вырытъ только для нея одной, а не для другихъ домашнихъ, ибо послѣдніе продолжали брать воду изъ стараго колодца...

Вода въ новомъ колодцѣ была холодна и чиста. На глубинѣ семи сажень воды оказалось такъ много, что нужно было прекратить дальнѣйшее копаніе. Но и такая глубина была достаточна. Пастушка Маня утверждала, что колодець „ужасно глубокой!“ Домашніе какъ будто боялись подходить и брать воду изъ такой ужасной глубины.

Марта заглядывала вглубь колодца, и ее охватывалъ страхъ.

Еще недавно здѣсь была твердая почва, а теперь зіяла пропасть, спокойная и глубокая, такая же холодная, недоступная, какъ человѣческая душа.

И Марта почувствовала, что ея душа, точно этотъ колодець, сдѣлалась глубже, холоднѣе и недоступнѣе для окружающихъ, тогда какъ раньше она легко поддавалась любви и состраданію къ другимъ. Эта перемѣна въ

душѣ Марты произошла послѣ того, какъ она познала, что человѣкъ, какъ высшее существо, не долженъ удовлетворять свои потребности у источниковъ природы, а долженъ призывать на помощь науку и искусство, если хочетъ жить, какъ высшее созданіе, а не какъ животное. Природа обыкновенно даетъ лишь грязную воду, которую намъ приходится пить, а ея радости и счастье лишь на мгновеніе удовлетворяютъ наши чувства, подобно тому, какъ грязная вода изъ мелкой лужи лишь на минуту удовлетворяетъ нашу жажду. А потомъ грязь приноситъ свои плоды.

Уже давно, знакомясь съ музыкой, Марта постигла, какія сокровища таятъ въ душѣ человѣка. Въ ранней молодости она читала афоризмы о томъ, что лишь въ самомъ человѣкѣ—его счастье, его рай. Тогда она считала эти афоризмы пустой фантазіей, теперь же она чувствовала, что счастье, получаемое отъ внѣшняго міра, отъ другихъ людей, и даже отъ любимаго человѣка, есть лишь орудіе, которымъ пользуется природа для достиженія своихъ цѣлей. Такое счастье улетучивается, какъ дымъ; а счастье, заключающееся въ душѣ самого человѣка,—благородство духа, стремленіе къ высокому искусству,—не разрушается никогда. Внѣшняя природа долго обманывала Марту, соблазняла ее „любить“, бороться ради моды, для достиженія извѣстнаго положенія въ обществѣ. Она служила природѣ, какъ рабыня, какъ мученица и какъ мать, отдавшая свою кровь, выплакавшая свои слезы. А потомъ природа, насмѣхаясь, отняла у нея того, ради кого она старалась и страдала. Да, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и природа ей скажетъ: „Ложись въ могилу, ты мнѣ больше не нужна, старая вѣдьма!..“

И Марта сжала кулаки. Она дала себѣ клятву порвать съ природой и создать въ себѣ самой новый прекрасный міръ.

Гномика она не могла больше любить. Прежній ангелъ сдѣлался бѣсенкомъ. Научившись говорить, онъ научился вмѣстѣ съ тѣмъ и лгать, а вмѣстѣ съ умнѣемъ ходить у него явилось желаніе совершать дикія шалости. Сначала Марта поцѣлuyами убѣждала Гномика слушаться, но это не помогало. Гномикъ былъ упрямъ и не хотѣлъ слушаться. Нѣсколько разъ Марта хваталась за розгу, чтобы наказать его, но потомъ, передумавши, бросала ее. Развѣ нѣжная кожа Гномика была создана для того, чтобы выносить удары розги, а кровь—для того, чтобы сочиться изъ ранъ? Чего же она собственно хотѣла отъ Гномика? Воспитать его? Но около Марты жили люди, которыхъ тоже воспитывали, которые въ школѣ учились заповѣдямъ, учились „вѣрить“ и „надѣяться“,—и которые по воскресеньямъ длинными вереницами ѣздили въ церковь, но все-таки другъ другу завидовали, другъ друга не любили, судились и ссорились. И при томъ глупость безысходная водила ихъ за носъ. Повсюду грубый хохотъ, адская стихійная любовь, ради которой братъ убивалъ брата, если не ножомъ, то въ мысляхъ, повсюду жадность, стяжательство, пьянство! Все это заставляло Марту придти къ такому рѣшенію: лучше пусть Гномикъ погибнетъ, чѣмъ сдѣлается слѣпцомъ или лицемѣромъ. И Марта предоставляла ему полную свободу. Все-таки иногда эту своеобразную мать охватывало мягкое, теплое чувство. Если бы

Эрнестъ жилъ, развѣ онъ позволилъ бы Гномику такъ вести себя? Какъ они когда-то мечтали о своемъ будущемъ и о томъ, что ожидаетъ Гномика! И какъ это все теперь измѣнилось! Гдѣ же теперь Эрнестъ, гдѣ отецъ, товарищъ жены? Почему его нѣтъ болѣе? Все—обманъ, только обманъ!

Марта прошла мимо служанки, что-то спросившей о хозяйствѣ, не дослушавъ ея. Она вошла въ комнату, усѣлась за рояль и начала играть одну изъ сонатъ Бетховена. Ей казалось, что духъ композитора лишь нѣсколько мгновений оставался на землѣ, а потомъ поднялся и виталъ въ безконечномъ, свободно и гордо, окруженный хаосомъ красокъ и звуковъ.

Откуда шли эти звуки, эта гармонія? Неужели ее создалъ тотъ, кто выдумалъ эту жалкую жизнь людей, что рядомъ съ пронизательнымъ философомъ поставилъ отвратительнаго идиота? Нѣтъ, это невозможно! А, можетъ быть, все-таки... Колодець Марты былъ вырытъ вертикально: онъ былъ глубокой. А морскія глубины постепенно переходятъ въ мели... Въ природѣ мелкое всегда наблюдается рядомъ съ глубокимъ!

Марта чувствовала, что искусство—великая противоположность природы, что вселенная раздѣлилась на двѣ части: грубую матерію и квинтэссенцію искусства, въ которомъ витаетъ вѣчное благоволеніе, любовь и красота.

Марта сыграла сперва *Andante*, *Adagio* и, наконецъ, *Scherzo*. Она встала, подошла къ окну и подумала: „Что было бы, если бы страшный судъ былъ не что иное, какъ „*Scherzo*“, что-то неожиданное, заставшее всѣхъ врасплохъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не придетъ конецъ всѣмъ этимъ заботамъ, горю, „тяготѣнію“ тѣлѣ,—всѣмъ этимъ несовершеннымъ, временнымъ законамъ природы? И въ ухахъ Марты зазвучали могучіе звуки фанфары. Она вспомнила могучее соло изъ увертюры № 3 къ Ленорѣ Бетховена, которое доносится издали, какъ трепетная надежда на освобожденіе узника. Она рѣшила пойти на лугъ, сплестъ вѣнокъ и украсить имъ портретъ Бетховена, этого ведикана духа. И она сама засмѣялась этой наивной мысли.

Въ это время въ боковой комнатѣ раздался звонъ разбитаго стекла. Одна изъ служанокъ завопила:—Барыня, Гномикъ разбилъ окно; камень просвистѣлъ у меня подъ самымъ ухомъ.

Марта засмѣялась:

—Браво, Гномикъ! Это окно до сихъ поръ пропускало мало свѣта!

Служанка покачала головой. Ей показалось, что барыня спятила съ ума.

Марта надѣла соломѣнную шляпу, взяла зонтикъ и прошла черезъ людскую, не обращая вниманія на разбитое окно. На дворѣ она встрѣтила Гномика.

— Гномикъ, пойдемъ гулять!

Гномикъ подбѣжалъ къ матери.

— Въ лѣсъ, въ лѣсъ!—ликовалъ онъ...

Проходя лѣсомъ, Марта строила воздушные замки. Ей казалось, что невозможно улучшить жизнь, пока въ обществѣ кроются элементы глупости и невѣжества.

Глупость! Почему ей не работать, как рабынь, въ дыму и въ чаду? Развѣ мудрость требуетъ отъ другихъ свободы, счастья и права? Нѣтъ, мудрость уже отъ вѣчности свободна, не связана житейскими узами! Поэтому пусть и разлагается тотъ, кто не имѣетъ внутренней силы, пусть будетъ рабомъ тотъ, въ комъ живетъ рабскій духъ! Фениксъ мудрости встаетъ съ горящаго костра, на которомъ его хотѣла сжечь глупость, и гордо рѣшетъ въ воздушномъ пространствѣ!..

Тамъ, высоко въ воздухѣ, парить ястребъ! Развѣ не было бы смѣшно, если бы эта отважная, свободная птица спустилась на землю, гдѣ свинья роется въ грязи и покорно хрюкаетъ, когда пастухъ бьетъ ее кнутомъ? Или если бы этотъ ястребъ захотѣлъ освободить свинью отъ ея жалкаго положенія и сказалъ бы ей: „Вставай, будемъ парить въ небесной синевѣ, далеко отъ грязной земли!..“

И Марта ясно сознавала, что „всѣ“ недостойны свободы. Свобода нужна лишь свободному. Пусть невѣжество лучше останется въ рабствѣ, чѣмъ достигнетъ случайно богатства и, разрядившись въ шелкъ, кушая изъ серебряной посуды, будетъ играть еще болѣе глупую, чѣмъ прежде, комедію среди горя и нищеты.

Вокругъ Марты были люди, которые были бы способны многого достигнуть, если бы они не были такими мѣдными лбами. Глупость глядѣла изъ ихъ построекъ, совмѣстныхъ предпріятій... Они упорно продолжали вѣрить обману. Какъ маленькія дѣти, они сердились изъ-за глупости и рѣчей другихъ. Они исправно судились въ каждый день засѣданія суда, обсуждали мелкія дѣла, и изъ-за мелочей становились друзьями или врагами. Неужели гордый духъ ястреба долженъ витать надъ этими пресмыкающимися и призывать ихъ подняться въ высь!?!..

Какая нелѣпость!

Марта видѣла, что домашніе по неряшливости совсѣмъ не пользовались новымъ колодецъ съ чистою водою. Они все еще черпали грязную воду изъ стараго колодца. Это было такъ легко: стоило только нагнуться и зачерпнуть, между тѣмъ, какъ изъ глубокаго новаго колодца нужно было таскать воду тяжелымъ ведромъ. Однажды Марта видѣла, какъ ея рабочій пилъ воду изъ стараго колодца, и засмѣялась горькимъ смѣхомъ.

— Пей, Юрій, эта грязная вода слишкомъ хороша для тебя, ибо ты не знаешь, гдѣ чистая!

Юрій покраснѣлъ отъ оскорбленія. Но онъ оставался вѣрнымъ себѣ и продолжалъ пить воду изъ стараго колодца...

Лѣсъ шумѣлъ. Стоялъ конецъ лѣта. Старое солнце освѣщало старую землю.

Цвѣли тѣ же цвѣты, пѣли тѣ же самыя птицы, какихъ Марта видѣла съ ранняго дѣтства. Ей надоѣла эта старая сказка. Въ природѣ ничто не перемѣнилось, а въ искусствѣ—многое... Въ искусствѣ зазвучали новыя мелодіи, полныя гармоніи и силы; изъ царства красокъ возникали новыя, яркія

картины, которыя дивнымъ сіяніемъ озаряли душу Марты. Она уже давно стала поклонницей искусства, оставившаго скучную природу, когда послѣдняя слишкомъ педантично возится съ лѣнливыми улитками и слизкими, противными обитателями грязи. Мысли Марты витали въ области искусства. Отдавшись искусству, она уже мало заботилась о матеріальномъ благополучіи своихъ домашнихъ, которые все болѣе враждебно относились къ ней. Ея страданія, радости, потребности были совершенно иными, чѣмъ у ея батраковъ и служанокъ. Когда-то раньше Марта прѣбывала писать. Она естественно изображала „реальную“ жизнь своихъ домашнихъ. Теперь же она чувствовала себя слишкомъ гордой для того, чтобы изображать грубыя шутки, обычаи, мелкія продѣлки и игривыя шутки этихъ людей.

Марта шла, погруженная въ мысли. Гномикъ, между тѣмъ, уже нѣсколько разъ спрашивалъ:

— Мама, почему вотъ тамъ двѣ бабочки летаютъ такъ близко другъ отъ друга?

Вдругъ онъ вырвался отъ Марты и, ликуя, побѣждалъ впередъ: навстрѣчу имъ ѣхалъ Юрій съ мельницы.

— Я хочу покататься!—кричалъ Гномикъ. Юрій остановилъ лошадей, помогъ Гномику влѣзть на возъ, потомъ, какъ будто неотомно поздоровавшись съ Мартой, побѣжалъ дальше. Марта гордо прошла мимо. Гномикъ схватилъ возки и кричалъ: „Но, но!“

Марта оглянулась. Она находила, что Гномикъ—настоящій труженикъ, которому пріятно ѣхать на возу съ мукой крестьянина. Мартѣ показалось, что она должна отозвать его обратно, спасти его для себя, для своихъ трезъ, можетъ быть, для искусства...

— Гномъ!—громко позвала она его.

Юрій снова остановился. На этотъ разъ Гномикъ, къ удивленію, послушался и слѣзъ. По всей вѣроятности, любопытство, побуждавшее его осмотрѣть получше лѣсъ, заставило его послѣдовать за матерью. Марта пришла въ восторгъ, когда Гномикъ побѣждалъ къ ней. Она обняла его и горячо цѣловала. Юрій увидѣлъ это и сжалъ кулаки. Онъ завидовалъ Гномику. Юрій любилъ и ненавидѣлъ Марту. Въ глазахъ Марты горѣло что-то таинственное, открывая безконечныя душевныя глубины, и этотъ огонь не позволялъ Юрію упасть къ ногамъ Марты и признаться въ любви. Онъ ненавидѣлъ Марту изъ-за ея духовнаго превосходства. Онъ любилъ ее, какъ красивую женщину.

* * *

„Соловьиный заливъ“ былъ гордостью не только усадьбы Тирумъ, но и всей окрестности.

Это былъ лугъ въ лѣсу, огибаемый рѣкой и незамѣтный для незнакомыхъ съ мѣстностью путешественниковъ. Тутъ зеленѣли молодые дубы и липы, посаженные Эрнестомъ. Подъ сѣдой осиною стояла скамья. Здѣсь Эрнестъ и Марта поклялись другъ другу въ вѣчной любви.

Марта съ Гномикомъ усѣлась на скамьѣ. Солнечные лучи съ любопытствомъ заглядывали черезъ листву, какъ будто желая посмотрѣть на мечтательную женщину, проклявшую природу.

Гномикъ казался усталымъ и соннымъ. Марта сдѣлала ему подушку изъ листвы и накрыла его платкомъ. Зонтикъ служилъ кровлей, и подъ ней Гномикъ скоро заснулъ.

Марта сняла шляпу, приклонилась головой къ осинѣ и смотрѣла, какъ двѣ бабочки летали надъ рѣкой. Неужели эти „свободные“ летуны все-таки были связаны? Марта покраснѣла: она поняла, почему эти желтыя насѣкомыя бѣгали другъ за другомъ. Она начала упрекать себя въ томъ, что такъ долго носила трауръ и противилась природѣ, предаваясь размышлениямъ. Не являлся ли идеализмъ ея мечтаній лишь плодомъ преувеличеннаго воображенія? Пока у нея было тѣло, она должна была жить и тѣлесной жизнью! И она заснула, мечтая о любви къ мужской силѣ, и забывъ сплести вѣнокъ для украшенія портрета Бетховена. Во снѣ она видѣла, — нѣтъ, она чувствовала — что Эрнестъ обнялъ и поцѣловалъ ее. А Марта обвила руками его шею и цѣловала явившееся къ ней видѣнiе. Но этотъ поцѣлуй былъ такимъ горячимъ, что она проснулась. Передъ ней на колѣняхъ стоялъ... Андрей.

— Прости! — молилъ онъ. — Меня толкаетъ какая-то сверхъестественная сила. Эта сила повела меня за тобой и заставила поцѣловать тебя!

Андрей говорилъ не словами, а взглядами. И Марта поняла его, ибо она сама чувствовала, что она — рабыня природы и любви.

Кровь прилила къ ея сердцу, какъ къ мѣсту торжества, гдѣ надо ликовать, наслаждаться.

— Мы — рабы! — шептала Марта, — что мы можемъ поцѣловать, разъ намъ суждено служить природѣ?..

Дальше говорить она была не въ состоянiи. Андрей обнималъ ее все крѣпче и крѣпче.

— Мы — грѣшныя! — плакала Марта, прощаясь съ любимыми гениями искусства, которые исчезали въ ея воображенiи, какъ будто убѣгая отъ нея. Ею овладѣла сила, которой она не могла противостоять. Значить, она вернется обратно къ однообразной жизни замужней женщины, къ материнскимъ обязанностямъ, къ хозяйственному столу, на которомъ лежитъ раскрытая книга законовъ съ девизомъ: „Люби ближняго, какъ самого себя!“ — даже если этотъ „ближній“ будетъ послѣднимъ глупцомъ и хамомъ!..

Вода въ рѣкѣ играла кодокольчиками нимфъ. Бѣлые известковые камни блестяли на солнцѣ. Молодые дубы и липы у рѣчного залива весело шумѣли, какъ будто радуясь тому, что Марта сняла проклетiе, брошенное природѣ.

Когда Гномикъ проснулся, Марта вырвалась изъ рукъ Андрея, какъ бы стыдясь. Она умыла Гномику лицо, а потомъ привела его къ Андрею. Въ эту минуту она снова почувствовала прежнюю горячую любовь къ своему ребенку.

Андрей взялъ Гномика на руки. Марта шла впереди по дорожкѣ вверхъ къ берегу. Вдругъ она повернула обратно и быстро прошла мимо Андрея.

— Марта, что съ тобой?—спросилъ Андрей.

— Ничего!—прошептала Марта.—Вънокъ Бетховену!..

Она начала рвать цвѣты, и на эти цвѣты тихо капали жгучія слезы.

ИВАНЪ ПОРУКЪ.

Факиръ.

Перевелъ А. С ѣ р ы й.

Онъ былъ праведный человѣкъ, и Брама лишилъ его жены и четырехъ дѣтей. Брама вообще не любитъ, когда люди считаютъ себя выше другихъ и думаютъ, будто они познали истину. Онъ придумалъ для человѣка грѣхъ, не лишивъ его, однако, добродѣтелей, чтобы человѣкъ не погибъ совсѣмъ. Брамѣ было скучно, и онъ сталъ забавляться людьми, которые, словно хищныя птицы, выклеивали другъ у друга глаза, суетились во тьмѣ невѣдѣнія и толкали другъ друга, смѣясь и плача.

Но Мантра былъ не таковъ. Онъ поднялся на высокую гору и видѣлъ все это. Онъ понялъ, какую роль играетъ человѣкъ въ забавахъ Брамы, и вернулся домой опечаленный и грустный, съ мѣшочкомъ риса на плечахъ. Дома его встрѣтила жена, еще стройная и красивая смуглолицая индуска, которая, однако, своему любимому Мантра родила уже четырехъ дѣтей.

— Дѣти, я буду бороться за васъ,—сказалъ Мантра, отдавъ мѣшочекъ съ рисомъ женѣ,—вамъ грозитъ опасность. Я былъ на самой высокой горѣ и видѣлъ, какъ приближается непріятель. Враговъ очень, много, и стрѣлы ихъ отравлены. Но я буду оберегать васъ...

— Будемъ молиться Брамѣ,—тихо сказала жена,—и онъ защититъ насъ!

Но Мантра задумался. Когда же насталъ вечеръ, онъ пошелъ къ священной рѣкѣ и молился одинъ до зари.

— Брама, ты посылаешь на насъ враговъ! Чѣмъ же мы прогнѣвали тебя? Мы жили въ мирѣ и согласіи въ этой долині. Я, моя жена и мои дѣти не причинили никому зла. Зачѣмъ ты преслѣдуешь насъ, Брама?

Такъ говорилъ Мантра среди ночи. Онъ хотѣлъ добиться отъ Брамы праведнаго суда.

— Сдѣлай такъ, чтобы несчастье миновало насъ,—продолжалъ Мантра,—и чтобы мы остались въ живыхъ...

Но Брамѣ не понравилась его молитва. Мантра не изгибался передъ нимъ, какъ червь. Всѣ поклонялись Брамѣ, какъ рабы, только Мантра хотѣлъ стать выше и требовалъ отъ него правды.

— Ты—преступникъ, Мантра,—грозно началъ Брама,—ты раздавилъ своими ногами тысячи червей и насѣкомыхъ, которыхъ я создалъ для своей славы. Твои дѣти рвали на лугахъ цвѣты, которые радуютъ меня. А твоя

жена забывала призывать меня по утрамъ: она цѣлуетъ прежде своихъ дѣтей и, если когда-нибудь и вспомнить Брамѣ, то, хотя ея губы и шепчутъ слова молитвы, но ея сердце принадлежитъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ. И ты самъ, Мантра, сталъ высокоумрѣнъ и мнишь, будто ты позналъ истину. Но ты ошибаешься: только я знаю истину. Поэтому покайся въ своихъ грѣхахъ, если хочешь, чтобы я избавилъ тебя отъ непріятеля!

— Ты не правъ, Брама!—воскликнулъ Мантра.—И потому я не могу ни о чемъ болѣе сокрушаться, какъ о твоей несправедливости, всемогущій!

И гордо устремилъ Мантра взоръ къ небу. Тогда Брама, стоявшій передъ нимъ въ полномъ своемъ величій, исчезъ, сопровождаемый страшнымъ грохотомъ, и Мантра отъ страха палъ ницъ... Когда онъ очнулся, было уже утро, и надъ камышомъ священной рѣки порхало безконечное множество птицъ. Мантра спѣшилъ черезъ гору къ своему жилищу. Но на вершинѣ, откуда онъ отлично могъ видѣть все, что происходитъ въ долиняхъ, его ноги вдругъ подкосились, и сердце сжалось отъ ужасной боли. Отъ его жилища осталась только кучка пепла, отъ которой еще поднимались струйки прозрачнаго синеватаго дыма.

— Моя жена! Мои дѣти! Враги васъ, навѣрное, убили!—воскликнулъ Мантра въ отчаяньи.

И онъ нашелъ жену и дѣтей уже мертвыми на дворѣ, гдѣ лежало множество отравленныхъ стрѣлъ.

— Брама, — поднимая руки къ небу, воскликнулъ Мантра, — Брама, что ты сдѣлалъ!? Ты находишь радость въ моемъ несчастіи?

И горько плакалъ Мантра, обнимая трупы то любимой жены, то своихъ ненаглядныхъ дѣтей. Потомъ онъ похоронилъ ихъ и убралъ ихъ могилы цвѣтами. Два дня и двѣ ночи онъ провелъ у ихъ могилъ.

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы умереть теперь; у меня нѣтъ радости въ жизни!—тихо шепталъ Мантра, собираясь къ священной рѣкѣ.

— Но прежде я хочу убѣдиться, не ошибся ли я?

И, собравъ послѣднія силы, онъ сталъ подниматься на высокую гору, чтобы еще разъ взглянуть на этотъ мѣръ. Мантра видѣлъ далеко, далеко вокругъ и убѣдился, что все осталось такимъ же, какъ было раньше: слонъ боролся съ тигромъ, пока послѣдній не палъ подъ его ногами, и побѣдитель продолжалъ свой путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Но внезапно на слона напалъ могучій левъ! И едва успѣлъ онъ прикончить свою жертву, какъ на него, царя звѣрей, накинулся необыкновенной величины удавъ, который, обвившись вокругъ тѣла звѣря, задавилъ его въ нѣсколько минутъ. Въ это время у лѣса показались люди и стали пускать свои отравленные стрѣлы въ ужаснаго змѣя, пока тотъ, корчась отъ боли, не издохъ. Люди радовались успѣху и собрались на веселый пиръ. Одинъ изъ нихъ пошелъ напиться воды къ ключу, который пробивался изъ скалы, но вдругъ, забывъ свою жажду, онъ ухватился руками за что-то твердое и сталъ усиленно работать, пока не отломалъ отъ скалы блестящій кусокъ металла.

— Золото, золото! — воскликнул онъ, поднявъ надъ головою сверкающій на солнцѣ самородокъ.

Но другой изъ охотниковъ, замѣтивъ это, убилъ перваго, овладѣвъ его находкой. Но и тотъ не успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ палъ, пронзенный стрѣлою своего же товарища. И такъ, въ короткое время недавніе друзья и пріатели перебили другъ друга, и послѣдній, оставшійся въ живыхъ, держалъ золото въ дрожащихъ отъ волненія рукахъ. Потомъ, спрятавъ драгоценность на груди, онъ пустился бѣжать, чтобы никто его не настигъ. Но около обрыва у него поскользнулась нога, и онъ, съ крикомъ ужаса, опрокинулся въ бездну...

— Брама, я былъ правъ! — воскликнулъ Мантра, — мѣръ тебѣ служить забавой! И я останусь вѣчно твоимъ врагомъ!..

И Мантра сошелъ съ горы. Онъ срубилъ толстое дерево въ долинѣ, близъ могилъ своихъ родныхъ, оставивъ пень вышиною въ ростъ человѣка. И Мантра сталъ на этотъ пень — какъ факиръ.

— Не въ честь тебя, Брама, но на зло тебѣ во славу истины я буду стоять здѣсь и терпѣть безмолвно и жажду, и голодь, пока тѣло мое не превратится въ пыль...

И Мантра стоялъ на высококомъ пнѣ уже семь лѣтъ, и по всей окрестности разнесся слухъ о его святости. Въ молчаливомъ страхѣ проходили мимо люди и звѣри. А онъ стоялъ и упорно молчалъ. Лицо Мантры стало сѣрымъ, оно напоминало гранитъ; черты казались высѣченными: угрожающія, глубоко-мысленныя, но холодныя, хотя знойное солнце Индіи безжалостно жгло его голову. Воля факира была непоколебима. Онъ стоялъ на этомъ мѣстѣ, пока его тѣло не разрушилось и не превратилось въ пыль. Люди считали это мѣсто священнымъ, они отправлялись туда, оставались и перенимали привычки факировъ. И они стояли цѣлыми днями молча и неподвижно. Никто изъ нихъ не понималъ святого упрямства Мантры, который превратился уже въ пыль.

А Брама продолжалъ править...

ИВАНЪ ПОРУКЪ.

Чистые сердцемъ.

Разказъ.

I.

По возвращеніи съ кладбища всѣ разбрелись: нѣкоторые сѣли въ саду, на травѣ, передъ клѣтью, другіе—на крылечкѣ клѣти; пили пиво или водку и закусывали, пока въ домѣ готовили ужинъ и накрывали на столъ.

Я чувствовалъ себя утомленнымъ, отошелъ въ сторону и прилегъ въ укромномъ уголкѣ сада на бѣлое льняное полотно, которое тамъ было возвращено для бѣленья.

Надвигались уже сумерки. Вѣтерокъ нѣжно тронулъ мое лицо. Странное чувство овладѣло мною: наполовину—тоска по только-что похороненномъ дядѣ, наполовину—радость, что я могу видѣть еще могучій міръ, глядѣть на голубое небо и могу еще жить...

Вспомнилось, что прошлымъ лѣтомъ мы оба съ дядей сидѣли здѣсь же и разговаривали. А теперь? Теперь онъ навѣки разлученъ съ нами!

Какъ будто дремота начала одолѣвать меня, какъ вдругъ изъ-за куста смородины мнѣ послышался дѣтскій плачь.

— Не плачь, дочка! Снимемъ сапожки!—успокаивалъ дѣвочку старый, немного дрожащій, но мужественный голосъ, —снимемъ, ножки больше не будутъ болѣть!

Я поднялъ голову и увидѣлъ у парника маленькую дѣвочку, сидѣвшую на травѣ, и пожилого, почти уже сѣдого мужчину, который, стоя на колѣняхъ, стягивалъ съ ногъ дѣвочки сапожки.

Уже сегодня на кладбищѣ я замѣтилъ этого человѣка. Онъ привлекъ мое вниманіе своимъ страннымъ поведеніемъ; кромѣ того, и глаза его глядѣли такъ привѣтливо, ласково, словно желая очаровать другихъ. Съ перваго взгляда я почувствовалъ, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ числу людей, губы которыхъ сжимаются изъ-за непонятныхъ душевныхъ страданій, но въ глазахъ которыхъ все-таки сіяетъ что-то блаженное.

Кто былъ этотъ человѣкъ?

Дядя мой, купившій усадьбу на чужой сторонѣ, —принявъ во вниманіе выгодное положеніе купленнаго участка, —построилъ на немъ мельницу. Я рѣдко пріѣзжалъ сюда, а когда случалось, то на нѣсколько дней только. Въ такихъ случаяхъ я, конечно, знакомился то съ однимъ, то съ другимъ изъ

дядинныхъ друзей или сосѣдей, большинство которыхъ явилось и теперь на его похороны. Но этого страннаго человѣка я еще не видалъ.

— У дочки, навѣрно, сапожки узки?—спросилъ я, подходя къ парнику и какъ бы желая завязать разговоръ.

Мужчина посмотрѣлъ на меня исподлобья, но все-таки привѣтливо. Дѣвочка какъ будто испугалась и прильнула къ груди отца.

— Дрянъ башмачки... Шили вотъ для похоронъ, но не годятся—узковаты! Ножки, вишь, совсѣмъ натерты...—Сказавъ это, мужчина вздохнулъ и погладилъ дѣвочку по волосамъ.

— Папа, поѣдемъ домой!—просила она, обнявъ шею отца.

— Поѣдемъ, Аня, поѣдемъ! Подожди еще немного! Тетка-мельничиха, вѣдь, просила насъ на ужинъ остаться... нельзя же такъ уѣзжать!

Онъ присѣлъ на край парника и взялъ дѣвочку къ себѣ на колѣни.

Меня очень привлекалъ этотъ чудакъ. Но какъ начать разговоръ? Сначала я молчалъ. Молчалъ и мой сосѣдъ, задумчиво глядя въ сторону мельницы. Я между тѣмъ рассмотрѣлъ его поближе.

Его исхудалое тѣло покрывалъ длинный сѣрый сюртукъ, въ родѣ полукафтана, съ разрѣзомъ сзади. Вокругъ шеи у него былъ обмотанъ бѣлый платокъ, на ногахъ были изношенные старые сапоги. Лѣвую руку онъ обыкновенно держалъ въ карманѣ сюртука, то и дѣло вынимая носовой платокъ и обтирая высокій лобъ, при чемъ каждый разъ легко вздыхалъ. Голова у него была наполовину голая; сѣдоватые волосы, словно вѣнчикъ, плохо прикрывали ее. Продолговатый подбородокъ покрывала рѣдкая, довольно длинная борода. Лицо у него было исхудалое и смуглое.

— Должно-быть, горемыка!—подумалъ я.

Маленькая Аня спрыгнула съ колѣнъ отца, нарвала цвѣтовъ и начала плести изъ нихъ что-то въ родѣ вѣнка.

Я испытывалъ странное чувство. Трудно оставаться спокойнымъ, когда встрѣчаешь страннаго, необыкновеннаго человѣка, лицо котораго говорить тебѣ такъ много. Что-то ложится при этомъ на сердце: словно тайны, неудержимо жаждущія раскрытiя, чтобы о нихъ можно было открыто судить всѣмъ.

— Далеко вамъ до дому?—началъ я, опираясь рукой на парникъ. Сосѣдъ мой пытливо посмотрѣлъ на меня и помолчалъ еще съ минуту.

— Нѣтъ, тутъ же, недалече,—тихо, какъ бы принуждая себя, сказалъ онъ. Но много было сказано въ этихъ словахъ. Голосъ дрожалъ, губы торжественно сжались. И я подумалъ:

— Этотъ человѣкъ никогда не въ состоянiи солгать!..

Да, на свѣтѣ, дѣйствительно, существуютъ люди, которыхъ судьба жестоко караетъ, запрещая имъ болтать зря и лгать. Каждое слово, сказанное такимъ человѣкомъ, глубоко продумано и прочувствовано.

— Можно ли мнѣ къ вамъ зайти? Я нѣсколько времени проведу здѣсь, у своей тетки,—спросилъ я своего сосѣда.

— Зачѣмъ? Мой домъ не изъ красивыхъ, и мѣстность кругомъ—тоже. Что же вы станете дѣлать у меня?

— Такъ себѣ!..—немножко смѣшался я,—желалъ бы посѣтить васъ, какъ своего сосѣда!

— У насъ есть пчелки и цвѣточки!—пролепетала маленькая Аня, расположившись у моихъ ногъ, и невинно-печальнымъ взоромъ глядя мнѣ въ глаза.

Сосѣд мой снова вытеръ лобъ и вздохнулъ.

— Ты дашь мнѣ цвѣточки! Я принесу тебѣ рыбокъ. Согласна?—сказалъ я, глядя головку Ани.

Аня подбѣжала къ отцу.

— Рыбокъ! Слышишь, папа, онъ рыбокъ принесетъ!—радостно вскричала она, прильнувъ къ отцу и глядя на меня.

— Да, да!—какъ бы очнувшись, еле слышно сказалъ отецъ Ани,—ну, такъ приходите въ Салкшни... первый домъ за соснякомъ—вонъ тамъ!—онъ указалъ рукою направленіе.

Въ эту минуту у калитки показалась тетка, громко приглашая насъ къ ужину.

Разговоръ нашъ этимъ и кончился. Дядя Салкшней взялъ Аню за руку и пошелъ медленно въ комнаты. Я остался еще посидѣть.

— Какой чудакъ!—подумалъ я,—и у насъ попадаютъ же такіе странные люди.

Придя въ домъ, я увидѣлъ, что мѣста за столомъ всѣ уже заняты. Хотя тетка и приглашала меня жестомъ руки, мнѣ, однако, не хотѣлось тѣсниться среди гостей. Я вышелъ на дворъ пройтись. Съ полверсты отъ усадьбы дяди находилась мельница. Дойдя до нея, я усѣлся на толстомъ бревнѣ шлюзъ. Воды успѣло накопиться много, такъ что мельничный прудъ походилъ на озеро. По ту сторону пруда дремалъ темный, мрачный еловый лѣсъ, глядя съ берега въ воду, какъ бы желая погрузиться въ глубину ея. У опушки пылалъ костеръ, разведенный переплывшими туда на лодкѣ гостями.

Синева неба становилась все темнѣе и темнѣе. Звѣзды мерцали все ярче. Далеко кругомъ царила глубокая тишина, въ которой былъ слышенъ только легкій шумъ падающей черезъ шлюзы воды. Казалось, будто мельница дремлетъ, и только этой дремотой вода остановлена, задержана въ своей безпрестанной работѣ. Сколькими прекрасными качествами обладаетъ вода! Самое прекрасное, вѣдь, это—очищать, умыть, при этомъ жертвуя собой, становясь помоями, на которые всякій смотритъ съ отвращеніемъ и плюетъ на нихъ. Но вода оставляетъ тѣло-помои, становится воздушной, духовной, поднимается въ воздухъ и опять падаетъ внизъ чистою, прозрачною, какъ жемчугъ, чтобы снова смывать грязную грудь земли. Это же качество украшаетъ и нѣкоторыхъ людей. Не изъ-за порока, или не вѣдая, что творишь,—нѣтъ, изъ принципа чистоплотности иной бросается въ грязную лужу человѣческой жизни, чтобы очищать ее. Конечно, онъ самъ при этомъ дѣлается грязнымъ, кровь заражается, мысли путаются, но жажда свѣта и чистоты не исчезаетъ никогда. Геній духовно переживаетъ вѣка и

даже тысячелѣтїя, хотя прахъ его гнѣтъ въ земной глубинѣ... Что связываетъ чистую воду съ грязнымъ пескомъ? Что связываетъ добро со зломъ? Одна только жажда дѣятельности. Мракъ и свѣтъ, грязь и чистота, добро и зло: вѣчно разлучающіеся неразлучные зубья колесъ, цѣпляющіеся одинъ за другого и вертящіяся,—они двигаютъ всю міровую машину. А ты, жалкій, гоняющійся только за добромъ, плачь, молись, рыдай,—ты не достигнешь своей цѣли! Сгинь, исчезни — и ты найдешь покой, найдешь только доброе, хорошее! Быть абсолютно добрымъ и при этомъ жить! Идея сумасшедшаго! Сгинь, исчезни!..

Въ моемъ воображеніи появился образъ дяди. Мнѣ казалось, что жернова вертятся, гремятъ, грохочутъ, что дядя снимаетъ запыленную мѣку шапку, отвѣчая на поклонъ то одного, то другого. Потомъ картина эта исчезаетъ. Передо мною является странный сосѣдъ моего покойнаго дяди, хозяинъ Салкшней,—такой-же, какъ сегодня на кладбищѣ или въ саду: въ сѣромъ длинномъ сюртукѣ, съ носовымъ платкомъ, которымъ онъ вытираетъ лобъ; смотреть онъ такъ же печально, какъ будто желая на что-то пожаловаться. Но глаза его при этомъ сіяютъ такъ ласково, словно прощая все, все...

Отдавшись мечтамъ своего воображенія, я пытался соединить образъ своего дяди и этого страннаго человѣка. Какого рода было ихъ знакомство? Были ли они друзьями, связанными сердечными узами, или же они наблюдали другъ за другомъ издалека, не завязывая болѣе близкихъ отношеній, хотя и чувствуя тяготѣніе одинъ къ другому? Хозяинъ Салкшней, будучи одинокимъ, все-таки явился проводить моего дядю въ его послѣдній путь. Неужели такой чудакъ, какъ онъ, дѣлалъ бы это только ради формы, повинувшись обычаю? Нѣтъ! Откуда это страданіе, такъ ясно запечатлѣвшееся на лицѣ этого человѣка? Принималъ ли когда-нибудь въ нихъ участіе и мой дядя? Эти вопросы тяготили мое сердце, словно они были проклятыми вопросами моей личной жизни.

Въ такомъ настроеніи я оставилъ мельницу и пошелъ домой. Гости уже разъѣзжались. Я хотѣлъ повидать еще разъ хозяина Салкшней, но его уже не было.

II.

Тетка моя была хорошая, практичная хозяйка, но очень плохо знала людей. Она цѣнила ихъ по внѣшнему лоску и блеску. Поэтому я отлично зналъ, что было бы напрасно разспрашивать ее о моемъ чудакѣ: ея сужденіе быде бы невѣрнымъ. Я рѣшилъ лучше молчать объ этомъ и въ близкомъ будущемъ сходить въ Салкшни. Такъ какъ я маленькой Анѣ обѣщаль принести рыбу, то въ одинъ день, наудивъ нѣсколько окуней и плотиць, съ мѣшечкомъ въ рукахъ отправился въ Салкшни.

Былъ осенній день, время посѣва озими. Солнышко уже начинало бѣлить поля. На лугахъ въ это время исчезаетъ бодрая зелень, и на мѣсто ея появляется странный цвѣтъ старости. Природа какъ бы недомогаетъ. Но пѣсни пастуховъ звучатъ такъ же весело, какъ въ маѣ. Свинопасы имѣютъ

тотъ же оригинальный видъ: въ лохмотьяхъ, съ босыми ногами, грязными, хоть сохой пройди по нимъ. Мнѣ кажется, что такой пастушокъ только тогда пробуждается отъ своихъ странныхъ весеннихъ грезъ, когда у него начинаютъ зябнуть ноги. Онъ не знаетъ мрачнаго настроенія поэтовъ и ихъ погруженія въ свою душу; онъ живетъ беззаботно, и, пожалуй, ему можно позавидовать.

— Это—усадьба Салкшни?—спросилъ я довольно большого мальчугана, который копался въ пескѣ у дороги. Стадо свиней, состоявшее подъ его надзоромъ, паслось на полѣ. Мальчикъ широко раскрылъ глаза и вдругъ вскочилъ, побѣжалъ къ свиньямъ и погналъ разбредшихся животныхъ на середину поля.

Я поманилъ мальчика рукою. Онъ медленно приближался, сгибая и кусая деревянный пруть.

— Это—усадьба Салкшни?—еще разъ спросилъ я его.

— Да, это Салкшни!—недовѣрчиво поглядывая на меня, отвѣтилъ мальчуганъ.

— Гдѣ тутъ живетъ хозяинъ, у котораго длинный сѣрый сюртукъ и длинная сѣдая борода?—началъ я описывать ему заинтересовавшаго меня чудака.

— Въ нашемъ домѣ!—сказалъ мальчикъ и указалъ, куда идти.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ я и пошелъ дальше.

Я вошелъ во дворъ Салкшней. Все было тихо, словно вымерло. Передъ овиномъ стояла полусломанная телѣга, подъ которой, крадучись, притаилась черная кошка. Дверь въ избу была открыта настежь, и оттуда валилъ легкій дымъ или парь.

Я уже хотѣлъ войти, какъ вдругъ на порогѣ показалась старуха въ очень грязной рубашкѣ и поношенной полосатой юбкѣ. Лицо у нея было тучноватое, полное безпокойства. Темные глаза недовѣрчиво глядѣли на меня.

— Добрый день!—сказалъ я.

— Добрый день!—проворчала въ отвѣтъ старуха.

— Хозяинъ дома?..

— Хозяинъ? Какой такой хозяинъ? Чего хочешь?

— Да такъ себѣ... поговорить хотѣлось!..

— Чего болтать! Теперь — время рабочее. Чего тебѣ надо? Денегъ или зерна къ посѣву? Вы же оберете этого человѣчка до послѣдней крохи!

— Какого человѣчка?

— Ну, этого же—хозяина, какъ ты ведичаешь его! А какой же онъ хозяинъ?! Стыдно да грѣшно говорить! Скоро ужъ придется совсѣмъ оставить эту хату и перебраться въ богадѣльню. И все только изъ-за одной глупости... Однимъ словомъ, что называется, совсѣмъ безумный... Столько должниковъ: одинъ только Густъ Тирумъ сотненьку долженъ! Но пойдетъ ли такой человѣкъ, какъ нашъ-то, судиться со своимъ должникомъ?!. Чего ты собственно хочешь!..

— Я принесъ рыбу!—сказалъ я, подавая старухѣ мѣшочекъ съ рыбою.

Старуха взяла мѣшочекъ и, посмотрѣвъ на его содержимое, очевидно, смягчилась, стала ласковѣе.

— Откуда же ты?—спросила она, стараясь распознать меня.

— Съ мельницы... Я—крестникъ мельничихи...

— Только вотъ и былъ человекъ, что покойный мельникъ: лишняго, что не слѣдовало, не бралъ, но и другому не давалъ. Да такъ и надо жить, а не то, что нашъ!

— Въ чемъ же вашъ хозяинъ провинился?

— Охъ, батюшка ты милый, какъ же онъ живетъ! Да такъ-то и совсѣмъ разорится немудрено: не пьяница онъ, не мотъ, а... ну, что тамъ и говорить,—умныхъ не образумишь! или, вѣрнѣй сказать, глупцовъ!.. Весной, къ примѣру сказать, приходитъ вотъ Сприць Цельминъ. Всякъ знаетъ, каковъ онъ, этотъ Цельминъ: и жидя надуеть! Гибокъ на языкъ—сатана! Приходитъ онъ къ нашему, наговорить ему цѣлый коробъ невѣроятнѣйшихъ вещей: времена скудные, хлѣбъ не уродился, помѣщикъ съ молотка пустить собирается... Ну, просить, чтобы одолжили мѣръ десять ржи. А нашъ сейчасъ и готовъ,—это ничего, что у насъ у самихъ зубы, того и гляди, безъ работы стануть. Тутъ я кинулась на нихъ, забрала отъ нашего ключи, да такъ и не дала! А то разгуливай, самъ не ѣвши, а другой и радъ твоей глупости. О, Боже мой, чего только я не насмотрѣлась на этомъ свѣтѣ! Пошли вотъ тутъ эти нищѣ, лучше сказать, лѣнтаяи-лодыри изъ богадѣльни. Такъ тѣ хлѣбъ, молоко, мясо даже черезъ замочную скважину утащатъ! Приходитъ хоть бы вотъ хромая Анна, ну и начинается ныть: „Ради Бога, батюшка милый, помоги хоть ты мнѣ, а то съ голоду помру!“... Ноетъ, такъ и зудитъ, такъ и заливается... А поди, погляди да послушай, чѣмъ она въ богадѣльнѣ занимается. Языкъ такъ и бѣгаетъ, словно челнокъ. Обо всѣхъ сплетничаетъ, на всѣхъ клеветаетъ! Другихъ лѣнтаями обзываетъ, всачески поносить, а сама лодырничаетъ, хотя грудь у нея стѣна стѣной. Мнѣ, вотъ, трудно на ногахъ держаться,—а должна работать... Господи!.. какъ бы каша не пригорѣла!—старуха юркнула въ дверь, но минутку спустя снова вышла на дворъ ко мнѣ.

— Хозяина нѣту дома, уѣхалъ дорожный участокъ чинить... Аня заснула, спитъ въ комнатѣ... Капризничаетъ все, хлопотъ съ ней сколько: утромъ все просилась, чтобы хозяинъ ее съ собою бралъ. Ну, а теперь уснула, пусть поспитъ...

Старуха взяла мѣшочекъ съ рыбою и опять ушла въ кухню. Я пошелъ вслѣдъ за нею: хотѣлось повидать Аню.

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть вашу избу,—сказалъ я старухѣ, которая выбрасывала рыбу въ ведро.

— Ничего хорошаго не увидишь тамъ: все туда же—къ концу идетъ... Ну, иди, иди, погляди!

Я вошелъ въ избу, стѣны которой были совершенно черныя, закоптѣлыя. На стѣнѣ съ тягучимъ стономъ тикали старые часы. За печью на перекладинахъ сушилась телячья шкура. Это была передняя комната, въ ко-

торой жили батраки. Въ задней стѣнѣ была дверь въ хозяйскую комнату. Я тихо пріоткрылъ дверь. Въ глубинѣ комнаты на постели спала Аня: тонкая ситцевая, уже изношенная и мѣстами заплатаанная юбочка покрывала ея слабенное тѣло. Вокругъ маленькаго ротика легла грустная улыбка. Тощія ручки были сложены словно на молитву. Пускай терпѣть горе взрослые, но почему оно угнетаетъ это маленькое сердечко, это утро жизни, которое еще невинно глядитъ на горы и долины нашего свѣта? Я хотѣлъ было разбудить ее: „Аня, я принесъ рыбокъ!“ Но удержался отъ этого при мысли, что, быть можетъ, она чувствуетъ себя счастливою во снѣ.

Я сталъ осматривать маленькую комнатку, которая освѣщалась только однимъ окномъ. На старомъ столѣ возлѣ окна лежала библія въ крѣпкомъ кожаномъ переплетѣ и съ крючками изъ желтой мѣди. Этотъ столъ, постель, на которой спала Аня, одинъ стулъ и, кромѣ того, длинная скамейка около печки и маленькій шкафчикъ, привѣшенный къ стѣнѣ, составляли всю комнатную обстановку дяди Салкшней. На стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя съ надписью: „Прійдите ко мнѣ, всѣ страждущіе и обремененные, и я утѣшу васъ!“ Надъ постелью висѣла другая картина: косматая бѣлая собачка съ высунутымъ языкомъ,—кажется, собственность маленькой Ани.

Еще разъ взглянувъ на спящую дѣвочку, я тихонько вышелъ.

Потомъ я сѣлъ на колоду подъ кустомъ сирени. На кучѣ дровъ сидѣла черная кошка, подсматривая и подкарауливая воробьевъ.

— Подожду,—думала я про себя,—быть можетъ, хозяинъ скоро вернется...

Старуха опять вышла изъ кухни, вытирая передникомъ мокрыя руки.

— Чего ты собственно отъ нашего хочешь?—спросила она меня строго прежняго.

— Какъ бы вамъ это сказать?! Я, правду сказать, больше ничего не хочу, какъ только поближе познакомиться съ нимъ. Мы уже видѣлись на похоронахъ моего дяди...

— Такъ, такъ!.. и ты хочешь дожидаться его. Онъ скоро вернется. Работы-то у него на цѣлый день и не хватило, но если завернуть въ гости къ звонарю, такъ ужъ не такъ скоро вернется.

— Какой это звонарь?

— Ну да нашъ же кладбищенскій старый Сакнить. Это—такой же человѣчекъ: ни за пазухой у него, ни въ карманѣ,—вездѣ и все пусто... Дружить съ нашимъ очень... Раньше такъ даже и не знали, но, вотъ, съ того дня, какъ умерла мать Ани, и подружались оба.

Старуха погрузилась въ раздумье.

— Ну, все бы еще ничего,—опять начала она,—только вотъ жаль мнѣ Ани нашей... Сиротка какъ есть круглая—безъ отца, безъ матери!

— Какъ? Да развѣ хозяинъ—не отецъ Ани?

— Ни-ни! Такъ ты не знаешь даже этого?.. Ну, это—цѣлая исторія!..

— Расскажите, пожалуйста,—упрашивалъ я, видя, что языкъ у старухи двигался, точно машина.

— Ну, тому будетъ лѣтъ восемь... Женихъ обманулъ Анину мать... Ну, ты понимаешь, обманулъ, — тѣфу, ты дьяволь! — сердито плюнула старуха. — Самъ ушелъ на гонкахъ по Даугавѣ *) въ Ригу и сдѣлался жуликомъ. Богъ знаетъ, гдѣ онъ теперь шляется, если живъ еще... Анина мать послѣ родовъ стала чахнуть, работать не могла, но ѣсть-то все же хотѣлось; груди высохли, дитя плакало безъ соски... И рѣдко кто подавалъ ей кусокъ хлѣба. Ея хозяинъ не хотѣлъ больше держать ее у себя. Ступай, говоритъ, въ богадѣльню, если не можешь зарабатывать себѣ хлѣбъ. И Анина мать пошла — не въ богадѣльню или къ старшинѣ, а въ лѣсъ, прямо въ лѣсъ. Ночью, когда свѣтила луна, нашъ хозяинъ, возвращаясь съ ярмарки, встрѣтилъ ее въ лѣсу, плачущую въ горѣ и въ отчаяніи. Онъ привезъ мать и дитя сюда, кормилъ ихъ и заботился о нихъ, пока Анина мать не умерла. Люди смѣялись надъ нашимъ, что онъ пріютилъ у себя падшую женщину и заботится о ней. Незадолго до Рождества бѣдняжка-мать и померла. Хозяинъ оставилъ Аню у себя, какъ родную... Охъ, тяжело, тяжело ребеночку, что подѣлаешь!..

Старуха, казалось, заплакала и въ эту минуту показалась мнѣ вовсе не такую сердитою, какою я считалъ ее вначалѣ.

— Такъ ты подождешь, пока нашъ пріѣдетъ? Ну, посиди, посиди! — сказала старуха и поспѣшила въ кухню, — скоро и скотину домой пригонять!..

Солнце уже спускалось за опушкою сосенъ. Дымъ вяло, словно нехотя, поднимался изъ трубы и тутъ же расплывался въ воздухѣ... Какъ жалокъ этотъ домъ, какъ жалокъ и осмѣянъ всѣми хозяинъ его, — думалось мнѣ. Но сердце у него чистое, не знающее ни корысти, ни самолюбія, ни другихъ дурныхъ страстей. Тамъ, въ избѣ, на стѣнѣ виситъ образъ Спасителя, и, хотя хозяина и нѣтъ, дома картина эта все-таки призываетъ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ.

Человѣкъ, чистый сердцемъ!.. Да развѣ на свѣтѣ существуетъ такой? Тотъ, котораго толпа ругаетъ, надъ которымъ смѣются, тотъ и есть чистый сердцемъ.

III.

Совсѣмъ близко отъ меня закричала телѣга, и послышался голосъ, понукающій лошадей:

— Но, но!

Въ ту же минуту за воротами показалась тощая лошадка. Въ деревянной телѣгѣ сидѣли дядя Салкшней, самъ хозяинъ, а позади него другой человѣкъ, лицо котораго вначалѣ мнѣ не было видно.

Дядя Салкшней остановилъ лошадь передъ овиномъ и медленно слѣзъ съ телѣги. Другой человѣкъ выпрыгнулъ гораздо живѣе. Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ бритымъ лицомъ, въ короткомъ сѣромъ пиджакѣ, въ сѣрой старомодной шляпѣ и грубой рубашкѣ, которая застегивалась тѣмъ-то на по-

*) Даугава — латышское названіе Западной Двины.

добіе большой брошки изъ желтой мѣди. Брюки у него были полотняные, полосатые—съ синими и бѣлыми полосами. Ноги были совершенно босыя. Не говоря ни слова хозяину и не замѣчая меня, онъ торопливо шель къ избѣ.

Хозяинъ распрягъ сначала лошадь и только потомъ подошелъ ко мнѣ. Молча пожавъ мнѣ руку, онъ присѣлъ подлѣ меня.

Въ это время пригнали во дворъ скотину. Старуха, съ подоткнутой юбкой и съ подошникомъ въ рукахъ, вышла на порогъ.

— Гдѣ Аня?—спросилъ ее хозяинъ.

— Да спать еще!—отвѣтила старуха, — вотъ, выспится теперь, а ночью и не заснетъ. Лучше бы взялъ сегодня ее съ собою. Скучно, вѣдь, дѣточкѣ! Учила бы ее грамотѣ, да некогда! Работы-то, вѣдь, сколько!..—И старуха ушла на скотный дворъ.

— Ну, какъ вамъ понравился нашъ домъ?—спросилъ, наконецъ, меня хозяинъ.

Я сказалъ, что въ будущемъ нужно построить новыя службы, что заборъ обваливается, потому что столбы совсѣмъ подгнили.

— Но у васъ много ульевъ!—замѣтилъ я.

— Да... только въ этомъ году пчелы такія чахлыя: лѣто дождливое. Пойдемъ въ садъ, быть можетъ, по яблочку найдемъ. Въ саду, тутъ вотъ, почти вѣчно возится Аня. Только пчелъ она боится, хотя нельзя сказать, чтобы она ихъ не любила.

Дядя Салкшиней улыбнулся.

Мы успѣли осмотрѣть всего нѣсколько яблонь, какъ въ садъ вошелъ и прѣзжій незнакомецъ, веселый, живой старичокъ, неся на рукахъ Аню, которая забавлялась маленькой уточкой-свистулькой.

— Папа, папа! Посмотри, дядя мнѣ подарилъ маленькую уточку!—весело крикнула Аня.

Старикъ спустилъ Аню на землю. Дѣвочка побѣжала къ Салкшнису, чтобы показать ему свистульку.

— Вижу, вижу, дочка! Ну, а зачѣмъ ты утромъ такъ расплакалась?..

— Онъ погладилъ Аню по головкѣ.

— Добрый вечеръ!—обратился ко мнѣ старикъ, — впервые, кажется, я встрѣчаю тебя, или, быть можетъ, уже раньше видалъ тебя? Нѣтъ, кажется, что не видалъ! Иначе, я узналъ бы тебя.

— Онъ, вѣдь, только и живетъ, что по школамъ... Гдѣ же тебѣ было видѣть его? Онъ—крестникъ нашей мельничихи, — медленно проговорилъ хозяинъ и сѣлъ у дверей клѣти.

— Такъ-то! — улыбнулся старикъ и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Я—звонарь при кладбищѣ, Сакнить... А былъ ты на похоронахъ дяди, молодой человекъ? Ну, да, теперь я помню! Я видѣлъ тебя!

Онъ сѣлъ рядомъ съ Салкшнисомъ. Аня, играя уточкою, примостилась между ними, совсѣмъ не замѣчая меня. Сакнить вынулъ изъ кармана трубку,

табакъ и огниво и затынулся такимъ густымъ дымомъ, что я чуть не задыхался.

Уже темнѣло; на небѣ стали мерцать звѣзды.

— Такъ ты завтра пойдешь и отдашь эти деньги Лизѣ!—сказалъ Салкшнись Сакниту.—Я дотащился бы и самъ, но завтра, вѣдь, день воскресный: почти всѣ разойдутся—кто куда. Нужно же кому-нибудь и дома оставаться. Такъ ужь отнеси ты! Хотя долго она все равно не выживетъ

— Какъ только отзвоню утромъ, такъ сейчасъ и пойду. Сегодня вечеромъ я оставилъ звонить свою старуху, хотѣлъ было сейчасъ же снести! Но...—опять Сакнить плюнулъ въ сторону.

— Ну, да, я знаю!.. У меня больше нѣтъ, только пять рублей. Но и малость въ нуждѣ пригодится.

Салкшнись всталъ.

— Пора ужинать!—сказалъ онъ и, сгорбленный, потащился въ избу.

Сакнить и Аня остались.

— Кто эта Лиза такая?—немножко смутившись самъ отъ своего вопроса, спросилъ я Сакнита.

Сакнить какъ-то странно поглядѣлъ на меня.

— Вдова... сломала ногу. Сынъ на военной службѣ, дочь въ городѣ живетъ, но только она о матери ничего и знать не хочетъ. Долженъ же кто-нибудь помочь!

Онъ замолкъ и, облокотившись руками на колѣни, принялся усердно курить. Аня нянчилась со своей уточкой. Наступила торжественная, тихая минута. Съ кладбища доносился вечерній звонъ. Сакнить вынулъ трубку изо рта и слушалъ съ благоговѣнiемъ.

— Кто умеръ?—спросила Аня.—Слышишь, звонять!

— Никто не умиралъ!—пояснилъ Сакнить.—Такъ звонять въ каждый канунъ воскресенья или праздника.

Мы всѣ на минуту приумолкли.

— Аня, а съ гостемъ ты развѣ совсѣмъ не хочешь поговорить?—сказалъ Сакнить.—Поговори же! Онъ—добрый.

— Я принесъ рыбокъ для тебя!—сказалъ я Анѣ, наклоняясь къ ней.

— Рыбки, рыбки!—захлопала ручками дѣвочка.—Гдѣ онѣ?

— Въ кухнѣ, тетка высыпала ихъ въ ведро.

— Рыбки, рыбки!—радовалась Аня и побѣжала въ кухню.

— Пойдемъ ужинать!—сказалъ Сакнить и, спрятавъ трубку, торпливо всталъ.

Мы вошли въ избу. За ужиномъ у стола, кромѣ хозяина, Сакнита, Ани и меня, еще сидѣли знакомая уже мнѣ старуха, пожилой парень - батракъ съ честнымъ лицомъ и двѣ пожилыя служанки, очевидно—сестры. Во все время ѣды почти ничего не говорили. Послѣ ужина хозяинъ въ обго-

рѣломъ деревянномъ подсвѣчникѣ зажечь свѣчу и пошелъ въ заднюю комнату, гдѣ, усѣвшись за столомъ, началъ перелистывать церковные псалмы. Всѣ остальные тоже вошли въ эту комнату. Сакнить, старуха и Аня усѣлись на скамейкѣ, служанки принесли съ собою сидѣнья и сѣли около дверей. Батракъ остался за дверью. Я тоже вошелъ и сѣлъ на кирпичной лежанкѣ у задней стѣны. Началась вечерняя молитва, которая длилась недолго. Хозяинъ читалъ текстъ изъ книги, и потомъ всѣ пѣли:

Оконченъ день, заботою повитый.
Все небо звѣздной свитой
Покрыто золотой!
Я буду такъ же ясенъ,
Когда уйду прекрасенъ
Къ тебѣ, Создатель мой!

На глаза у меня незамѣтно наворачивались слезы. Здѣсь жила еще вѣра, здѣсь еще вѣрили въ то, что послѣ земной жизни нашей мы преобразимся, станемъ хорошими, прекрасными, ясными, такими же, какъ звѣзды, мерцающія въ слезахъ невинности. Хозяинъ прочелъ еще молитву, и все кончилось.

Въ людской огня не зажигали.

Служанки, батракъ и старуха съ Аней тотчасъ же легли спать.

— Не одной ли дорогой намъ идти?—спросилъ меня Сакнить.

— Я иду на мельницу!

— Ну, такъ идемъ вмѣстѣ! Добрый вечеръ, дядя Салкшней! Завтра все устрою, о чемъ мы говорили.

— Хорошо!..—вздыхнулъ хозяинъ и протянулъ руку мнѣ и Сакниту.

— Добрый вечеръ.

Мы съ Сакнитомъ пошли. Черная косматая собака выдѣзла изъ-подъ навѣса и отчаянно на насъ залаяла.

— Молчи, Пиксъ! Не воры же тутъ! Экая собака—людей не узнаетъ! Ну, стыдно, Пиксъ!

Собака, пристыженная, стала вертѣть хвостомъ и обнюхивать наши слѣды. Она выбѣжала за ворота и, слѣдя за нами, нѣсколько разъ еще залаяла, а потомъ вернулась обратно.

Былъ прохладный, но приятный, ясный вечеръ. Есть своя красота и въ осенней ночи, когда она спитъ, спокойно-звѣздная, вся облитая блѣдно-ватымъ луннымъ свѣтомъ. Въ долинахъ дремлетъ туманъ. Тихо. О, давно знакомая прекрасная картина!..

— Завтра будетъ морозъ,—сказалъ Сакнить и встряхнулся. Онъ остановился; сталъ и я, ожидая, пока онъ закуритъ свою трубку.

— Въ какой собственно школѣ ты учишься?—спросилъ онъ меня.

Я сказалъ ему, что посѣщаю гимназію, что, кончивъ ее, хочу поступить въ университетъ

— Все это очень хорошо,—сказалъ Сакнить,—но у васъ тамъ обыкновенно убываютъ сердце и чувства. Вы дѣлаете все ради своей цѣли. А что такое эта цѣль? Суета! Чтобы стать „бариномъ“, чтобы нажить много

денегъ, чтобы поблистать на улицѣ и въ собраніяхъ!.. Но въ вашихъ сердцахъ что? Испорченная кровь! Умираетъ у васъ тамъ въ городѣ кто-нибудь, объявляютъ тотчасъ же въ газетахъ, что такой-то умеръ. Родственники, друзья или просто знакомые одѣваются въ черное, сходятся на похороны, высказываютъ свое соболѣзнованіе. О, лицемѣріе, лицемѣріе!.. Все показное. У насъ же здѣсь люди идутъ на кладбище верстъ десять и того больше. Иногда идетъ дождь, въ соснахъ бушуетъ вѣтеръ, но провожающіе покойника снимаютъ шапки и молятся: „Научи насъ, Боже, чтобы мы стали разумны сердцемъ!..“ Такъ-то, милый мой юноша! Не сердись на меня, что я такъ разобралъ тебя!

Могъ ли я сердиться на него? Вѣдь онъ, былъ правъ. Я молчалъ...

— Я не говорилъ бы съ тобою объ этомъ, но ты пришелъ въ Салкшину, ты не пренебрегъ этимъ золотымъ человѣкомъ, который послѣднюю каплю крови отдалъ бы для другого. Ты не пренебрегъ имъ, котораго всѣ поносятъ, надъ которымъ всѣ смѣются! Это хорошо, милый юноша! Хозяинъ Салкшиной многимъ дѣлалъ добро, а ему—почти никто. Но скоро у него не хватитъ силушки. Съ каждымъ днемъ онъ слабѣетъ, съ каждымъ днемъ все болѣе гнется его спина. Настанетъ время, когда онъ совсѣмъ обезсилѣетъ и скажетъ: „Помогите и мнѣ!“—или, можетъ быть, будетъ молчать, потому что ему стыдно будетъ вымолвить эти слова. Кто тогда поможетъ ему?.. Богадѣльня? О, эта тюрьма для бѣдняковъ! Туда сажаютъ безсильныхъ только потому, что они—нищіе. Да, дверь-то тамъ, конечно, не заперта, какъ въ тюрьмахъ преступниковъ, но заперта дверь къ жизни, дверь счастья и радости! Развѣ мы сыты только тѣмъ хлѣбомъ, который въ ротъ кладемъ? Нѣтъ, намъ нужно все, что служить содержаніемъ и питаніемъ для нашего тѣла! Хорошій воздухъ, спокойствіе, здоровье! А находимъ ли мы все это въ богадѣльняхъ? Мой милый юный другъ! Говори это тому, кто съ этимъ незнакомъ. Много на свѣтѣ такихъ, которые не знаютъ, что такое нужда,—разказывай имъ такъ, чтобы они это поняли, чтобы они повѣрили этому! Разказывай имъ, не упрекая ихъ,—нѣтъ!—разказывай такъ, какъ Христось говорилъ: „Что вы дѣлали одному изъ малыхъ сихъ, то вы дѣлали и мнѣ“.

Мы остановились, потому что вышли уже на перекрестокъ.

— Богъ знаетъ, встрѣтимся ли еще когда-нибудь?!—сказалъ Сакнитъ, протягивая мнѣ руку.—Будь здоровъ и не забывай насъ!

Я молча пожалъ его руку, какъ бы обѣщая не забыть его. Потомъ Сакнитъ ушелъ легко и торопливо и вскорѣ исчезъ въ ночныхъ сумеркахъ. Такъ легко и весело спѣшилъ бы всякій, кто хочетъ помочь другому! Торопись, торопись, безсмертный духъ любви! Какъ часто распинали тебя на крестѣ, какъ ненавидѣли и мучили тебя, какъ ругались надъ тобою, заковывали тебя въ цѣпи! Ты все же возвышаешься въ своей небесной красотѣ, все же сіяешь въ своей святости!

Развѣ я могъ чувствовать иначе, шагая въ темнотѣ домой послѣ того,

что я сейчас видѣлъ и слышалъ? Не утирать ли мнѣ глаза свои, когда пѣсня людей, чистыхъ сердцемъ, опять звучитъ, словно эхо, въ ушахъ моихъ.

Оконченъ день, заботою повитый.
 Все небо звѣздной свитой
 Покрыто золотой!
 Я буду такъ же ясенъ,
 Когда уйду прекрасенъ
 Къ тебѣ, Создатель мой!

Вода, протекая черезъ открытые шлюзы, глухо шумѣла. Я былъ уже около мельницы. Съ озера повѣяло пріятной прохладой: и, охваченный ею, постепенно успокаивался и я. Обыкновенно, нервныя возбужденія смѣняются утомленіемъ. Но сонъ не смыкаетъ глазъ, какъ ни силишься уснуть. Бывало, уже свѣтаетъ, когда, наконецъ, забудешься тяжелымъ, тревожнымъ сномъ, послѣ котораго чувствуешь себя совершенно разбитымъ.

IV.

Прошло дѣтъ пять. Я былъ уже студентомъ, и моя тетка часто оказывала мнѣ денежную поддержку. Однажды я рѣшилъ посѣтить старую мельницу.

По пріѣздѣ я узналъ, что тетка отдала мельницу въ аренду. Но сама она все-таки не жила безъ работы. Она устроила маленькую школу домоводства и рукодѣлій. Когда я въѣзжалъ во дворъ, на балконъ вышла тетка, въ бѣломъ чепчикѣ, окруженная встревоженною толпою дѣвочекъ. Послѣ сердечной встрѣчи я ушелъ въ свою старую комнату, устроенную на чердакѣ.

Когда я умылся и немного отдохнулъ съ дороги, меня позвали внизъ закусить. Уже за дверью въ столовой слышенъ былъ веселый смѣхъ. Я открылъ дверь и увидѣлъ прелестную картину: за длиннымъ столомъ сидѣли тетка и нѣсколько дѣвочекъ, занятыхъ шитьемъ и вязаньемъ. На другомъ концѣ стола былъ для меня одного поставленъ обѣдъ.

— Мы уже поѣли, „Herr studiosus“, но ты не стѣсняйся, пожалуйста, садись,—сказала тетка.

Только что я сѣлъ, какъ ко мнѣ подошла блѣдная дѣвочка и посмотрѣла на меня своими темно-голубыми, вопрошающими глазами. Она протянула мнѣ руку.

— Аня, ты здѣсь?—удивился я.

Ограничившись единственнымъ словомъ: „здравствуйте!“—она сѣла на прежнее мѣсто. Тетка посмотрѣла какъ-то странно-недоумѣвающе то на Аню, то на меня, словно спрашивая, съ какихъ это поръ мы знакомы.

— Аня, ты еще мнѣ ни разу не говорила, что уже знакома съ моимъ крестникомъ. Это нехорошо!—весело упрекнула она дѣвочку.

Аня только покраснѣла, но промолчала.

Ясный весенній день клонился уже къ вечеру. Окна были открыты, и въ нихъ вливалось ликование весны: аромать цвѣтовъ, пѣніе птицъ, шумная

возня дѣтей, стукъ мельницы. Мы всѣ, сидѣвшіе въ комнатѣ, почувствовали, что и мы должны вторить общему веселому гаму и радостнымъ привѣтамъ весны. И, вотъ, вдругъ раздалась звуки пѣсни. Веселая толпа дѣвочекъ пѣла:

„Приди, весна, насъ украшай
Небесной красотой;
Намъ радость, счастье, солнце дай
Съ улыбкой золотой.
Какъ всѣ луга, сады блестятъ,
Пусть наша мысль цвѣтеть
Пусть и сердца въ насъ задрожать,
Гдѣ все цвѣтеть, поетъ“!..

Пѣвшія дѣвочки были еще совсѣмъ дѣти. И какими хорошенькими онѣ здѣсь выросли! Онѣ цвѣли не только наружно, но и внутренно: казались хорошими, неиспорченными. Какая противоположность городу!

Позавтракавъ, я вышелъ на дворъ, потому что тетка начала урокъ языковъ. Дѣвочки какъ бы конфузились въ моемъ присутствіи, и я не хотѣлъ мѣшать имъ.

Усѣвшись въ саду, я задумался о томъ, какъ здѣсь все хорошо и пріятно. Быть можетъ, это только такъ казалось, потому что я только что перемѣнилъ дымный и пыльный городъ на голубое деревенское небо и свѣжій, здоровый воздухъ полей. Только теперь я понялъ, отчего городскія дамы иногда мнѣ нравились, отчего я любовался ихъ тонкими таліями и пышными нарядами, но при этомъ обыкновенно мысленно спрашивалъ: „можетъ ли подобное существо честно любить и быть вѣрнымъ одному до гроба?“ Я инстинктивно чувствовалъ, что разсудительный мужчина не можетъ пасть на колѣни передъ „настоящей городской дамой“ и сказать ей: „Я люблю тебя!“ А если и случится, то такой мужчина самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ лжетъ, думая, что говорить правду.

Блестящія кареты, лакеи, визитныя карточки, почтительные поцѣлуи рукъ, улыбки, интрижки, болтовня... Боже мой! Гдѣ тутъ мѣсто для любви и для счастья?

Размышляя объ этомъ, я свято далъ себѣ слово любить только дѣвучку, воспитанную въ деревнѣ. Уже нѣсколько разъ я влюблялся въ городѣ, но это была не любовь. Это было желаніе подавить отчаяніе. Это было только бѣгство отъ одиночества!

Разговоръ о литературѣ, объ искусствѣ, наукахъ!.. Хитрые, лукаво сіяющіе глаза! Умъ, глубина, очарованіе, богатство! Все, все тамъ можно получить, всего вкусить. Только не любви! Любви я въ городѣ не нашелъ и не видаль ея также у другихъ.

А сердце все-таки жаждало этой бездѣлицы— любви. Иной богачъ отдалъ бы всѣ свои деньги, чтобы его искренно полюбило хоть одно женское сердце. Но, къ сожалѣнію, много есть женщинъ, любящихъ его деньги, но нѣтъ ни одной, которая любила бы его самого. Хотя бы даже онъ былъ

красивъ! Даже красота въ городѣ не въ силахъ обезпечить себѣ прочную, искреннюю вѣрность.

— Онъ красивъ, но страшно скученъ,—думаетъ иная нарядная салонная дама и ищетъ себѣ другого—менѣе скучнаго.

Вечеромъ мы съ теткой и дѣвочками, которыя шли впереди насъ, пошли въ лѣсъ погулять.

— Какимъ это образомъ ты познакомился съ Аней?—спросила меня тетка.

Я ей все рассказалъ. Она внимательно слушала меня. Рассказъ мой ей, очевидно, понравился.

— Видишь, раньше я не была такою, какою стала теперь! Судьба другихъ людей не интересовала меня, не вызывала моего участія. Но умеръ мой старикъ. Дѣти тоже на кладбищѣ. Я стала нуждаться въ людяхъ, я хотѣла жить съ ними сердечнѣе. Кромѣ того, одно письмо-завѣщаніе, оставленное моимъ покойнымъ старикомъ... Потомъ я тебѣ его прочту. Отчимъ Ани, когда мы переселились сюда, помогалъ намъ. Сосѣди съ нами, какъ съ чужими, держались недружелюбно, даже враждебно. А дядя Салкшней намъ помогалъ. Мой старикъ и завѣщалъ мнѣ, чтобы я ему помогала, когда онъ въ этомъ будетъ нуждаться. Мой старикъ предвидѣлъ заранѣе все... Хозяйство Салкшней съ каждымъ годомъ все падало. Не потому, что хозяинъ не заботился о немъ, нѣтъ! Много нашлось людей, которые безсовѣстно пользовались его добрымъ сердцемъ: занимали у него, но отдавать долгъ не отдавали. А Салкшнись никогда не жаловался на другого и не ходилъ по судамъ. Прошлою весною онъ долженъ былъ оставить свою усадьбу. Помѣщикъ больше не хотѣлъ ждать, а дядя не могъ ручаться, что долгъ будетъ уплаченъ. Но до самой послѣдней минуты онъ вѣрилъ, что тѣ, которымъ когда-то онъ помогалъ, теперь придутъ и выручатъ его. Напрасно! Никто не пришелъ. Въ Юрьевъ день утромъ я поѣхала въ Салкшни. На кучѣ досокъ сидѣлъ старикъ съ непокрытой головой. Онъ мутнымъ взоромъ посмотрѣлъ на меня. Это былъ уже не человѣкъ, это была тѣнь,—тѣнь любви и умиленія. Я объяснила ему, зачѣмъ пришла, сказала, что пріѣхала просить его, чтобы онъ переѣхалъ ко мнѣ на мельницу, что мой покойный мужъ, предвидя все, желалъ этого. Дядя Салкшней на минуту призадумался, потомъ поднялъ глаза, въ которыхъ показалось что-то на подобіе слезъ. Вяло схватилъ онъ мою руку и еле слышно прошепталъ:

— Правда ли это?..

Да, это была правда. Мы многимъ были обязаны ему.

— Но что станетъ съ моею дочкою Аней?—какъ то нерѣшительно еще спросилъ онъ.

— Понятно, и она съ нами поѣдетъ.

— Слава Богу! Какъ вы все это хорошо дѣлаете! Я буду работать, насколько у меня хватить силъ.

— Чего тебѣ, дядя, работать, ты вѣдь старъ уже,—замѣтила я.

— Старъ-то и хилъ, что и говорить, но такъ совсѣмъ безъ работы

жить нельзя. Какъ же мнѣ можно будетъ смотрѣть въ глаза другимъ, когда на дворѣ мельницы я буду встрѣчать людей, знающихъ, что я живу не въ своемъ домѣ, а только изъ милости?

— Дядюшка!—сказала я,— не издѣвайся надъ самимъ собою. Всѣ, которыхъ ты встрѣтишь на дворѣ мельницы, большей частью будутъ твои же должники!..

Наконецъ, онъ успокоился. Въ тотъ же день я велѣла перевезти его съ Аней на мельницу. Но онъ никакъ не могъ привыкнуть къ жизни здѣсь, на мельницѣ. Никакъ не могли убѣдить его садиться за столъ вмѣстѣ съ нами. Онъ садился въ кухнѣ на скамейку, пробовалъ немного изъ ѣды и сейчасъ же ставилъ поданное въ сторону, говоря служанкѣ:

— Возьми, я покушаю потомъ!

Только иногда,—когда ему прислуживала Аня,—онъ ѣлъ, какъ слѣдуетъ.

Съ каждымъ днемъ онъ замѣтно дряхлѣлъ. Наконецъ, въ одно утро, когда прудъ около береговъ сталъ уже покрываться льдинками, онъ спокойно закрылъ навѣски глаза: казалось, будто онъ спитъ. Мы похоронили его недалеко отъ могилы моего старика.

„О, лѣсъ, о, лѣсъ!
Зеленый лѣсъ!..“

— пѣли дѣвочки. Лѣсъ отдавалъ пріятнымъ запахомъ смолы. Въ верескѣ еще жужжали запоздавшія пчелки, которыя быстро поднимались одна за другой и улетали домой, такъ какъ наступалъ уже вечеръ.

— Въ воскресенье пойдемъ на кладбище!—сказала тетка, вытирая глаза.

— Служанокъ тоже возьмемъ съ собою, украсимъ могилы.

Солнце уже исчезло за темнымъ боромъ. Румяныя тучки медленно плыли къ сѣверу.

— Да, да, да!

— Ло, ло, ло!

— Тра-ла, ла, ла!..

— Ликовали дѣвочки. Уже совсѣмъ смеркалось, когда мы вернулись домой.

V.

Въ воскресенье утромъ за кофе возлѣ тетки сидѣли только четыре дѣвочки, среди которыхъ была также Аня. Остались только она и живущія подалеже, остальные же въ субботу вечеромъ ушли домой, къ родителямъ.

Послѣ кофе мы тотчасъ стали собираться на кладбище.

Было жарко. Мы шли очень медленно. Дѣвочки несли завернутые въ платкахъ вѣнки для могилъ. Аня была въ бѣломъ платьѣ, съ платкомъ, натянутымъ на лобъ, чтобы солнце не пекло и не свѣтило въ глаза.

Мы шли молча до самаго кладбища. Тетка и дѣвочки усѣлись въ тѣни немножко отдохнуть. Я немедленно отправился къ могилѣ моего дяди.

Недалеко отъ нея, между кустами акацій, видѣлся довольно большой бѣлый деревянный крестъ. Подойдя къ нему ближе, я прочелъ:

„Блаженны чистые сердцемъ,
Ибо они Бога узрятъ“.

Не нахожу словъ для описанія того, что я почувствовалъ въ эту минуту. Единственное, что я въ силахъ передать словами, было жгучее желаніе приобрѣсти къ концу своей жизни такую же могилу, съ такимъ же бѣлымъ, ярко сияющимъ крестомъ, съ такими же акаціями, въ листьяхъ которыхъ мерцали еще росинки, съ такою же тѣнистою березою и осиною, которая шепталась, какъ бы рассказывая о вѣчномъ мирѣ и покоѣ.

Мы разукрасили могилы моего дяди и его дѣтей, а также и могилу дяди Салкшней. Тетка присѣла на скамейку. Дѣвочки разбрелись по кладбищу. Со мною осталась только Аня. Она не плакала и только печально глядѣла на могилу своего отчима, разставляя вѣнки. Разъ она посмотрѣла на меня. Но она не спрашивала. Въ эту минуту я почувствовалъ, что она — единственная, которая могла бы осчастливить меня. Она была еще молода, но скоро она подрастетъ и станетъ дѣвушкой, — тогда, тогда...

— Какъ бодро цвѣтутъ эти цвѣточки, — тихо сказала она. Сакнить каждый вечеръ ихъ поливаетъ и постоянно ухаживаетъ за ними. Добрый старичокъ.

Не было ли уже это для меня большимъ счастьемъ? Не склонялся ли передо мною надъ могилой добрый ангелъ, ласковый ко мнѣ? Чего же мнѣ еще больше? Вотъ самыя высшія минуты любви, когда она священна, когда не нужно бояться, что кто-нибудь подсмотреть, когда весна улыбается и молодая кровь, струясь въ груди, готовитъ силы для стремленія ко всему доброму и высокому...

И когда кончится эта жизнь, полная добрыхъ дѣлъ и стремленій, когда утихнетъ сердце и закроются глаза, — не будетъ ли счастьемъ, что молодое поколѣніе станетъ украшать наши могильные кресты, на которыхъ будетъ начертано:

„Блаженны чистые сердцемъ,
Ибо они Бога узрятъ“...

Перевелъ Я Вайновскій.

ИВАНЪ ПОРУКЪ. Семейный развалъ.

Перевелъ К. Дуцманъ.

Дождь лилъ, не переставая, уже третій день. По временамъ, когда ливень ослабѣвалъ, поднимался туманъ, а когда туманъ разсѣивался, открывалось печальное зрѣлище полузатопленныхъ, пропитанныхъ дождемъ луговъ, пашень и пастбищъ. Около заборовъ и на лугахъ выросли песчаные бугорки, нанесенные дождевыми потоками. Люди ходили медленно, какъ бы подъ невидимой тяжелой ношей, мрачные и сонливые, чтобы сдѣлать лишь самое спѣшное и необходимое.

Старый Роцисъ сидѣлъ у окна и, сгорбившись, перелистывалъ календарь съ предсказаніями погоды, изрѣдка покашливая съ досадой. За столомъ сидѣла хозяйка усадьбы, его жена, и чинила бѣлье. На кровати, позѣвывая, лѣживо валялся Андрей, ученикъ реального училища, младшій сынъ Роциса.

— Хотя бы дождь-то пересталъ наконецъ! — жаловалась мать, пытаясь продѣть нитку черезъ игольное ушко; но ея жесткія, костлявыя руки, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ трудились надъ самыми тяжелыми работами дома и на полѣ, дрожали и отказывались попасть въ цѣль. Она протянула иглу мужу:

— Попробуй ты!

Роцисъ укоризненно посмотрѣлъ на кровать, и Андрей понялъ взглядъ отца. Медленно слѣзъ онъ съ кровати и съ иронической улыбкой продѣлъ нить.

Между тѣмъ, дождь сталъ хлестать съ удвоенной силой, и мать застонала, какъ будто бы онъ лилъ ей прямо на голову.

— Господи, хоть бы наконецъ пересталъ!

Восклицаніе матери словно наэлектризовало Андрея. Вытянувъ шею, онъ громко засмѣялся.

— Чего смѣешься-то, мальчишка? — гнѣвно воскликнулъ отецъ.

— Ничего — промолвилъ Андрей, сдерживая смѣхъ: — мнѣ нельзя было не смѣяться. Что-то щекотало меня.

— Это намъ въ наказаніе бѣднымъ грѣшникамъ, — говорила хозяйка: — Когда люди перестаютъ почитать Бога, Онъ посылаетъ потопъ. Богъ не позволяетъ дѣлать съ нимъ, что угодно...

— Люди глупы... — проговорилъ Андрей.

Отецъ съ силой бросилъ календарь на столъ и крикнуть:

— Ты не заговаривайся, глупый мальчишка! ты что вздумалъ—учить насъ, твоихъ родителей?!

— Не волнуйся, отецъ,—сказалъ Андрей спокойно,—я здѣсь говорю о людяхъ. Мнѣ кажется, что ты не можешь запретить мнѣ говорить о нихъ. Люди потеряли всякое уваженіе въ моихъ глазахъ, и очень хорошо, что льетъ дождь и смываетъ грязь съ ихъ нечистыхъ и недобрыхъ путей.

— Но, вѣдь, ты еще мальчишка, и не смѣешь говорить о взрослыхъ!

— Вотъ какъ! Ну, въ такомъ случаѣ изучайте вы, взрослые, толстые книги объ исторіи человѣчества, занимайтесь вы всемірной литературой: отчего же вы заставляете мальчишка продѣлывать все это? Ужъ если мы должны чему-нибудь учиться, зубрить даже наузусъ, то у насъ есть также право свое сужденіе имѣть о томъ, что мы изучаемъ. Вотъ здѣсь объемистая исторія съ хронологическими числами, рассказывающія о печальныхъ дѣянiяхъ народовъ! Въ нихъ о многомъ говорится. Относительно же того, что человѣчество, наконецъ, захотѣло думать и просвѣщаться, тамъ не стоитъ ни единой буквы! Вотъ почему я и могу и смѣю говорить, что отъ всей этой исторіи разитъ пресквернымъ, несноснымъ запахомъ.

— Ничего себѣ, ты ораторствуешь довольно красиво,—горько усмѣхнулся отецъ,—но и ты не хочешь вразумляться. Богъ сотворилъ все очень хорошо, но ты хочешь, чтобъ было еще лучше. А если бы было лучше, тебѣ хотѣлось бы еще и еще лучше. У Бога и у природы есть своя мѣра, а у тебя какъ разъ этой самой мѣры-то и не достаетъ. То, что написано въ исторіи, служить для насъ поученіемъ; ты же ропщешь, что все не шло, какъ по маслу.

— Стало быть, я долженъ зажать себѣ ротъ и держать языкъ за зубами?

— Вотъ именно: и чѣмъ дольше, тѣмъ лучше!

— Къ чему же тогда мнѣ ходить въ школу: неужели только затѣмъ, чтобы послѣ сдѣлаться баринкомъ, красоваться и любоваться собою по павлиньему, чтобы имѣть слугъ, получать чины, ѣсть, пить и не исполнять своего долга, а, въ концѣ концовъ, сгинуть? Я думаю, что школа существуетъ для того, чтобы человѣкъ учился правильно чувствовать и думать, чтобы онъ научился также правильно выражать то, что онъ думаетъ. Природа дала мнѣ даръ слова, а ты хочешь его у меня отнять. Ты хочешь быть выше природы.

— Я вижу, что послалъ своего сына въ школу только затѣмъ, чтобы на старости отравить себѣ жизнь.

— Такія рѣчи, отецъ, называютъ фразами. Я говорилъ искренно.

— Но ты не смѣй учить меня!—проворчалъ отецъ и сталъ смотрѣть въ окно, какъ бы ища утѣшенія.

— Ну, такъ я буду молчать всегда...—закончилъ Андрей.

— Разнымъ уместованіямъ—этому вы научаетесь тамъ, въ школѣ, но дѣльной вещи вы не умѣете сдѣлать. Всѣ ваши школьные ученія клонятся къ тому, чтобы жить чужимъ трудомъ!

— Оставь его...—вмѣшалась мать:—говори о другомъ.

— Молчать! Это мое дѣло. Онъ долженъ поступать согласно моей волѣ, а не наоборотъ.

— Андрей, иди посмотри, который теперь часъ...—сказала мать, боясь, какъ бы Андрей не сталъ возражать отцу, ибо въ сердцахъ былъ на многое способенъ...

Андрей ушелъ въ заднюю комнату и тотчасъ же вернулся. Сжавъ губы, онъ иронически ухмылялся.

— Ну, сколько же времени?—спросилъ отецъ сурово. Андрей покачалъ головой. Онъ поднялъ руки и началъ считать по пальцамъ. Вышло семь. Отца же эта непристойная шутка разсердила еще прежняго.

— Ты слышишь, дуракъ? Я тебя спрашиваю, который часъ! Если ты не перестанешь дурачиться, я возьму и высѣку тебя!

— Если ты сдѣлаешь это, то больше меня не увидишь. Ты не смѣешь такъ поступать со мною. Ты то приказываешь, чтобъ я держалъ языкъ за зубами, то снова изволишь выражать желаніе, чтобы я его высвободилъ оттуда. Хотя я и твой сынъ, но я не рабъ тебѣ. Учи меня поступать разумно, тогда я буду слушаться и уважать тебя, но твоимъ капризамъ, пустымъ капризамъ я подчиняться не намѣренъ. А часы теперь показываютъ семь.

Въ это мгновеніе старый Родисъ, дѣйствительно, отодралъ бы своего реалиста, если бы не вошли братъ Андрея Петръ и сестра Анна. Оба промокли насквозь.

— Теперь коровы не стануть ѣсть этой травы, она вся перемѣшалась съ пескомъ. Двѣ косы испортили. Наконецъ, стали косить въ огородѣ. Тамъ кроты опять порядочно напортили,—разсказывала Анна.

— Видишь, Андрей,—говорилъ отецъ:—ты даже игрушечной мельницы не умѣешь сдѣлать. Я ни одного часу не былъ въ школѣ и, тѣмъ не менѣе, самъ смастерилъ всѣ свои рабочія орудія.

— Отецъ сердить на меня и на мою школу. Отчего же онъ не выбралъ себѣ лучшаго сына, а для этого сына лучшей школы? Если у кого сынъ дуракъ, то въ этомъ виноватъ только отецъ.

— Андрей, я думалъ, что ты гораздо умнѣе, но теперь вижу, что ты совсѣмъ не умѣешь вести себя,—говорилъ Петръ, снимая куртку.

— Вѣдь онъ насъ, поселянъ, считаетъ совершенными дураками,—воскликнула Анна, возвысивъ голосъ.

— И это тебѣ не нравится,—громко засмѣялся Андрей:—къмъ же тогда ты хотѣла быть?

— Послушай!—строго сказалъ отецъ:—теперь довольно! Сейчасъ же убирайся отсюда. Ступай въ лѣсъ, если хочешь—все равно куда, чтобы глазъ не мозолилъ... Я тебя знать не хочу!

— Хорошо, я пойду, если ужъ премудрый и высокій трибуналъ такъ постановилъ. Въ лѣсъ я не пойду, ибо я не животное. Я взберусь на чердакъ амбара и тамъ выплещу до завтра. Если завтра будетъ солнечный день, то, если хотите, предприиму какое-нибудь путешествіе; если же

пойдетъ дождь, тогда ни шагу. Весь этотъ разговоръ я нахожу смѣшнымъ.

Андрей надѣлъ шапку и вышелъ.

— Драть бы такого!—возмущался отецъ, когда Андрей вышелъ:— онъ становится все грубѣе со мною. Никакого вниманія не обращаетъ!

— Я, вѣдь, говорилъ тебѣ, когда ты везъ его въ городъ, чтобы ты отдалъ его въ приличный пансіонъ. Богъ его знаетъ, что это за люди, у которыхъ онъ живетъ, и что это за компанія, въ которой онъ проводитъ свободное время? Гдѣ каждый день глумятся надъ словомъ Божиимъ, тамъ и дитя научается хулить и издѣваться.

— Можетъ быть, ты и правъ, но я не могу больше платить и не знаю, гдѣ найти добрыхъ людей. Тамъ, въ городѣ, всѣ они гонятся лишь за своей выгодой, а добрыхъ людей вовсе и нѣтъ.

— Теперь пусть Петръ провожаетъ его въ городъ послѣ каникулъ,—заговорила Анна:—мальчикъ не дурной, только нѣтъ у него хорошихъ руководителей. Посмотрите на его свидѣтельство: по всѣмъ предметамъ у него пятерки и четверки. Значитъ, способности у него есть, только сердце, кажется, свернуло на недобрый путь.

— Отодрать бы его разокъ хорошенко, и вы увидѣли бы, что мальчуганъ сразу исправился бы на славу!—не унимался отецъ:—только мнѣ стыдно: такого большого парня...

Разговоръ обѣлся. Петръ переодѣвался въ задней комнатѣ. Анна начала раздѣваться; мать прекратила починку, такъ какъ совсѣмъ уже стемнѣло, и нельзя было разглядѣть, куда ткнуть иглой.

— Дождь льетъ безъ конца. Прямо какъ передъ потопомъ,—проговорила Анна печально:—рожъ пририта совсѣмъ къ землѣ, луга занесены пескомъ... Прямо несчастье съ этимъ дѣтомъ.

— Это, дочка, Божье наказаніе... Развѣ Его ученіе почитаютъ теперь на свѣтѣ? Ты сама—прочитала ли когда-либо „Отче нашъ“? Ты не знаешь, что такое любовь къ Богу, и все же ты у меня лучшее дитя. О другихъ и говорить нечего.

— Но, мама, должна же быть какая-нибудь причина этому! Отчего мы, молодое поколѣніе, сдѣлались такими и почему все это такъ? Это должно имѣть свое основаніе и значеніе,—входя въ комнату, заговорилъ Петръ громкимъ и твердымъ голосомъ:—грѣхъ, заставляющій человѣка встрепенуться и размышлять, стоитъ выше, нежели рабская бездѣятельность и полное незнаніе, унижающія человѣка.

— Слышишь ли, какъ льетъ дождь?—говорилъ отецъ угрюмо, почти плача,—какъ все небо плачетъ и скорбитъ о насъ, о нашей гордынѣ, самонравіи и дерзости, появившихся въ насъ, когда намъ живетъ хорошо, и потому Онъ хочетъ насъ проучить, испытать и смиритъ тѣмъ, что дѣлаетъ насъ бѣдными, отнимаетъ у насъ имущество и хлѣбъ насущный. Слушай, какъ обильно льетъ дождь: это слезы неба, въ которыхъ мы потонемъ. И когда сбѣгутъ эти потоки, когда солнце снова возсіяетъ надъ опустошенными

живами, тогда ни Петръ, ни Андрей, ни Анна не сумѣютъ помочь намъ и со всѣмъ своимъ суемудріемъ не сдѣлаютъ хлѣба изъ камней. Ахъ, тщетны всѣ наши попытки стать выше божественной мудрости!

Онъ умолкъ. Въ наставшей тишинѣ съ жуткой отчетливостью слышно было, какъ шелестить частый дождь, ударясь о крышу, о стѣны, объ окна... А вѣтеръ медленно тянулъ свою тяжелую, мрачную пѣсню. И этотъ шелестъ, и эти мрачные порывы вѣтра, и вечернія сумерки наполняли всѣхъ невольнымъ страхомъ.

Послѣ ужина Петръ взобрался на чердакъ амбара, гдѣ онъ обыкновенно въ снѣгѣ ночевалъ вмѣстѣ съ Андреемъ! Онъ закутался въ одѣяло и зарылся въ снѣгъ, не говоря ни слова.

— Знаешь что, Петръ,—заговорилъ Андрей:—мнѣ ужасно хочется ѣсть, но я не смѣю, такъ какъ я совершилъ страшное преступленіе!

Онъ засмѣялся, и этотъ смѣхъ привелъ Петра въ раздраженіе.

— Ты мнѣ больше не нравишься, Андрей,—сказалъ Петръ:—мнѣ кажется, что для тебя уже нѣтъ ничего святого! Хорошо ли это—огорчать отца и мать, у которыхъ и такъ много горя и заботъ?

— Да, придется ужъ мнѣ исправиться, ибо иначе невозможно жить на этомъ свѣтѣ дураковъ, гдѣ хотять, чтобы дитя сдѣлалось взрослымъ, а затѣмъ—чтобы взрослый сталъ ребенкомъ. Придется исправиться, особенно потому, что ты такъ хочешь—ты, самый великолѣпный изъ всѣхъ Петровъ, какихъ я только знаю.

— Не издѣвайся, Андрей, отцу живется очень трудно. Мы не знаемъ, откуда взять денегъ для тебя, для твоего образованія. Всѣ входы были такіе сочные, крѣпкіе и все уродилось, было, такъ хорошо—и вдругъ нахлынулъ этотъ дождь. Теперѣ надѣяться почти не на что.

— Вѣра, надежда, любовь! Крестъ, якорь и сердце! Въ городѣ продаются такія кольца. Для васъ весьма пригодны...—говорилъ Андрей съ притворной торжественностью.

— Андрей, у меня исчезаетъ всякое уваженіе къ тебѣ... всякое...

— Да, да, все должно исчезнуть, все имѣть свое начало и конецъ, за исключеніемъ колбасы, имѣющей два конца и ни одного начала...—язвилъ Андрей, но слова его прервалъ новый приступъ сильнаго дождя.

Тѣмъ временемъ отецъ съ матерью тоже легли спать. Но имъ не спалось. Они думали о скучной малоурожайной осени и боязливо прислушивались къ шуму дождя.

— Господи, Отецъ Небесный! хоть бы наконецъ перестало-то—умоляюще, почти со слезами произнесла мать.

Старый Родисъ приподнялся на кровати, набилъ себѣ трубку, подымилъ немножко, но скоро пересталъ и, какъ зачарованный, прислушивался къ ужасному, нескончаемому шуму дождя. Ему чудилось, что все, все неминуемо должно потонуть.

М. ЛЕПА.

Въ сумеркахъ утра.

Разсказъ.

Перевела Альма Витоль.

I.

Въ Залъсьѣ царило волненіе. Въ шесть часовъ утра, когда было еще совсѣмъ темно, появился разсмысленный и передалъ хозяину приглашеніе на волостное собраніе. На могилѣ Петра Врѣдуса, который былъ разстрѣлявъ карательной экспедиціей, нашли красный вѣнокъ съ революціонной надписью, и теперь нужно было обсудить на собраніи, что могло грозить за это волости. Пришлось идти.

Въ людской и хозяйской комнатѣ прикрикнули на дѣтей, и они ходили, какъ тѣни,—словно въ домѣ былъ покойникъ. Ни хозяйка, ни батрачки не могли усидѣть на одномъ мѣстѣ за работой, а то и дѣло слонялись изъ угла въ уголь, подходили къ оттаявшему окну или, выйдя на дворъ, добѣгали до угла дома, чтобы посмотрѣть, не возвращается ли хозяинъ. Чѣмъ ближе къ полудню, тѣмъ безпокойнѣе дѣлались все онѣ, и дѣти начали смотрѣть полными страха, расширенными глазами.

Спокойнѣе всехъ казалась Дарта, мать растрѣяннаго Врѣдуса. Она сидѣла почти неподвижно у кровати ребенка батрака Плаудуса и учила старшихъ ребятъ грамотѣ. По ея голосу можно было подумать, будто она съ головой ушла въ ученье; ей совершенно не нужно было вскакивать съ мѣста и хвататься то за одну, то за другую вещь, не нужно было подходить къ окну и тревожно заглядывать въ оттаявшій кружокъ на стеклѣ.

Въ дѣйствительности, однако, было не то. Дарта тоже была взволнована и объята безпокойствомъ,—объята своимъ личнымъ безпокойствомъ,—но она не выказывала этого, скрывала насколько умѣла. Она пришла послѣ завтрака изъ своей комнатки при банѣ на гору, какъ она каждое утро приходила все это время послѣ смерти своего сына. Передъ дверью стояла хозяйка на обледенѣлой кучѣ навоза — холодная, обиженная. Дарта поздоровалась съ ней какъ всегда — любезно и преданно. Но хозяйка осталась такой же и даже не повернулась къ ней. Въ отвѣтъ на ея привѣтъ она только процѣдила что-то сквозь зубы.

Такъ же холодно и враждебно встрѣтили Дарту и обѣ батрачки.

Дарта остановилась у самыхъ дверей людской, поговорила о погодѣ, о трескучемъ морозѣ, подошла медленно къ стулу и позвала дѣтей къ обы-

деннымъ утреннимъ занятіямъ. Она хотѣла исподволь, не проронивъ объ этомъ ни слова, узнать о причинѣ неожиданной обидной для нея холодности.

Спустя минуту, она знала уже все. Желая отерочить начало занятій, Яша и Маруся, Плаудисы наперерывъ посигѣшили рассказать ей обо всемъ случившемся. Теперь было, конечно, ясно: хозяйка, батрачки, весь домъ думали, что она, Дарта, участвовала въ этой исторіи съ вѣнкомъ и надписью.

Но она и послѣ того не проронила ни одного словечка. Сжалась вся, какъ будто кто-нибудь вырвалъ ей изъ-подъ ногъ одну изъ надежнѣйшихъ опоръ, но тотчасъ же взялась за книгу. Какъ Яша, такъ и Маруся никакъ не ожидали, что ихъ военная хитрость потерпитъ столь позорную неудачу, и старались продолжать разговоръ, но Дарта раскрыла книгу и указала пальцемъ, откуда нужно читать. Она заставляла ихъ читать отрывокъ за отрывкомъ, почти не давая передышки, даже тогда, когда батрачки подходили къ окну или когда хозяйка проходила, сердито ворча, черезъ людскую во дворъ, чтобы за угломъ посмотрѣть, не идетъ ли хозяинъ.

Но Дарта сдѣлала одну ошибку: второпяхъ раскрывъ книгу, она указала дѣтямъ тотъ отрывокъ, который они недѣлю тому назадъ уже читали. Маруся медлила, смутившись, но Яша посигѣшилъ начать, и теперь читали оба, остерегаясь, какъ бы нечаянно не испортить выпавшую на ихъ долю неожиданную удачу. Вожакомъ былъ Яша; сначала онъ читалъ плавно и гладко, но потомъ началъ заикаться, какъ будто не будучи въ силахъ сразу разобрать наиболѣе трудныя слова. Маруся не рѣшалась на такія надувательства, но все-таки останавливалась надъ нѣкоторыми словами, тыкала въ нихъ указкой, повторяла и складывала ихъ иногда по три раза подрядъ.

Въ первую минуту и Дартъ отрывокъ показался знакомымъ, но волненіе ея было настолько велико, что хитрость Яши совершенно усыпила возникшія было подозрѣнія. Теперь Дарта заботилась только о томъ, чтобы дѣти читали не останавливаясь, сама же она смотрѣла въ книгу и прислушивалась къ чтенію только тогда, когда ребята начинали спотыкаться и путаться. Но, когда чтеніе текло плавно, она пропускала слова мимо ушей, мысль ея работала надъ той неприятной неожиданностью, которая вдругъ предстала предъ нею.

Ей казалось, что она находится на льдинѣ, которая вдругъ оторвалась отъ берега, и несется въ море. Вчера все было еще благополучно: ледъ былъ проченъ и надеженъ, а сегодня онъ вдругъ трещитъ и гнется, угрожая ей гибелью. Еще вчера, нѣтъ, еще сегодня утромъ она, Дарта, была увѣрена, что семья Плаудиса и всѣ его домочадцы являются для нея лучшей опорой, на которую она можетъ рассчитывать въ минуту опасности. Она чувствовала себя своимъ человѣкомъ среди этихъ людей, своимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, съ которымъ дѣлать радость и горе, которому вѣрять и довѣрять какъ самому себѣ. Теперь всѣ ея надежды пошли прахомъ.

Вся красная отъ возбужденія она слѣдила глазами за батрачками, особенно за батрачкой, съ которой она больше всего подружилась и которой

больше всего помогала. Взоръ ея невольно скользилъ по вѣсѣмъ давно знакомымъ предметамъ: старый ткацкій станокъ, почернѣвшее окно, закоптѣлый потолокъ и стѣны, неровный и грязный земляной полъ, огромная печь, у которой теперь сушился хворостъ, мокрые чулки и пеленки,—все это давнымъ давно намозолило глаза, надоѣло ей настолько, что подчасъ она какъ будто даже теряла способность отличать сегодняшний день отъ вчерашняго. Дарта силилась уяснить себѣ положеніе и не могла. Бй не вѣрилось, что между нею и вѣсми этими людьми, которые вчера были родными, образовалась вдругъ пропасть, нивѣсть откуда появилась враждебная холодность.

Всю свою жизнь Дарта прожила въ зависимости отъ кого-либо; она готова была терпѣть горчайшія обиды, лишь бы избѣгнуть вражды. Теперь она снова чувствовала острое оскорбленіе при мысли о томъ подозрѣніи, которое пощечиной горѣло на ея лицѣ. Еще горше было ей отъ сознанія, что она не подавала ни малѣйшаго повода къ этому, особенно въ послѣднее время. Протестовала ли она противъ творящагося кругомъ хотя бы однимъ словомъ? Не переносила ли она нагрывшую грозу съ величайшимъ терпѣніемъ, не говорила ли она еще вчера вечеромъ, что отказывается отъ собственной воли и готова преклониться передъ тѣмъ, что пошлетъ ей судьба? Не старалась ли она укрѣпить свою близость къ нимъ, не заботилась ли она о нихъ больше, чѣмъ о себѣ? Не помогала ли она хозяйкѣ, чѣмъ только могла, не заботилась ли она больше, чѣмъ мать, о дѣтяхъ Плаудиса, не сидѣла ли она днемъ и ночью за прялкой батрачки Калнинъ, когда та ходила съ больной рукой? Хотя Петръ, дѣйствительно, ея сынъ, но холодъ и враждебность все-таки ею ничуть незаслужены. Неужели они забыли, что она никогда не отстаивала того пути, по которому пошелъ ея сынъ? Развѣ они забыли, что она воспитывала его съ малыхъ лѣтъ въ уваженіи къ властямъ и Богу? Если ея старанія оказались напрасны, если она даже мольбами не могла отвлечь сына съ того пути, на который онъ ступилъ—была ли это ея вина? У нихъ самихъ—у батрачекъ и хозяйки—растутъ дѣти, и онѣ уже теперь жалуются на ихъ непослушаніе. Что придется имъ пережить въ будущемъ, когда дѣти разбредутся по бѣлу свѣту и лишь изрѣдка, на нѣсколько часовъ, заглянуть въ родительскій домъ!—Можетъ быть, Дарта заслуживала бы одного упрека—зачѣмъ не удерживала она сына еще настойчивѣе, зачѣмъ она не легла на порогъ, чтобы онъ не могъ перешагнуть черезъ него?

Правда, она этого не дѣлала, но развѣ это основаніе для вражды? И только подумать, что они же сами шопотомъ поговаривали, какъ хорошо было бы, если бы добиться того, о чемъ ея сынъ говорилъ ясно, громко и откровенно.

Батраки пришли къ обѣду въ обычное время. Дѣти, очевидно, только и ждали, чтобы выпрямить спину, размять ноги и дать голю языку. Яша, который теперь тоже былъ освобожденъ отъ чтенія, вскочилъ на ноги, закричалъ: „Папа! папа!“ и бросился на дворъ. За нимъ бросились всѣ, кто только могъ ходить, даже хозяйскія дѣти, которыя распахнули теперь двери. Тревога, однако,—оказалась ложной: домой возвращался батракъ.

„Куда бѣжишь?“ сурово оборвалъ онъ Яшу и велѣлъ ему вернуться обратно и сидѣть спокойно.

Дарта сидѣла на дѣтской кровати, наклонившись надъ груднымъ ребенкомъ. Теперь она выпрямилась и повернулась къ дверямъ. Плаудисъ была воплощенная доброта. Онъ улыбался и шутилъ даже тогда, когда всѣ остальные сидѣли нахмуренными и злыми, и для Дарты у него всегда находились теплыя, ободряющія слова. Съ дѣтьми онъ теперь, правда, обшелся такъ сухо и строго какъ никогда, но ей то уже Плаудисъ непремѣнно ласково кивнетъ головой и скажетъ: „Здравствуй, здравствуй Дарта!“ и это привѣтствіе будетъ тонкой нитью, которая соединитъ Дарту съ тѣмъ, къ чему она стремилась,—нитью, которую можно будетъ укрѣпить и по которой она доберется снова къ прошлому.

Но Дарта ошиблась и на этотъ разъ. Оба батрака даже не посмотрѣли въ ея сторону. Они подошли каждый къ своему столу, сѣли къ ней спиной, поджидая, пока жены подали обѣдъ, и начали ѣсть молчаливые, задумчивые.

Спустя нѣкоторое время явился, наконецъ, и самъ хозяинъ, прошелъ черезъ людскую въ садикъ и въ комнату черезъ хозяйскія двери. Жена Плаудиса припала къ замочной скважинѣ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли это хозяинъ.

Черезъ десять минутъ въ людскую пришла хозяйка, еще болѣе строгая и холодная.

— Ну?—еле произнесла жена Плаудиса.

— Посадитъ бы всѣхъ такихъ голововеръзовъ на колъ—такъ было бы хорошо. Живутъ на чужой счетъ, а туда же посмотрите, какія фантазіи! Носятъ со своими красными цвѣтами да тряпками! А теперь изъ-за нихъ вся волость и ни въ чемъ неповинные люди должны сторожить могилу. А если не будутъ сторожить да если еще разъ хоть найдутъ цвѣты на могилѣ, то наложить на всѣхъ такой штрафъ, что не радъ будешь и жизни.

II.

На слѣдующее утро Дарта опять пошла на гору. Немножко позже, чѣмъ обыкновенно, но все-таки пошла. Вчера она вернулась въ баню вскорѣ послѣ ухода хозяйки. Она ушла не пообѣдавъ, а батрачка Плаудисъ не задерживала ее; она проплакала до ночи. Но теперь, когда она встала, ей показалось, что нужно вернуться. Она думала, что нетрудно будетъ объясниться хоть съ батрачкой Плаудисъ. И теперь, когда она шла по дорожкѣ, ей казалось, что нѣтъ ни малѣйшаго смысла враждовать другъ съ другомъ. Она ни однимъ словомъ не обмолвится о вчерашнемъ, но попробуетъ поговорить по старому, какъ до сихъ поръ, дружественно и тепло, тѣмъ болѣе, что у жены Плаудиса былъ вснѣльчивый характеръ.

Дарта приободрилась еще болѣе, когда она приблизилась къ избѣ.

— Вѣроятно, сейчасъ въ людскую только одна жена Плаудиса, и съ глазу на глазъ онѣ поговорятъ свободнѣе.—Дарта легко и смѣло вошла въ людскую и привѣтливо поздоровалась.

Жена Плаудиса возилась у ткацкого станка. Утромъ въ усадьбѣ былъ опять разсылный. Опасаясь, чтобы могли какъ-нибудь не украсили цвѣтами, въ волостномъ правленіи рѣшили приставить къ ней трехъ сторожей, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Такъ какъ населеніе волости было не велико, то очередь сторожить выпадала очень часто. И вышло такъ, что очередь Плаудиса приходилась въ ближайшее воскресенье, какъ разъ въ тотъ день, когда свояченица праздновала свадьбу, уже столько разъ откладывавшуюся по всевозможнымъ причинамъ. Плаудиса не могли замѣтить ни Калининъ, ни хозяинъ, такъ какъ имъ надо было отвозить ленъ въ городъ.

Жена Плаудиса въ присутствіи разсылнаго погрозила кулакомъ въ сторону бани. Обозленная она съела ткать, но дѣло не спорилось. Нитки рвались каждую минуту.

Замѣтивъ входившую Дарту, она еще больше нагнулась надъ полотномъ и ничего не отвѣтила на ея привѣтствіе.

Дарта смутилась, но поздоровалась еще разъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

На этотъ разъ Плаудисъ отвѣтила сквозь зубы на ея привѣтствіе, не подымая глазъ.

Дарта остановилась. Потомъ завернулась плотнѣе въ теплый платокъ и сказала холодно.

— Сегодня я не могу заниматься съ дѣтьми. Миѣ нужно въ усадьбу Грава.

— Ну,—протянула Плаудисъ, все еще возясь у станка,—дѣти тогда побѣгаютъ на дворѣ.

Десять минутъ спустя Дарта шла въ усадьбу Грава, хозяйка которой ей уже давно общала пряжу. Она вернулась послѣ обѣда съ огромной ношей выкорчеванныхъ пней и сухого хворосту, содранныхъ ею и ея сыномъ еще лѣтомъ. Съ наступленіемъ сумерекъ въ окнѣ засвѣтился тусклый огонекъ и не угасалъ цѣлую ночь. Хозяинъ еще въ полночь видѣлъ этотъ огонекъ, возвращаясь отъ купца, къ которому онъ ѣздилъ договариваться на счетъ продажи льна.

Ночью Дартѣ приснился страшный сонъ. Къ ней пришелъ ея сынъ. Ей и раньше случалось видѣть его во снѣ, но никогда еще онъ не являлся ей при такихъ обстоятельствахъ, какъ теперь. Бывало, что она разговаривала съ нимъ, какъ съ живымъ, какъ будто въ ихъ жизни ничего не случилось, но на этотъ разъ она знала, что онъ мертвъ. Онъ съѣлъ на край ея постели, схватилъ ея руку и сказалъ, что пришелъ успокоить и защитить ее. У нея было какъ-то странно на душѣ. Ей нравились его ласки и утѣшенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жутко было сознавать, что онъ мертвъ. Но потомъ она замѣтила, что у него на головѣ вмѣсто шапки вѣнокъ, какъ будто изъ розъ или изъ огненно-краснаго мака. Цвѣты были такіе сочные и свѣжіе, какъ въ серединѣ лѣта, а лицо сына раскраснѣлось, словно послѣ бѣга. Дарта удивлялась и недоумѣвала, къ чему понадобился сыну такой вѣнокъ и почему онъ такъ раскраснѣлся. Сынъ отвѣтилъ, что онъ торопится. Онъ былъ

далеко и теперь спѣшить обратно, чтобы успокоить ее и помочь ей. Вѣнокъ онъ надѣлъ на голову потому, что неловко съ непокрытой головой. И такъ уже ему приходится стѣсняться: у всѣхъ есть кто-нибудь, кто заботится о нихъ, только у него одного нѣтъ никого...

На другой день Дарта не прядла до позднихъ сумерекъ. Загопила печку, перестроенную ея сыномъ въ послѣднее лѣто, и занялась своими думами, безъ усталы, безъ конца.

Сынъ былъ у нея и жаловался ей, какъ будто нехотя—какъ онъ это по обыкновенію дѣлалъ, когда былъ живъ. Въ послѣднюю осень онъ извѣстилъ ее, что придетъ къ ней. День былъ дождливый и холодный, и она рассчитывала растопить печку и встрѣтить его съ готовымъ обѣдомъ. Но явилась къ ней жена Плаудиса и просила ее присмотрѣть за ея дѣтьми и дѣтьми Калнинъ, такъ какъ онѣ обѣ должны таскать моченый леги. изъ воды и разстилать на полѣ. Она пошла къ дѣтямъ, при чемъ все время смотрѣла на дорогу, по которой долженъ былъ придти ея сынъ; боясь какъ-нибудь нечаянно пропустить его, она велѣла сторожить также и Марусѣ и Яшѣ. Но такъ какъ никого не было видно, то она осталась на горѣ еще довольно долго послѣ того, какъ вернулись батраки. Когда она, досыта наболтавшись, подходила къ банѣ, то замѣтила, что труба дымится. Сынъ вернулся по лѣсной дорогѣ, снялъ мокрое платье, одѣлъ сухое, затопилъ печку и подѣлъ погрѣться; на столѣ и на кровати онъ разложилъ всѣ покупки, которыя онъ принесъ для нея. И даже не думалъ ворчать и жаловаться. Промолвилъ только: „ничего не подѣлаешь, разъ нужно помочь другимъ“.

Теперь Дарта не могла понять, какъ это ей ни разу не приходило въ голову, что онъ имѣлъ основаніе жаловаться: она думала только о томъ, какъ ужиться съ домашними. Ей казалось, что она находилась въ странномъ, непонятномъ снѣ—всѣ эти послѣднія недѣли, вплоть до вчерашняго дня, да, можетъ быть, даже до сегодняшняго утра. Забыла, что она мать и что мать должна заботиться о своемъ сынѣ даже тогда, когда онъ уже лежитъ въ могилѣ. Няньчила чужихъ дѣтей и забыла, что ея собственное дитя лежитъ безъ креста на опушкѣ лѣса, за оградой кладбища. Она посѣтила могилу всего только одинъ разъ и больше не возвращалась, чтобы прочитать хоть „Отче нашъ“. Пѣла по утрамъ и вечерамъ церковныя псалмы, ходила по воскресеньямъ на утреннія молитвы и потомъ вмѣстѣ съ другими въ церковь; сидѣла тамъ, до того углубившись въ молитвенное настроеніе, что не замѣчала окружающихъ, плакала, когда пасторъ говорилъ въ своей проповѣди о слабыхъ и угнетенныхъ, о великой, неисчерпаемой и вѣчной любви, передъ которой всѣ равны, и о Томъ, Который любилъ даже тогда, когда всѣ другіе кричатъ, съ ненавистью и проклятіемъ: „Распни его, распни его!“ Но когда пришлось доказать на дѣлѣ хоть долю этой великой любви, тогда она забыла обо всемъ, что ее раньше такъ радовало и что она такъ восторженно восхваляла; сидѣла въ людской на лежанкѣ или в

кроваткѣ дѣтей Плаудиса, и боялась только одного, — какъ бы батрачки или хозяйка не разсердились на нее и не прогнали.

III.

Черезъ нѣсколько дней Дарта опять отправилась на гору. Теперь она знала, что докажетъ свою любовь, и хотѣла только узнать все, что нужно для выработки подходящаго плана. Она сѣла безъ лишннхъ словъ и пригла-сила дѣтей заниматься.

Дарта должна была узнать, когда и какимъ образомъ можно неза-мѣтно пробраться къ могилѣ сына. Она хотѣла снести крестъ на могилу сына и такъ его спрятать, чтобъ никто не унесъ. Она хотѣла зарыть крестъ въ могилу. Такъ какъ днемъ этого нельзя было дѣлать, то оставалось сдѣ-лать это ночью. Конечно, въ такой трескучій морозъ не было возможности зарыть крестъ, такъ какъ могила замерзла, какъ камень. Но скоро насту-пить весна. Плаудисъ уже рассказывалъ, какъ онъ сторожилъ, и Яша по-торопился передать ей все. Самъ Плаудисъ выболталъ многое. Все было такъ, какъ она раньше предполагала: самое подходящее время для зары-тія креста были утреннія сумерки. Вечеромъ сторожа были слишкомъ бди-тельны. Калякали въ часовнѣ или же обходили могилу, опушку лѣса и кладбище. Такъ же внимательны они были и въ полночь. Правда, ощуща-лась уже усталость и сонливость, но дремать еще не собирались. Совсѣмъ другими они были подъ утро. Тогда они уже разсуждали, что нечего бо-яться, что кто-нибудь теперь приблизится къ могилѣ; тутъ уже сильнѣе да-вали себя знать сонливость и усталость. Если при томъ еще имѣлась бу-тылка водки, то и самые внимательные и старательные норовили зарыться въ принесенную въ часовню солому.

Планъ Дарты былъ такой: обождать, пока снѣгъ начнетъ таять, и по-томъ идти въ ту ночь, когда будетъ сторожить Плаудисъ вмѣстѣ со своими товарищами. Можно достать для него бутылку водки. А имъ это не повре-дить, такъ какъ никто не узнаетъ, что именно въ ихъ ночь зарыть крестъ въ могилу.

Весна не доставила себя долго ждать. Въ три—четыре дня растаялъ весь снѣгъ отъ дождя и солнца, и когда Дарта отправлялась въ воскресе-нье днемъ на могилку, то она увидѣла, что желтый песокъ на могилѣ обсохъ.

Настала очередь Плаудиса. Наканунѣ Дарта напустила дымъ въ ком-натку, и попросила Плаудиса прочистить трубу, что онъ и сдѣлалъ во время обѣденнаго отдыха. Теперь она сдала въ усадьбу Грава часть готовой пряжи и полдюжины вязаныхъ чулокъ и вечеромъ, до ухода Плаудиса, зашла въ людскую, вынула изъ-подъ платка бутылку водки и сказала: „Это за твое доброе сердце“. Плаудисъ немного смутился, поблагодарилъ и засунулъ бу-тылку въ боковой карманъ шубы.

Вернувшись въ свою комнату, она зажгла лампу и поставила ее чуть и не на самое окно. Потомъ она сѣла къ прялкѣ и прядла до позднего

вечера, даже немного дольше обыкновеннаго. Батрачки и хозяйка уже давно потушили свои огни.

Въ дорогу она собралась въ полночь, пробираясь пастбищами и окольными путями, такъ какъ на большой дорогѣ еще можно было случайно встрѣтить прохожаго: Дойдя до кладбища, она спрятала небольшой, безхитростно сколоченный деревянный крестъ въ оврагѣ, а сама начала пробираться по оврагу въ сторону часовни. Уже въ воскресенье она замѣтила, что самое безопасное будетъ пробраться именно такъ. Въ воскресенье она также подыскала достаточно большое отверстіе въ стѣнѣ.

Въ часовнѣ сидѣли всѣ сторожа. Но ихъ было не три, а четыре, и не тѣ, которыхъ она ожидала. По рассказамъ Плаудиса должны были быть, кромѣ него, еще одинъ половникъ и батракъ помощника старшины. Половникъ былъ тутъ, но, вмѣсто батрака, пришелъ самъ помощникъ и мызный лѣсникъ. Дарту уснокоило только то обстоятельство, что помощникъ старшины, лѣсникъ и половникъ играли въ карты и пили водку. Было уже выпито нѣсколько бутылокъ. Лѣсникъ уже настолько напился, что ругался на каждомъ словѣ и громкимъ голосомъ хвастался, что онъ сегодня вечеромъ обыгралъ въ карты всю корчму и теперь обыграетъ своихъ партнеровъ. Помощникъ старшины ругался меньше и меньше говорилъ, но былъ также пьянъ; половникъ лепеталъ и моргалъ глазами. Единственнымъ бдительнымъ сторожемъ могъ быть только Плаудисъ. Онъ накиннулъ черезъ плечи двустволку лѣсника, сдвинулъ шанку на бокъ и расхаживалъ по часовнѣ, каждую минуту готовый къ обходу. Но было видно, что и онъ не трезвъ, хотя полученная отъ Дарты бутылка была не тронута и выглядывала изъ кармана. Онъ тоже смѣялся громче обыкновеннаго и все время прикладывался къ бутылкѣ.

Дарта рѣшила подождать. И поступила правильно. Спустя минуту Плаудисъ еще разъ пригубилъ бутылку, ударилъ половника такъ сильно по плечу, что тотъ чуть не перевернулся на бокъ, и потомъ исчезъ за дверью. Она едва успѣла отскочить и спрятаться въ кустъ можжевельника, который тутъ же росъ за кладбищемъ. Онъ ходилъ и напѣвалъ свой солдатскій маршъ, что онъ дѣлалъ всегда, когда былъ пьянъ и въ хорошемъ настроеніи. Потомъ онъ началъ пошвыгивать и обошелъ опушку лѣса, заглянувъ даже въ самый дѣсъ, прошелся и по тому мѣсту, гдѣ она спрятала крестъ, вернулся и сказалъ игрокамъ: „Разсвѣтаетъ“.

Лѣсникъ бросилъ карты и сталъ собираться домой. Уже сталъ прилаживать свою двустволку. Но помощникъ старшины схватилъ его за руку. „Не будь дуракомъ! Всю ночь ты ухлопалъ съ нами, такъ оставайся же до разсвѣта. Прикурнемъ немножко, какъ старшіе, пока Плаудисъ еще будетъ сторожить, а потомъ пойдемъ домой. Не будь рабомъ. И водка еще есть на доньшкѣ бутылки“.

Лѣсникъ остался. Половникъ встряхнулъ содому и легъ въ свой уголь. Помощникъ старшины съ бутылкой въ рукѣ сѣлъ на носилки для гроба и рассказывалъ, какія дѣла предстоятъ ему сегодня. Плаудисъ вышелъ еще

разъ, дошелъ до могилы, но сейчасъ же вернулся и повалился на полъ въ своемъ углу, съ двустволкой черезъ плечо. Лѣсникъ еще прислушивался къ разсказу помощника старшины, прижималъ также еще бутылку, но соби-рался уже сомкнуть глаза.

Дарта отодвинулась отъ стѣны и поспѣшила за крестомъ. Нѣсколько минутъ спустя, она была уже у могилы. Лопатка хозяйскихъ дѣтей рѣзала, какъ пожомъ, сырой песокъ. Еще нѣсколько минутъ, и ямка была бы уже достаточно велика, чтобъ тамъ могъ быть спрятанъ крестъ на продолжи-тельное время. Сторожа эти уйдутъ, не присмотрѣвшись внимательнѣе. Взглянуть только издали, нѣтъ ли цвѣтовъ на могилѣ, и довольно. То же будетъ и въ слѣдующіе дни. Но, если какой-нибудь любопытный удивится, что песокъ взрытъ, и пороется концомъ палки, то онъ не достанетъ до креста, такъ какъ онъ зарытъ глубоко; онъ подумаетъ, что это послѣ мо-розовъ земля взрыта.

Вдругъ Дарта остановилась въ своей работѣ. Прокригѣла дверь ча-совни и какая-то фигура перешла на опушку лѣса. Тутъ фигура эта оста-новилась и вернула землѣ выпитое. Но фигура еще не возвращалась, зѣ-вала, вертѣлась и вдругъ воскликнула:

— Плаудись! Есть ли рядомъ съ могилой какой-нибудь кустъ или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Дарта вскочила и побѣжала въ лѣсъ. У часовни раздался громкій крикъ, и вслѣдъ за этимъ послышался взволнованный голосъ Плаудиса:

— Что тамъ? Что тамъ?

Дарта бѣжала только впередъ. Благодаря разсѣянности сторожей и полутьмѣ, ей удалось убѣжать довольно далеко. Но скоро дорога пошла круто внизъ, и она вдругъ очутилась около воды. Это былъ довольно больш-ой болотный лугъ, весь залитый водой. Дарта побѣжала обратно, кину-лась потомъ въ сторону, но опять вода закрыла ей дорогу. Теперь она бросилась назадъ въ гору, чтобы попытаться пробраться въ другую сто-рону. Но преслѣдователи уже приблизились и, когда на пригоркѣ сучокъ треснулъ подъ ея ногой, прогремѣлъ голосъ помощника старшины:

— Слышишь! Тамъ, тамъ! на пригоркѣ! Плаудись, спустись прямо! Я побѣгу къ полю. А эти двое пусть сторожатъ пастбище!

Дарта кинулась внизъ и начала углубляться въ болото. Преслѣдова-тели, очевидно, не ожидали этого. Но потомъ опять прогремѣлъ голосъ по-мощника старшины:

— Эй, вы! Посмотрите, тамъ кто-то бредетъ по водѣ! Уже прошелъ полъ луга. Плаудись! стрѣляй вслѣдъ!

И голоса раздавались уже на опушкѣ.

Дарта собрала всѣ силы. Вода доходила до пояса, и ноги вязли, но до лѣса было только небольшое расстояние. Тамъ она моментально исчезла бы въ молодомъ ельникѣ.

Ближе всѣхъ былъ Плаудись, потому что онъ слѣдовалъ за ней по той же дорогѣ. Прогремѣлъ выстрѣлъ, и преслѣдуемая упала на опушкѣ ельника.

АНДРЕЙ УПИТЬ.
Р О М А Н Т И К Ъ.

Перевелъ К. Дуцманъ.

Домикъ, въ которомъ помѣщалась фотографическая мастерская Михаила Нѣжнаго, находится возлѣ самаго рынка. За окнами видѣлась грязная, немощеная рыночная площадь съ кучами всякой дряни по краямъ и съ будкою насоса посрединѣ. Въ базарные дни около самыхъ оконъ фотографа располагалась кибитка толстой курляндки съ творогомъ, крупною и живыми поросатами, и огромный возъ съ кренделями, по которому расхаживалъ продавецъ въ сапогахъ и надтреснутымъ голосомъ безъ усталы выкрикивалъ свой товаръ; на концѣ поднятой оглобли качались двѣ связки кренделей—ихъ можно было замѣтить съ другого края площади. Уже издали бросались въ глаза вывѣшенные блѣдно-красные куски мяса, кучи моркови и недозрѣлыхъ кочановъ, со всѣхъ угловъ доносился визгъ поросатъ, кудахтаніе куръ, криканіе утокъ, гоготаніе гусей. Повсюду видна была нервная бѣготня, всѣ куда-то спѣшили, о чемъ-то бранились... Только сѣрое облако пыли, не сѣбша, поднималось кверху, носилось надъ сѣрыми и зелеными крышами, и медленно спускалось внизъ, коснувшись связокъ съ кренделями на концѣ оглобли.

Михаилъ Нѣжный въ такіе дни вовсе не показывался у окна. Ему была противна грязная рыночная площадь съ красными кусками мяса, съ ея пылью и зловоніемъ, и съ толстыми, пухлыми поселянками, прѣхавшими на рынокъ, здоровыми и краснощеками, напоминавшими румяное осеннее яблоко на солнышкѣ. Съ самаго утра онъ расположился у единственнаго окна, выходящаго на дворъ, и нервно и возбужденно прислушивался, не идетъ ли кто-нибудь; и его чуткій носъ безъ всякой причины чувствовалъ уже запахъ селедки, соленыхъ огурцовъ и поросатъ.

Фу—какъ прозяченъ и некрасивъ этотъ міръ!

За дворовымъ окошкомъ—которое въ сущности представляло собою лишь полъ-окна—видѣлась рѣка, протекавшая тутъ же за заборомъ. Медленно, устало, безшумно, словно полустывшій расплавленный свинецъ, скользила широкая лента рѣки. Изрѣдка на этой сторонѣ, покачиваясь на водѣ, проплывало мимо помятое лукошко или пукъ соломы. По ту сторону, какъ разъ напротивъ, поднималась крутая, голая гора, на самомъ верху которой, съ краю, росла старая, искривленная липа. Внизу плавало стадо гусей—какъ бѣлыя точки мелькали онѣ цѣлый день на сѣромъ фонѣ рѣч-

ного берега. На гору медленно поднимался одинокій тѣдокъ, и устало, какъ бы нехотя, тянулась за нимъ желтая полоса пыли.

Одиночество... жара... скука..

Въ другіе дни Нѣжный обыкновенно сидѣлъ въ другой комнатѣ за столомъ, дремалъ и, проснувшись, разсматривалъ разложенныя тамъ фотографіи, но сегодня онъ ни разу не взглянулъ на нихъ, сразу подсѣлъ къ окну и, не сводя глазъ, смотрѣлъ вдаль черезъ рѣку, гдѣ на самомъ берегу, немного нанскось, находилось имѣніе.

Паркъ имѣнія тянулся внизъ до самой рѣки; между зелеными деревьями и кустами тамъ иногда мелькало что-то ярко-бѣлое. Тогда у Нѣжнаго всякій-разъ вздрагивали усы, углы рта раздвигались въ разныя стороны, и лицо сіяло блаженной улыбкой.

На сегодняшній день онъ былъ вызванъ въ имѣніе фотографировать... Около полудня... Онъ зналъ, что ярко-бѣлое видѣніе по ту сторону рѣки было не что иное, какъ барышня, дочь помѣщика... Можетъ быть, она не могла дождаться фотографа и выходила посмотреть... При этой мысли горячія волны побѣжали по всемъ членамъ Михаила Нѣжнаго—замерли большіе пальцы обѣихъ ногъ, по кожѣ головы пробѣжали болѣзненные, острия мурашки, а густые, нечесанные волосы взъерошились еще болѣе. Вскочивъ, пробѣжалъ онъ по комнатѣ назадъ и впередъ нѣсколько разъ, снова сѣлъ и, подперевъ рукою крупную, лохматую голову, воспаленными глазами сталъ смотрѣть саова. Блескъ солнца, ярко отражаясь въ водѣ, ослѣплялъ глаза.

Сегодня уже третій день, какъ Михаилъ Нѣжный получилъ приглашеніе отправиться въ имѣніе фотографировать, и третій день уже онъ сидѣлъ тутъ у окна, и, не сводя глазъ, смотрѣлъ на зеленый паркъ. По ночамъ онъ не спалъ, его мучили кошмарныя видѣнія; иногда, чуть заснувъ, онъ видѣлъ барышню въ бѣломъ платьѣ и съ розами въ волосахъ... Однимъ словомъ, Михаилъ Нѣжный былъ ужасно влюбленъ.

Первые признаки этой болѣзни показались уже пять лѣтъ тому назадъ, когда Нѣжный только что открылъ мастерскую въ Лайценѣ и когда барышня изъ имѣнія ходила еще въ коротенькомъ платьицѣ и съ мальчиками лазила по яблонямъ парка. Но тогда еще чувство не было столь горячо. Настоящая любовь началась, собственно, съ того момента, когда у Нѣжнаго вышла глухая исторія съ Дорой Гармать.

Дора была дочь сосѣдняго дворохозяина и ходила къ Нѣжному сниматься. Нѣжному она—неизвѣстно почему—понравилась. Онъ ясно видѣлъ и понималъ, что она длинна и суха, какъ жердь, съ сѣрыми волосами, и что лѣвый глазъ у нея косою, однако же—нравилась, хоть убей... И въ слѣдующее воскресенье онъ купилъ фунтъ конфектъ и полфунта шоколаду—конфекты положилъ въ боковой карманъ жакетки, шоколадъ—въ карманъ брюкъ, потомъ выпустилъ изъ-подъ шляпы на лобъ двѣ небольшихъ пряди волосъ и отправился на народное гулянье „на лоно природы“, на ближайшій выгонъ, который, неизвѣстно на какомъ основаніи, именовался „горюю“. Но

оказалось, что напрасно мѣсилъ онъ грязь по дорогѣ на „гору“ и зря выбросилъ полтинникъ за конфекты и шоколадъ. Даже не доходя до версочнаго загражденія, онъ остановился, пораженный до глубины сердца, и полчаса простоялъ, какъ вкопанный, все глядя на загражденную площадь съ праздничнымъ людомъ. Что же приковало тамъ его вниманіе?—Въ первую голову онъ увидѣлъ свою возлюбленную,—она стояла на холмикѣ, сухошагая, какъ жердь, цѣлою головою выше всѣхъ другихъ, аки Саулъ, и ѣла пирожное, снявъ его съ громаднаго жестяного подноса, на которомъ находилась еще цѣлая куча такихъ же яствъ, а, кромѣ того, еще три бутылки фруктовой воды, кусокъ извѣстной лайсенской колбасы, стаканъ съ отбитымъ краемъ и ножъ, рукоятка котораго состояла лишь изъ одной половины. Все это держалъ на рукахъ сынъ и наслѣдникъ одного усадьбовладѣльца, съ большими, черными, повисшими внизъ, усами. Туда же, задыхаясь, бѣжалъ другой подобный же хозяйскій сынъ, съ двумя бутылками въ рукахъ и четырьмя подъ мышками, между тѣмъ, какъ третій, стоя у буфета, безпомощно шарилъ по всѣмъ карманамъ и въ отчаяніи поглядывалъ на то мѣсто, гдѣ стояла Дора Гармать. А она улыбалась крупной, широкой улыбкой,—улыбалась и тому, чьи пирожныя уписывала, и тому, кто бѣжалъ съ бутылками, и тому, кто тоскливо озирался сюда изъ-за буфета, и всѣмъ прочимъ, находившимся вблизи. Теперь только Михаилъ Нѣжный понималъ сущность любви Доры Гармать... Широкая и плоская, какъ песчаная рѣка, струилась она и обнимала собой всѣхъ хозяйскихъ сыновей, всѣхъ портныхъ, мясниковъ... И повернулся Нѣжный, сѣлъ подъ кустъ черной ольхи на мокрый бугорокъ, съѣлъ самъ свои конфекты и свой шоколадъ... и заплакалъ...

Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ всѣхъ крестьянскихъ дѣвушекъ съ загорѣлыми, смуглыми щеками, большими, грубыми руками и безобразнымъ—нѣтъ, прямо бессмысленнымъ платьемъ! Тѣмъ горячѣй съ тѣхъ поръ влюбился онъ въ дочь помѣщика.

Встрѣчая ее, онъ всякій разъ кланялся, и по улыбкѣ ея онъ убѣждался, что и она его любитъ. Нѣжный вѣрилъ, что только у женщинъ высшаго круга имѣется то безсознательное чувство прекраснаго, которое проявляется въ выборѣ стройно прилегающаго платья, въ прическѣ, въ походкѣ, въ улыбкѣ... Только дворянскія барышни читали романы Шпиллагена и Эберса и декадентскія стихотворенія и понимали божественное наслажденіе, скрытое въ магнетизмѣ двухъ сердець и въ молніи, которая божественнымъ огнемъ сжигаетъ всего человѣка... Помимо сего, эти барышни знали пѣсню о двухъ королевичахъ и ихъ не испугало бы бѣгство со своимъ возлюбленнымъ... Sie mussten beide sterben, sie hatten sich viel zu lieb—декламировалъ Нѣжный, и слезы навертывались у него на глазахъ.

Онъ явственно представлялъ все, что скоро должно было произойти тамъ, по ту сторону рѣки, въ имѣніи. У входа въ благоухающую бесѣдку станетъ вся барская семья: самъ баринъ, барыня, она и... тѣ... они... Баринъ, по обыкновенію, направить на него свой единственный настоящій глазъ, грозно взирая, между тѣмъ, какъ другой, стеклянный глазъ будетъ

устремленъ куда-то въ сторону, черезъ крышу амбара.—Онъ, несомнѣнно, чутьемъ угадаетъ, что у барышни съ фотографомъ есть какіе-то секреты... Его дочь—отпрыскъ древняго рыцарскаго рода, и онъ—лайценскій фотографъ!.. Скандалъ!.. Однако, Нѣжный не покажетъ и виду, что догадывается о гнѣвѣ старика, оставитъ свой аппаратъ, подойдетъ къ группѣ, поклонится, повернетъ ея личико болѣе къ свѣту, приподниметъ подбородочекъ, взглянетъ въ глаза... Эхъ!—Нѣжный бѣгомъ пронесся два раза по комнатамъ.—Съ одного взгляда поймутъ они другъ друга... Въ этомъ взглядѣ выразятся всѣ чувства, которыя ихъ взаимно обуреваютъ, въ немъ они прочтутъ, гдѣ встрѣтятся утромъ, гдѣ вечеромъ, какимъ путемъ убѣгутъ, если понадобится: вверхъ по рѣкѣ на лодкѣ, по желѣзной дорогѣ въ Америку или Парижъ, или же въ еврейской брочкѣ въ мѣстечко Янишки...

За дверями, со стороны рынка, кто-то зашарилъ. Ничего не было нестерпимѣе для Нѣжнаго въ этотъ моментъ, чѣмъ вторженіе прозаичнаго міра въ его романтическія грезы. Онъ схватилъ свой аппаратъ и другіе необходимые инструменты, выбѣжалъ вонъ и поспѣшилъ къ рѣкѣ. Давно уже нанятый лодочникъ сидѣлъ на берегу, на камнѣ и, какъ бы нехотя, ѣлъ, откусывая отъ громаднаго ломтя сѣраго хлѣба, который въ Лайценѣ назывался бѣлымъ. Еще издали Нѣжный окрикнулъ его и стремглавъ бросился къ лодкѣ.

Лодочникъ, не спѣша, приподнялся, сунулъ ковригу хлѣба въ карманъ, посмотрѣлъ на свою тѣнь и медленно зашагалъ внизъ по каменистому откосу.

— Слишкомъ рано...—проворчалъ онъ и съ силою подулъ въ опустившіеся усы.

— Поскорѣе, поскорѣе!—торопилъ Нѣжный, сѣвъ въ лодку и придерживая ногами фотографическій аппаратъ, чтобы онъ не двигался.

Лодочникъ, какъ бы пробуя, погрузилъ въ воду одно весло, затѣмъ, другое, потомъ вытащилъ ихъ и, прищуривъ глаза, смотрѣлъ, какъ серебрястыя капли падали обратно въ воду. Наконецъ, онъ усѣлся, повелъ плечами, плюнулъ въ ладони и медленно отчалилъ отъ берега. Лодка едва замѣтно поплыла поперекъ рѣки.

Нѣжный стиснулъ зубы отъ нетерпѣнія. Онъ какъ-то особенно изогнулся впередъ, желая какъ-нибудь ускорить невыносимо медленное движеніе лодки. А лодочникъ—отъ солнечнаго ли свѣта или отъ другого чего прищуривъ глаза—лѣниво глядѣлъ на Нѣжнаго, словно любовался какими-то невиданными узорами. Нѣжный убѣдился скоро, что этого человѣка ничѣмъ не подвинешь на болѣе быстрое передвиженіе, точно такъ же, какъ и эту сѣрую, флегматичную рѣку, которая чуть замѣтно скользила внизъ, словно расплавленный свинецъ. Ни вѣтерка, ни малѣйшей зыби... На той сторонѣ еле-еле двигался запоздалый плотъ; впереди его захудалый мужиченка, въ бѣломъ полубубкѣ, босой, съ непокрытой головой, ритмически нагибаясь, двигалъ большою, скрипячею дрыгалкой; съ краснаго лица глядѣли маленькіе, обросшіе волосами глазки, въ которыхъ свѣтилось отчаяніе, велѣд-

стве напрасной, безнадежной работы; сѣрый потокъ медленно придвигалъ плоть къ берегу. Черезъ равные промежутки времени изъ соломеннаго шалаша на плоту раздавался тяжелый хриплый голосъ: „лѣво-о-о...“

Нѣжный подперъ голову руками и глядѣлъ назадъ на Лайценъ. Каменный берегъ становился все ниже и ниже, домики въ городкѣ какъ-то прильнули къ нему, словно погружаясь въ землю. Отсюда не была замѣтна ни ужасающая грязь, ни вонь городка: сѣрыя и зеленыя крыши слабо блестя на солнышкѣ—все было какъ бы придавлено удушливой, неподвижной усталостью, и изъ нея по временамъ выплывалъ сухощавый образъ Доры Гармать съ пепельно-сѣрыми волосами и широкой мутной улыбкой...

Лодка не успѣла еще коснуться берега, какъ Нѣжный уже выпрыгнулъ изъ нея, крикнувъ лодочнику „жди“—и бѣгомъ пустился вверхъ, вдоль изгороди парка. Отъ быстрого бѣга подъ гору и отъ возбужденія онъ временами задыхался, потъ ручьями струился по лицу. Уворотъ, черезъ который—между домикомъ садовника и господскимъ ледникомъ—можно было проникнуть на господскій дворъ, онъ на минуту остановился, чтобы передохнуть, потрогалъ галстукъ, обтеръ потъ, выпустилъ прядь волосъ на лобъ и, слегка покачиваясь, повернулъ на дорожку, ведущую къ большому подъѣзду господскаго дома.

Изъ-за ограды, откуда-то сбоку, выскочилъ большой косматый пестъ, съ открытой безобразной пастью, съ высунутымъ языкомъ, обнюхалъ Нѣжнаго и его аппаратъ, равнодушно и, какъ бы нехотя, словно исполняя неприятную обязанность, слегка укусилъ фотографа за ногу, ниже колѣна, и затѣмъ столь же равнодушно погнался по двору за курицами.

Баронъ, откинувшись на плетеную качалку на верандѣ, читалъ газету; застигнутый на самомъ интересномъ мѣстѣ несноснымъ кудахтаньемъ куръ, онъ съ досадой поднялъ голову. Нѣжнаго съ его аппаратомъ онъ, по всей вѣроятности, принялъ за странствующаго шарманщика, такъ какъ замахалъ на него газетой, словно отгоняя мухъ, и закричалъ:

— Не надо... не надо! Прошу не шумѣть!

Онъ закрылся газетою. Однако, Нѣжный собрался съ духомъ и, откашлявшись, приближался къ верандѣ.

— Извините, господинъ баронъ, но я вызванъ сюда... Вы сами велѣли мнѣ придти...

— Кто велѣлъ придти?—Баронъ ничего не могъ припомнить.

— Такъ и такъ.—Нѣжный принялся рассказывать и пояснять. Но при этомъ однимъ глазомъ покосился на окна, другимъ—на кусты парка: не мелькнетъ ли гдѣ-нибудь бѣлое платье... Ничего не примѣтилъ... Вѣроятно, бѣдная дѣвушка отъ радости и застѣнчивости юркнула куда-нибудь въ укромное мѣсто и спряталась...

Баронъ, наконецъ, понялъ, кивнулъ головою, сложилъ газету и сошелъ съ веранды.

— А вашъ аппаратъ снимаетъ хорошо?—освѣдомился онъ, подовѣрчиво глядя на Нѣжнаго.

— Очень хорошо... новѣйшей конструкціи... — пояснилъ Нѣжный и, взглядыаясь въ паркъ, невольно приподнялся на ципочки.

Баронъ, слѣдуя за взглядомъ Нѣжнаго, тоже приподнял голову и, замѣтивъ птицу, прибитую четырьмя гвоздями къ клену, пояснилъ:

— Сова... Вчера утромъ пристрѣдилъ—трехъ цыплятъ унесла у хозяйки... Вы уже давно занимаетесь фотографированіемъ?

— Пятый годъ.

— Гм... ну, попробуйте... Я не люблю неумѣлой работы.

— Не бойтесь, останетесь довольны.

— Гм... идите за мной.

Онъ шелъ впереди, Нѣжный за нимъ—по дорожкѣ, ведущей къ конюшнямъ и сараямъ.

Всматриваясь въ стройную, увѣренную походку барона и представляя себѣ все то, что должно было совершиться, Нѣжный повеселѣлъ, и волненіе какъ рукой сняло.

Но куда же, однако, шелъ баронъ? Неужели онъ со своею семьей хотѣлъ сняться передъ конюшней? Нѣжный весело улыбнулся, но спросить—это онъ находилъ неприличнымъ. Онъ уже не искалъ глазами барышни, потушилъ глаза и ясно чувствовалъ, что гдѣ-то изъ-за сиреневаго куста или акаціи на него смотритъ пара сіяющихъ темныхъ глазъ и блѣдно-розовое личико пылаетъ отъ бурнаго волненія...

Деревья и кусты, кусты и заборы—какое обиліе зелени въ этомъ имѣніи! Промелькнетъ изгибъ дорожки межъ кустовъ и тотчасъ же исчезнетъ, выглянетъ уголокъ зданія или макушка крыши изъ густой листвы и снова спрячется. Гдѣ-то тутъ же рядомъ слышенъ говоръ, шаги, но только на мгновеніе—волна, тихо шелестящая волна все обнимаетъ и заглушаетъ. Только специфическій запахъ конюшенъ и хлѣва становится все болѣе сильнымъ и ѣдкимъ, такъ что Нѣжному раза два приходится кашлянуть.

Наконецъ, они вышли на маленькую четырехугольную площадку. Вокругъ него виднѣлись заднія стѣны конюшенъ и хлѣва, между постройками мелькала зелень. Вся площадка была устлана остатками прошлогодней соломы, надъ которой тамъ и сямъ продолговатыми лужами всплывала темно-зеленая вавозная жижа. Возлѣ ближняго строенія находилось что-то похожее на собачью будку или свиное стойло, внутри котораго шевелилось и ворчало что-то волосатое.

Нѣжный окинулъ все это лишь однимъ поверхностнымъ взоромъ и зажалъ носъ, не будучи въ силахъ вынести вонь, которая распространялась отсюда во всѣ стороны. Онъ все еще не понималъ, зачѣмъ баронъ пришелъ сюда.

— Ну, теперь приготовьтесь....—сказалъ баронъ.—Гм... позову баронессу и барышню...

Баронъ ушелъ, а Нѣжный остался у своего аппарата. Еще разъ пронеслись въ его воображеніи всѣ тѣ грезы, которыя столько разъ окрыляли его фантазію, начиная съ обмѣна взглядами и кончая ночнымъ побѣгомъ, въ

лодкѣ, по рѣкѣ при лунномъ свѣтѣ... Эхъ—онъ простеръ руки впередъ—вся жара окружающаго міра была ничто въ сравненіи съ тѣми чувствами, которыя пылали въ его груди!

— Ну, приготовили вы уже все?—услышалъ онъ вдругъ рѣзкій голосъ барона.

Нѣжный моментально обернулся, какъ ужаленный, и, несмотря на страшную жару на солнечномъ привѣтѣ, остановился, какъ замороженный. Два шага за нимъ, на концѣ дорожки, сверкали два зонтика, одинъ ярко-красный съ чернымъ стержнемъ, другой ослѣпительно-бѣлый съ никелевой рукояткой и серебряной бахромой по краямъ. Подъ краснымъ зонтикомъ находилась толстая фигура, обтянутая пестро-сѣрымъ платьемъ, подъ бѣлымъ—снѣжно-бѣлая, стройная дѣвушка... Ни одного, ни другого лица не было видно, такъ какъ прижатые къ носу платочки закрывали ихъ совсѣмъ.

Нѣжный такъ оторопѣлъ, что едва смогъ приподнять шапку, разинувъ ротъ и—больше ничего... Смотрѣлъ и совсѣмъ не замѣтилъ, что изъ хлѣва прилетѣла громадная муха и сѣла ему на лобъ.

Баронъ презрительно наморщилъ лобъ.

— Скорѣ... скорѣ...—раздалось подъ краснымъ зонтикомъ.

— Скорѣ... скорѣ...—эхомъ отозвалось подъ бѣлымъ.

Земля куда-то вдругъ подалась подъ ногами Нѣжнаго... Какъ—и она хочетъ, чтобы онъ дѣлалъ скорѣ?! Вѣроятно, у нея голова кружилась отъ его близости... Гдѣ же они, однако, стануть?... Кого ему снимать?..

— Не надо ли будетъ вытащить -немножко впередъ?—баронъ смотрѣлъ на фотографа.

Фотографъ смотрѣлъ на барона.

Мгновеніе спустя, баронъ, пожавъ плечами, подошелъ къ собачьей будкѣ или свиному стойлу и другъ за дружкой вытащилъ оттуда—большую, черную, невѣроятно исхудалую суку съ четырьмя грязными щенками.

— Такъ, пожалуй, виднѣе будетъ?... Однако, чего же вы стоите, разинувъ ротъ! Устанавливайте же вашъ аппаратъ! Или вы хотите предварительно условиться на счетъ платы? Я привыкъ платить, сколько спрашиваютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тоже у меня фотографировали эту самую суку—тогда было только два щенка—я заплатилъ пять рублей да еще полтинникъ на чай... Что—согласны?... Но ужъ тогда работа чтобъ была хорошая, я люблю аккуратность... Ledy, ruhig!

— Папа, чего же этотъ человѣкъ спитъ! Скорѣ!...—барски-нервно раздалось подъ бѣлымъ зонтикомъ, а за симъ и подъ краснымъ отозвалось неизмѣнное эхо:

— Ахъ, скорѣ!

Вдругъ страшно стемнѣло, и Нѣжный видѣлъ, что въ этихъ потемкахъ крестообразной молніей пронеслись огненные полосы. Ничего не соображая, онъ сталъ неуклюже суетиться около своего аппарата.

Но всѣ инструменты ускользали у него изъ рукъ, и въ головѣ назойливо воскресло зрѣлище, видѣнное имъ когда-то въ циркѣ, гдѣ клоуны тоже цѣлыхъ полчаса безтолково суетились и кривлялись около американскаго аппарата скорого фотографирования; такъ и казалось, что вотъ-вотъ грянутъ бѣшеные аплодисменты и смѣхъ зрителей...

— Поторопитесь же!— понукалъ его баронъ сердито.— Отъ этого запаха можно тутъ же задохнуться.

— Сейчас...

— Рѣдкій экземпляръ,— сказалъ баронъ, кивнувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла сука, печально повѣсивъ голову, при чемъ ценки путались у нея въ ногахъ и визжали.— Пятьдесятъ рублей отдай за нее... Щенята каждый годъ,— по три, по четыре...

Сука приподнялась, прихрамывая тащилась вокругъ своихъ щенятъ и лизала ихъ.

— Скорѣе!— торопилъ баронъ.— она уйдетъ.

Нѣжный отдернулъ отъ дула аппарата предохранительный чехоль и черезъ нѣсколько мгновений снова надѣлъ его. По привычкѣ полѣзъ онъ подъ черное покрывало посмотрѣть, какъ удалась фотографія. Всѣ четыре ценка были видны, а отъ суки лишь кончикъ хвоста...

— Ну?— нетерпѣливо вмѣшался баронъ.— хорошо?

— Хорошо... — отозвалось изъ-подъ черной матеріи, словно изъ могилы.

Взлѣзая, Нѣжный чуть не опрокинулъ свой аппаратъ. Блѣдный и вспотѣвшій, онъ опять покачивался около него.

Рфи, какой скучный человѣкъ!— произнесла барышня вполголоса, но такъ, что можно было услышать.

Оба зонтика исчезли за кустами.

Лодочникъ фотографа опять сидѣлъ на берегу рѣки и уплеталъ свой хлѣбъ. Вдругъ онъ увидѣлъ Нѣжнаго, который стрѣлою летѣлъ съ горы внизъ, помахая и тряся аппаратомъ такъ, что внутри его неустово гремѣло, словно горохъ въ высушенномъ пузырьѣ. Онъ не бѣжалъ къ лодкѣ, а прямо къ рѣкѣ. Лодочникъ посмотрѣлъ въ воду, поглядѣлъ на Нѣжнаго, кивнувъ головою и медленно откусилъ еще кусокъ. Прищуривъ глаза, онъ поглядѣлъ на солнце, соображая, вѣроятно, что для купанья теперь самая подходящая пора.

Однако, на этотъ разъ фотографъ еще не кинулся въ воду топиться— на самомъ краю рѣки онъ круто повернулъ вправо и бросился въ лодку.

— Поѣзжай, поѣзжай!— простоналъ онъ и упалъ навзничь.

— Н-да... придется ѣхать...— Лодочникъ медленно направился къ своему сидѣнию и плюнулъ въ ладони.

— Поѣзжай!!— заоралъ Нѣжный.

Въ глазахъ лодочника сверкнуло искреннѣйшее любопытство.

Не отдавая уже себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, Нѣжный замахнулся кулакомъ на лодочника.

— Ну... ну...—проворчал лодочникъ, и въ глазахъ у него за любопытствомъ сверкнуло еще кое-что...—Ну... ну...

И такъ онъ всю дорогу время отъ времени поглядывалъ на Нѣжного и ворчалъ:

— Ну... ну...

А Лайценъ все приближался, и надъ крышами и трубами Нѣжному опять почудилось лицо сухошавой Доры Гармать, смотрѣло на него и улыбалось. Отъ этой улыбки фотографу на сердцѣ сдѣлалось такъ, какъ будто его посадили въ тепловатую воду мелкаго пруда, гдѣ плавають утки, и поверхность воды тянется зеленая, скользкая масса, а на днѣ копошится всякая мерзость и нечисть...

Аппаратъ онъ въ комнатѣ бросилъ съ такимъ остервенѣнiемъ, что тотъ съ грохотомъ докатился до угла. Онъ не вѣрилъ, онъ не могъ и не хотѣлъ вѣрить, что отнынѣ ему опять придется жить въ этой полутемной, затхлой комнаткѣ безъ его чудныхъ, романтическихъ грезь...

Безъ нихъ онъ не могъ жить...

Выбѣжавъ изъ комнаты, онъ сорвалъ со стѣны витрину съ фотографiями и швырнулъ ее на землю съ такой яростью, что стекло разбилось вдребезги. Въ комнатѣ онъ разгромилъ единственный горшокъ съ полузавядшей глоксинiей, раздробилъ пару стеклянныхъ оправъ для фотографiй, хотѣлъ разбить и маленькое зеркальце, но—всмотрѣвшись въ него и увидѣвъ свое лицо, устыдился и не сталъ бить. Просидѣвъ неподвижно съ полчаса, онъ медленно поднялся, собралъ стеклянные осколки, затѣмъ вынулъ портмоне и принялся считать и вычислять... Долго считалъ онъ и, наконецъ, подперевъ голову руками, тяжко вздохнулъ: не доставало семидесяти копеекъ, чтобы прiобрѣсти заново и починать все то, что недавно подверглось разгрому.

А придется жить и чинить, чинить и жить ..

АНДРЕЙ УПИТЬ

Грѣхъ.

Перевелъ К. Дуцманъ.

Иванъ Пурень задумчиво спускается по ступенямъ, выходя изъ вокзала. Около прищуренныхъ глазъ собрались мелкія морщины, свидѣтельствуя о напряженной думѣ. За спиной болтается громадный кулъ изъ домашняго холста, а оттуда назойливо торчатъ контуры громаднаго каравая и объемастаго лукошка. Они съ такимъ же любопытствомъ смотрятъ на сутолоку большого города, какъ и ихъ хозяинъ.

Площадь передъ вокзаломъ и улица кишатъ народомъ. Модная дамская осенняя шляпа встрѣчается съ черной шапкой, и обѣ скрываются въ толпѣ. Пролетки стучатъ, среди толпы высятся громадныя крашенныя дуги. А всю эту массу прорѣзываетъ вагонъ электрическаго трамвая, — мчится и безъ усталости звонитъ. Сверху мороситъ и всѣхъ объединяетъ мелкій осенній дождь. Мостовыя и панели покрыты тонкимъ слоемъ воды.

Вся эта сутолока мигомъ проносится передъ глазами Ивана Пурена и вслѣдъ затѣмъ сливается въ одну непонятную, необозримую, шумящую волну. Лишь рѣдкій отдѣльный предметъ, лицо, сочетаніе... остаются въ памяти. Пурень вздыхаетъ. Богъ его знаетъ, для чего здѣсь столько народу, и куда они всѣ такъ спѣшатъ!.. Со вздохомъ подбираетъ онъ кулъ съ провизіей повыше и медленно, зигзагами начинаетъ свой путь, неловко давая дорогу встрѣчнымъ.

Постепенно глаза привыкаютъ не бросаться взглядомъ сразу на всю эту массу, а вглядываться въ ея отдѣльныя составныя части. И Пурень скоро соображаетъ, что такое наблюденіе — очень хорошее средство для времяпрепровожденія. Онъ идетъ далеко, все дальше и дальше, смотритъ кругомъ и радуется, даже не замѣчая, что лукошко все глубже врѣзывается въ спину.

И не замѣчаетъ онъ, что улица постепенно дѣлается малолюднѣе и тише. Вотъ и знакомый переулокъ, и ноги сами инстинктивно сворачиваютъ къ нему. Тутъ только онъ приходитъ въ себя и принимается искать глазами знакомый двухэтажный деревянный коричневый домикъ. Номеръ забытъ, но онъ Пурену и не нуженъ. Да вотъ и онъ, неподалеку, между двумя пятиэтажными каменными громадами, — маленькій, словно бурый камень между двумя бѣлыми горами. И Пурень чувствуетъ, что сердце забилося отъ этой чуждой жизни большого города, которая такъ равнодушно несется и плещется мимо него. Все тѣло какъ бы замираетъ отъ сознанія, что вотъ сейчасъ придется под-

няться во второй этажъ домика, встрѣтиться съ чужой, важной теткой съ ея чужой, благовоспитанной дочерью.

Взбираясь по деревянной лѣстницѣ, Пурень раза два крикаетъ, чтобы подтянуть голосъ. У дверей снимаетъ шапку и приглаживаетъ волосы. Куль съ провизіей спускаетъ съ плечъ, а потомъ, раздумавъ, снова вскидываетъ обратно. Затанувъ дыханіе, минуго прислушивается, потомъ нажимаетъ на бѣлую фарфоровую кнопку.

Дзинь-дзинь... А получила ли тетка письмо?—вдругъ подумалъ Пурень.— И если получила, то почему не отвѣтила? Можетъ быть, не хочетъ, чтобы онъ пришелъ. Вѣдь, она—все равно, что чужая ему и его семьѣ. Въ ушахъ звенить отъ возбужденія. Послышалось, будто за дверью раздались шаги. Сейчасъ загремѣть ключъ... Но затѣмъ все отходить отъ сознанія, словно туча пыли. За дверями все тихо. Звонка не разслышали.

За дверью издали доносится что-то въ родѣ смѣха. Можетъ быть, тамъ смѣются надъ нимъ? Надъ его кулемъ съ провизіей?.. И какъ темно здѣсь въ корридорѣ! И на дворѣ сгущается осенняя тьма. Слышно, какъ вода шумно струится по трубамъ и по панели. Извозчики развѣзжаютъ съ поднятыми верхами.

Тьфу!—сплюнулъ Пурень. Что за дурацкія разсѣянные мысли! Стоить и думать безъ толку. Надо же позвонить, чтобы, наконецъ, открыли.

Дзинь-дзинь!

Конечно, его тутъ не ждуть, и его визитъ не придется по душѣ теткѣ. Никогда она не тосковала по своему племянникѣ, да и ея племянникъ, собственно говоря, не испытывалъ большей привязанности. На этотъ разъ пришелъ только потому, что придется остаться въ городѣ недѣли двѣ-три, а денегъ мать могла дать мало, очень мало!.. Ему вдругъ стало жарко. Даже вспотѣлъ.

Вдругъ отворилась внутренняя дверь. Въ нее врывается звонкій, тонкій, многоголосый смѣхъ. Кто-то, тоже сдержанно смѣясь, идетъ къ наружной двери.

Ключъ загремѣлъ. Дверь пріотворяется настолько, насколько позволяетъ предусмотрительная цѣпь. Высовывается полное лицо тетки, которая щетно пытается прогнать слезы веселаго смѣха. А узкіе глаза уже смотрятъ серьезно и чуждо.

— Здравствуйте! Что вамъ нужно?

Жгучая краска заливаетъ лицо Пурена. Онъ ясно видитъ, что тетка нарочно притворяется чужой. Въ своемъ обалдѣніи пытается приложиться къ бѣлой, полной рукѣ, придерживающей край двери; но каравай упрямо выпятился изъ мѣшка и, упираясь въ дверь, не подпускаетъ его губъ къ цѣпи.

— Ахъ, Иванъ!—воскликаетъ тетка и подноситъ руку ближе къ губамъ Пурена. Потомъ, не смѣша, принимается за цѣпь.

Темнымъ корридоромъ провожаетъ племянника до кухни и впахиваетъ туда со всѣмъ кулемъ. Тамъ жарко, пахнетъ кофе и тушенымъ мясомъ. Тетка проходитъ мимо стула и (навѣрно, нечаянно,—думаетъ Пурень) при-

двигаетъ его къ нему.—Ну, чтобы не быть невѣжей и не обидѣть тетку,—думаетъ онъ,—надо сѣсть на стулъ. Свой мѣшокъ онъ держитъ все еще на спинѣ лѣвой рукой, приберегая правую для шанки.

Тетка говоритъ безъ умолку, и отсюда именно, да изъ торопливыхъ, беспорядочныхъ движеній ея, онъ заключаетъ, что его тутъ не ждали. Кухня становится невыносимо жаркой, мѣшокъ съ провизіей—все тяжелѣе.

— Гмъ... значить ты того...—громко размышляетъ тетка, опершись на подоконникъ, перебирая руками ступку. Но ея узкіе, зоркіе глаза изучаютъ не ступу, а племянника.—Значить ты экзамень... на учителя...

— На народнаго учителя... да...

— Нар... ну да... Но—развѣ... гдѣ же... когда же... Сколько же времени продлится этотъ экзамень?

— Недѣли двѣ, три...

— Двѣ, три... Время немалое! Какъ же ты такъ долго... Ну, а развѣ ты... Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать второй.

— Уже?! Не можетъ быть! Давно ли ты еще безъ штановъ бѣгалъ... да. Ну, а приготовилъ уже все?

— Учиться-то учился, какъ же. Думаю, что выдержу.

— Думаешь! Зря ты это думаешь, не выдержишь. Наша Зельмочка такая прилежная и умная дѣвочка, и тѣмъ не менѣе, пришлось остаться въ четвертомъ классѣ на второй годъ, да еще и послѣ этого переэкзаменовка осењью. Гдѣ же тебѣ! Вѣдь, экзамены затѣмъ только и держать, чтобы проваливаться. Гдѣ жъ тебѣ... Что жъ ты лучше не пошелъ съ отцомъ канавы копать или тамъ на полевая работы, что ли, вмѣсто этихъ экзаменовъ?

Пурень смахиваетъ потъ шапкой.

— Мнѣ хотѣлось учиться.

— Конечно, лучше учиться, чѣмъ работать! Пустяки дасть тебѣ твое учительство, не стоитъ овчинка выдѣлки.

— Заработокъ-то, конечно, небольшой... но учиться и...

— Учиться да учиться!—нервно и кисло засмѣялась тетка, побрякивая ступой.—Куда же дѣнутся всѣ эти ученые? Всѣмъ бы только учиться, работать больше никому не хочется.—Не тяжело ли тебѣ такъ?

— Благодарю васъ... ничего...—простоналъ Пурень, смахнулъ снова потъ, и подобралъ мѣшокъ повыше.

— Ну, а... кого же... Ахъ да, Зельмочка!—тетка вдругъ оборвала и поспѣшно выскользнула изъ кухни.

Изъ-за полуоткрытыхъ дверей все время за спиной Пурена виднѣлись четыре бойкихъ дѣвичьихъ личика. Теперь послышались убѣгающіе шаги и подавленный смѣхъ. Выхода, тетка закрыла дверь вполную.

Пурень вздохнулъ свободнѣе и не могъ рѣшиться: ждать ли возвращенія тетки или сейчасъ же уйти. Ни къ какому рѣшенію онъ не могъ придти. Что-то засѣло въ горлѣ и придавило его. Плечо словно отнялось. Онъ спу-

скаеть мѣшокъ на полъ и вздрагиваетъ отъ страха: лукошко звонко удари-лось о полъ.

Ненастный осенній вечеръ темнѣетъ очень скоро. Въ окно безшумно вливаются влажныя сумерки. Гдѣ-то по ту сторону двора вспыхиваетъ крас-ный, одинокій огонекъ.

Тетка вернулась. На лицѣ ея застыла сладко-кислая улыбка, смѣшан-ная съ задѣтымъ самолюбіемъ.

— Ты что же... Бѣсть хочешь?

— Благодарю васъ, нѣтъ...—проямилъ Пуренъ и на сей разъ со-вершено искренно.

— Нѣтъ? Врешь! Послѣ, за ужиномъ, не откажешься.

Тетка зажигаетъ лампу и внимательно осматриваетъ платье Пурена.

— Дѣвочки хотятъ, чтобъ ты вышелъ къ нимъ, но сапоги у тебя грязные.

— Дѣвочки?—встревожился Пуренъ. — Нѣтъ ужъ, тогда я лучше тутъ... такъ... Грязные сапоги, куда мнѣ...

— Калоши надо было купить,—продолжаетъ тетка съ кислымъ упре-комъ въ голосѣ, не переставая коситься на грязные штиблеты племянника.

— Надо было, но у отца не было денегъ. Мать отдала послѣднія деньги, вырученныя за ягоды и грибы—и едва ли хватитъ на это... Я такъ посижу.

— Денегъ не было... Надо было ѣхать на извозчикѣ, ноги бы при-берегъ отъ грязи. Ну, пообчищайся, умойся и иди къ дѣвцамъ.

Минуту спустя, Пуренъ, отдуваясь, чиститъ сапоги мокрой тряпкой и щеткой. Потомъ моется въ большомъ, бѣломъ умывальникѣ съ гладкими стѣнками, а потомъ передъ маленькимъ ручнымъ зеркальцемъ отчаянно про-бираетъ всклокоченные вихры красивой черной гребенкой. Тетка, не пере-ставая, тихонько ворчатъ про себя, то входитъ, то выходитъ и все косится тайкомъ на Пурена.

Вотъ Пуренъ привелъ себя въ порядокъ и чистый и румяный, неуѣ-ренно волоча ноги, входитъ въ комнату, гдѣ надъ круглымъ столомъ виситъ большая лампа съ синеватымъ абажуромъ, а за столомъ сидятъ четыре дѣ-вушки-подростка.

Здѣсь Пурену становится еще теплѣе и душиѣе. Онъ, не успѣваетъ подумать, что сдѣлать сперва: поздороваться или обереть лицо. Рѣшилъ сдѣлать и то, и другое сразу.

Четыре пары бойкихъ, смѣющихся глазокъ смотрятъ на него.

Свою двоюродную сестру Зельму онъ знаетъ уже, видѣлись раньше. Но остальныхъ онъ безнадежно путаетъ. Послѣ обряда взаимнаго представ-ленія онъ долго не можетъ сообразить, которая изъ нихъ Берта, которая Эмма—та съ сѣрыми глазами и рыжеватыми волосами или со стриженными волосами и солиднымъ носомъ. Только Лилію онъ знаетъ: у нея смѣшная морщинка на лбу, какъ разъ надъ носомъ. Лилія красивѣе всѣхъ, а Зельма—самая некрасивая.

Всѣ четыре дѣвушки во многомъ сходны другъ съ другомъ. Всѣ онѣ почти одинаковаго роста, сухощавыя и блѣдноватыя. Всѣ учатся въ одномъ классѣ, и всѣ одинаково не навидятъ математику. Всѣ четверо сейчасъ рѣшаютъ одну и ту же задачу, ни одна ничего не понимаетъ въ ней, и всѣ разомъ тянутся къ цвѣтной коробкѣ посерединѣ стола и одновременно кладутъ въ ротъ по конфетѣ.

У каждой изъ нихъ въ рукахъ обгрызанный карандашъ. На всѣхъ четырехъ одинъ общій листъ бумаги, — на немъ онѣ нагромоздили кучу цифръ, зачеркнутыхъ и незачеркнутыхъ. Задача не поддается рѣшенію — во-первыхъ, потому, что она имъ кажется слишкомъ трудною, во-вторыхъ, потому, что сосредоточенію вниманія мѣшаетъ коробка съ конфетами, а въ третьихъ, потому, что всѣмъ имъ надо исподтишка поглядывать на сидящаго напротивъ большого, неуклюжаго парня, которому двадцать лѣтъ, который готовится на учителя и не знаетъ ни одного комплимента. Нелѣзно шлепая губами, онъ сосетъ предложенную ему Зельмой конфету, съ отчаяніемъ смотритъ на свои громадные руки и что то мямлитъ въ отвѣтъ на рѣдкіе вопросы Зельмы.

Дѣвушки переглядываются, прикусываютъ нижнія губы, но постепенно дѣлаются посмѣлѣе и входятъ во вкусъ.

— Господинъ Пурень, помогите рѣшить! — восклицаетъ Эмма съ подстриженными волосами и солиднымъ носомъ.

Всѣ поднимаютъ глаза и смотрятъ на Пурена. Онъ чувствуетъ себя ребенкомъ измученнымъ и не по лѣтамъ большимъ: и жалко и противно. Преодолѣвъ смущеніе, онъ тянется за бумагой.

Это извѣстная задача о двухъ лодкахъ, которыя съ неодинаковой скоростью двигаются другъ другу навстрѣчу по рѣкѣ и въ неодинаковое время пробѣгаютъ разстояніе между двумя городами. Пурень невольно улыбнулся, взглянувъ на огромные ряды чиселъ. Въ одну минуту онъ уже рѣшилъ задачу въ головѣ. Онъ вынимаетъ карандашъ изъ рукъ Берты и спокойно изображаетъ на бумагѣ несложное рѣшеніе.

Дѣвушки окружаютъ его и смотрятъ.

— Вѣрно! — всплескиваетъ руками Берта съ красными волосами и сѣрыми глазами и недоумѣнно посматриваетъ то на бумагу, то на самого математика.

Но Эмма съ солиднымъ носомъ недовѣрчиво качаетъ головой.

— А, можетъ быть, это только отвѣтъ... Вы его знали наизусть...

— Видите, mademoiselle Берта...

— Эмма!.. Эмма!

— Видите, mademoiselle Эмма, я вамъ докажу... Въ задачѣ сказано, что лодка, плывущая противъ течения, приходитъ къ цѣли на три часа раньше другой. А такъ какъ она въ часъ пробѣгаетъ восемь верстъ, то...

По мѣрѣ того, какъ просыпается у Пурена увѣренность въ себѣ, смущеніе его постепенно испаряется. Говоритъ онъ увѣренно, даже съ апломбомъ, какъ человѣкъ, который чувствуетъ, что на него смотрятъ съ почтеніемъ. Увлекается длинными, изящными, но совершенно непужными логиче-

скими доказательствами, прислушивается самъ къ своему голосу, и на сердцѣ у него постепенно становится все пріятнѣе. Дѣвушки не кажутся уже такими назойливыми. Только когда одна изъ нихъ, взглядываясь въ бумагу, слегка прижмется къ нему, онъ ее ласково отстраняетъ:

— Mademoiselle Эмма, прошу не толкаться!

— Берта!.. Берта.

— Mademoiselle Берта, прошу не толкаться.

Дѣвушки придвигаютъ свои стулья къ Пурену.

— Возьмите конфетъ, пожалуйста,— предложила Зельма, придвигая коробку.

— Вашъ платочекъ, господинъ Пурень,— подаетъ ему Лилія унавішій платокъ.

Въ бойкихъ глазкахъ начинается свѣтиться ласковая нѣжность къ пріятному, неуклюжему двоюродному брату. Старческаго, преждевременнаго замашки взрослыхъ барышень, такъ непріятно поразившія Пурена, начинаютъ исчезать, и онъ попадаетъ въ атмосферу дѣтски довѣрчивой, наивной сердечности. Она гармонируетъ съ его душевнымъ складомъ. Онъ не говоритъ, а только смотритъ и улыбается.

Постепенно всѣхъ охватываетъ пріятное настроеніе. Черезъ полуоткрытую дверь кухни слышно, какъ тетка вытираетъ наслѣженный полъ и ворчитъ вполголоса. Но Пурена теперь мало беспокоитъ гнѣвъ тетки.

— Гдѣ ты научился такъ хорошо рѣшать задачи?— спрашиваетъ Зельма.— Какъ долго ты учился въ школѣ?

— Пять зимъ въ волостномъ училищѣ.

— Зимъ?.. А какъ же лѣтомъ?

Пурень засмѣялся и закинулъ голову.

— Лѣтомъ ничего, какое же лѣтомъ ученіе: надо удобрять поля навозомъ, рыть канавы, косить сѣно, убирать рожь... Много, если во время полуденнаго отдыха заглянешь въ книжку.

Дѣвушки обмѣниваются удивленными взглядами. Эмма всплеснула руками.

— Оттого у васъ такія большія и грубыя руки.

А Лилія освѣдомляется съ любопытствомъ:

— И вы въ самомъ дѣлѣ умѣете сѣно косить?

Пурень ухмыляется и потираетъ грубыя руки.

— Только двухъ-трехъ косарей я нашель, которые могли состязаться со мною. Видите эти жесткіе наросты на ладоняхъ? Посмотрите—это отъ мозолей. Такъ они остаются на всю жизнь.

— А это не больно?

— Н-не очень. Можетъ быть, и болятъ, да некогда обращать на это вниманіе. Впереди тебя, скажемъ, идутъ трое косарей, а сзади пятеро. Впереди три косы, словно серебряныя полосы, извиваются и скользятъ по травѣ все дальше и дальше. А заднія насаждаютъ на тебя, догоняя—другъ дружку жвигсь-жвигсь... Босыя ноги углубляются въ теплую воду, а по краямъ бѣ-

гають мурашки: такъ и кажется вотъ, вотъ придется по нимъ острая серебристая полоса и ускользнетъ, какъ щука. Щеки загораются, руки все крѣпче сжимають рукоятки. И не замѣчаешь, что ладонь уже давно натерта, горитъ и зудитъ... Только когда красноватый сокъ просачивается между пальцами, останавливаешься, оглядываешься и видишь, что другіе отстали далеко-далеко, и тутъ только догадываешься освѣжить пылающую руку въ луговой водѣ съ красно-бурьмъ налетомъ.

Четыре мягкія, теплыя ручки ластятся около жесткой рабочей руки Пурена. Ему это напоминаетъ прохладную воду на отдаленномъ лѣсномъ лугу. Закинувъ голову, прищуривъ глаза, онъ улыбается. Рѣчь его течетъ плавно, безыскусственно, свободно и искренно. Вся эта простая, красивая картина сѣнокоса, видъ за видомъ, словно въ панорамахъ, проносится передъ глазами слушательницъ. Ихъ плѣняетъ необычная для нихъ простота и наивная искренность разсказа. Онѣ привыкли слышать искусственный, риторическій пафосъ, и теперь изъ увлекають настоящія, дѣйствительно, извѣданныя чувства. Въмѣсто обычнаго, надозвшаго косметическаго запаха духовъ, ихъ охватываетъ ароматъ подсохшаго сѣна и луговыхъ травъ. И самъ разсказчикъ кажется такимъ необычайнымъ, оригинальнымъ, интереснымъ... Онѣ начинаютъ смутно чувствовать, что человѣкъ иногда можетъ быть интереснымъ, если у него нѣтъ лакированныхъ сапогъ, моднаго воротничка и ухарскихъ усовъ.

Пурень встряхиваетъ темными волосами и на минуту закрываетъ глаза.

— А въ полдень, когда тѣнь настолько коротка, что ее можно переступить однимъ шагомъ, укладываешь косу около ели, а самъ растягиваешься подъ кустомъ ольхи. Весь скошенный лугъ превратился въ полосатую скатерть...

Приникаешь ухомъ къ землѣ и слушаешь, какъ по всему лугу раздается стрекотанье, а стоячая вода такъ и булькаетъ на жарѣ, играя бронзовыми пузырями. Куда ни помотришь, вездѣ кто-нибудь лежитъ, растянувшись въ тѣни, босыя ноги спрятаны въ пучъ лѣсной травы, голова засунута куда-нибудь подъ пиджакъ или подъ соломенную шляпу,—смотришь и разсуждаешь, тщетно стараясь работать: не то Яша-бобыль, не то здоровенный батракъ Мартинъ, не то просто чурбанъ... Затѣмъ вынимаешь изъ кармана учебникъ геометріи и, найдя нужное мѣсто, повторяешь наизусть вполголоса пиагорову теорему или же, раскрывъ какого-нибудь тамъ Иловайскаго, читаешь о дѣянїяхъ искателя новыхъ странъ Колумба... Когда послѣ этого отправляешься сушить сѣно, не слышишь уже кукушки въ лѣсу, проснувшейся отъ полуденной дремоты, не видишь кислыхъ, заспанныхъ лицъ другихъ. Передъ глазами у тебя разстилается и волнуется безбрежное зеленовато-сѣрое водное пространство, и ты ясно видишь, какъ по этимъ волнамъ бѣлые паруса несутъ тридцать деревянныхъ караблей съ горсточкой смѣлыхъ людей—туда, въ далекую новую страну...

— Видѣли ли вы море?—тихо спросила Лилія.

— Нѣтъ. Но я представляю себѣ его—по книгамъ.

Минутное молчаніе. Дѣвушки вздохнули. Руку Пурена онѣ оставили, но зато не сводятъ глазъ съ его лица. Въ дверяхъ кухни уже третій разъ показывается тетка, сначала недоумѣнно наблюдаетъ общую ситуацію, пожимаетъ плечами, но затѣмъ, взглянувъ пристальнѣе на сіяющее лицо Зельмы, пыгается сооронить болѣе привѣтливую фізіономію.

— А вы...—заговорила Берта тихо, съ замѣтной почтительностью,— когда сдадите экзамень... на учителя... тоже будете ходить убирать рожь?

Пуренъ качаетъ головой.

— Нѣтъ, тогда больше не буду ходить.

Берта смущенно опускаетъ сѣрые глаза.

— А затѣмъ вамъ быть учителемъ, когда... вамъ такъ нравится сѣно косить?

Пуренъ грустно улыбается.

— Нравится... не нравится... объ этомъ трудно говорить. Человѣкъ самъ не можетъ опредѣлить, гдѣ и когда подходитъ одно, гдѣ другое.

Можно привыкнуть ко всему, и нравится все то, гдѣ физическія или духовныя силы человѣка могутъ дѣйствовать съ видимымъ успѣхомъ... Самолюбіе человѣка иногда находитъ удовлетвореніе и въ преслѣдованіи другихъ или даже въ самоуничтоженіи. Всю жизнь я такъ и остался бы при своихъ полевыхъ работахъ, но во мнѣ было какое-то особое стремленіе... или что-то другое—непонятное, но властное, непреборимое. Когда я прислушивался, какъ булькаетъ болотная вода, какъ равномерно дышатъ во свѣ усталые косари, какъ вдали кукуетъ охрипшая кукушка, видѣлъ, какъ солнце играетъ въ паутинѣ, и какъ высоко, высоко по синему безводному небу легко скользить бѣлое облачко,—мнѣ все казалось, что я въ этомъ во всемъ вижу вообще только внѣшность. Мнѣ чудилось, что вездѣ,—въ каждомъ сношѣ, въ каждомъ всплескѣ воды, въ каждомъ солнечномъ лучѣ, заключается какая-то тайна, которую мнѣ нужно разгадать. Во мнѣ росла и крѣпла мысль, что только книги и ученые могутъ дать мнѣ ключъ къ тайнѣ, которая словно желѣзныя ворота заслоняетъ истинное внутреннее содержаніе и смыслъ моей собственной жизни и жизни другихъ людей.

— Ахъ, какъ красиво!—воскликнула Лилія, и морщинка между глазами у нея ушла еще глубже. Глазки сіяютъ отъ восторга, хотя изъ рѣчи Пурена она ничего, ровно ничего не поняла.

Остальныя три тоже въ восторгѣ, несмотря на то, что и онѣ поняли еще меньше.

Но онѣ чутѣемъ угадываютъ, что въ этомъ большомъ юношѣ таится что-то свѣжее и незатасканное, сильное и глубокое. Какъ знойный южный вѣтеръ, его рѣчь навѣваетъ румянецъ на ихъ личики.

— Твой мѣшокъ съ провизіей, Иванъ, я положу въ кладовую...—тетка кладетъ руку на плечо Пурена. И это совѣтъ другая, не давешняя тетка—

—привѣтливая, любезная, улыбающаяся, какъ луна, которая только еще третьяго дня стала идти на убыль.

— Мѣшокъ съ провизіей!—ликующе подхватила Зельма.— Нѣтъ, мамочка, подавай его намъ сюда!

Со смѣхомъ и ликованіемъ все развязываютъ большой мѣшокъ, и каравай хлѣба, лукошко съ масломъ, толченой коношлей и вареная ветчина другъ за дружкой удивленно вылъзаютъ на круглый столъ. Но Пурень уже не стыдится своего большого мѣшка: общій энтузіазмъ захватилъ и его. Онъ смѣется и шутить, учить дѣвушекъ вырѣзывать изъ верхней корки ножъ для масла. Немного спустя объемистый кулъ Пурена уже сократился на половину.

Дѣвушки на перебой хвалятъ необычайно вкусную закуску. Тетка стоитъ въ дверяхъ кухни, сложивъ руки, и смотритъ на Пурена и на свою Зельмочку. Лицо ея расплылось въ широкую блаженную улыбку. Въ рѣсницахъ засверкали слезы.

Уже за ѣдой Пурень принимается разсказывать, что учительство—не конечная цѣль его будущей жизни. Программа окончательныхъ испытаній средняго учебнаго заведенія у него уже кулена, онъ будетъ учиться, а потомъ и въ высшее учебное заведеніе... студенчество...

Этимъ онъ окончательно завоевалъ и побѣдилъ четыре маленькихъ сердечка. Четыре пары глазъ словно заволокло туманомъ отъ чрезмѣрнаго восторга. Принимаются судить и рядить, какъ долженъ будетъ одѣваться Пурень, когда онъ будетъ студентомъ, гдѣ брать уроки танцевъ, какіе балы посѣщать...

— На первомъ балу ты долженъ танцевать со мной полонезъ,—заявляетъ Зельма, и категорическое сіяніе ея глазъ—это золотая надпись на синей дощечкѣ: отказъ и возраженія строго воспрещаются.

— А со мной первую кадрили,—подхватываетъ Берта.

— Я буду брать у васъ уроки математики,—томно вздыхаетъ Лілія. Эмма же не говоритъ ничего, а только поднимаетъ томные глаза на пышныя, темныя кудри Пурена.

— Да, да, да, конечно... киваетъ головой Пурень и улыбается. Имъ овладѣваетъ такое самочувствіе, будто онъ слегка подвыпилъ и съ легкимъ дурманомъ въ головѣ плавно погружается въ большую мягкую подушку.

— Мы все напоминаемъ собою Колумба, все стремимся въ новую, прекрасную страну,—говоритъ онъ, и въ его голосѣ послышались уже тѣ неприятныя нотки, которыя появляются на сцену, когда неумѣренно возбужденное тщеславіе начинаетъ выступать изъ береговъ.—Кругомъ безбрежная ширь зеленовато-сѣраго океана, надъ головой раздутые вѣтромъ паруса, не видно чаекъ, не слышно ни звука... только издали, вырисовываясь въ туманѣ, зовутъ и манятъ зелено-кудрые берега обѣтованной земли...

Четыре вздоха. Короткое молчаніе.

— Вы говорите, какъ поэтъ...—вздыхаетъ Эмма, хотя ни разу не слышала, какъ говорятъ поэты.

Пурень замурдыкалъ, какъ котъ, котораго пощеготали пальцемъ за ушами.

— Такъ говорить всѣ. Вы читали мои стихотворенія въ газетѣ „Baltijas Wehstnesis“? Псевдонимъ: Зимній...

Ни „Baltijas Wehstnesis“, ни стихотвореній дѣвушки не читали. Но назовите ту барышню нашего времени, сердцу которой слово „поэтъ“ не говорило бы о чемъ-то таинственномъ и прекрасномъ, что достойно трепетнаго преклоненія, и передъ чѣмъ дѣйствительно благоговѣютъ! Въ глубокомъ благоговѣннн дѣвушки даже слегка отодвигаются отъ поэта. Тетка тихо выходитъ въ кухню, притворяетъ дверь и лишь черезъ щелочку смотреть въ комнату и тихонько всхлипываетъ. И она чувствуетъ—не понимаетъ, но чувствуетъ...

Отнынѣ Пурень чувствуетъ себя здѣсь повелителемъ. Онъ царствуетъ.

Потомъ всѣ выходятъ въ гостиную къ роялю. Зельма играетъ, а остальные поютъ. Преимущественно томные, а изрѣдка и „раздирающіе“ мотивы. Увѣренный и сильный теноръ Пурена, иногда внѣ всякаго такта и ансамбля, смѣшивается съ сопрано и меццо-сопрано; и тутъ онъ чувствуетъ себя руководителемъ и повелителемъ.

Дѣвушки поютъ, а мечты ихъ уносятся въ царство грезъ о будущемъ. Сіяющіе глаза обволакиваются мечтательнымъ туманомъ.

— Только вы обязательно поступайте въ студенческую корпорацію... въ „Селонию!“— шепнула Лилія на ухо Пурену въ одну изъ паузъ.

Онъ улыбается и киваетъ головой.

Начинаютъ пѣть грустный мотивъ „Безъ дороги“, а Лилія, закрывъ глазки, видитъ свой путь по паркету, подъ руку со студентомъ, у котораго усы лихо закручены кверху, надъ бѣлоснѣжной манишкой наискось цвѣтная лента корпораціи, стихи въ „Baltijas Wehstnesis“... Одно изъ нихъ озаглавлено „Лиліи“ или—„посвящается моей Лиліи“... Сладкая дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу дѣвушки. Она прижимается плечомъ къ Пурену. Другія, лишеныя въ данный моментъ возможности прижаться къ Пурену, все же чувствуютъ приблизительно то же самое, что Лилія.

Послѣ пѣнія ужинаютъ. Ядятъ долго и шумно. И Пурень, двадцать лѣтъ пробавлявшійся тощимъ хлѣбомъ, коноплей и простоквашей, непомерно объѣдается сладкими крендельками, разными печеніями и вареньями. Четыре пары глазъ неусыпно сторожатъ, пѣтъ ли у него недостатка въ чемъ-нибудь, четыре пары рукъ на-перебой обслуживаютъ его. Онъ еле успѣваетъ принимать все, что ему предлагаютъ, благодарить и улыбаться.

Уже за ужиномъ у него зарождается одна мысль; и потомъ, когда тетка съ Зельмой начинаютъ шептаться о подушкахъ и простыняхъ, а остальные три дѣвушки вынимаютъ свои маленькіе черные часики и смотрятъ на нихъ и другъ на друга,—у него эта мысль развивается все дальше и постепенно выступаетъ все болѣе выпукло и явственно. Онъ перебираетъ въ памяти всѣ впечатлѣнія и происшествія этого вечера, взвѣшиваетъ ихъ, и на душѣ у него дѣлается все свѣтлѣе и теплѣе. Съ одной стороны, только теперь онъ начинаетъ понимать, что значать слова: интеллигентное обще-

ство, духовная атмосфера... что значить для человѣка общество, которое понимает его духовныя стремленія и не смотритъ на его наружность. Какъ чайка надъ неограниченной ширью моря, душа здѣсь можетъ уноситься вдаль на крыльяхъ фантази и воспринять и въ себя частицу того простора, что есколо нея, и той глубины, что подъ нею. А съ другой стороны, онъ чувствуетъ, что самая эта атмосфера черезъ него же дѣлается прозрачнѣе, богаче, сильнѣе, глубже. Свообразная, полубезсознательная, свободная гордость собой, соединенная съ глубокой, безкорыстной радостью, проникаетъ все его существо. Въ первый разъ онъ нашелъ людей, которые интересуются его духовнымъ содержаніемъ, а не тою грубою, неуклюжею формою, въ которую оно облечено. И его поэтическая фантазія развѣтываетъ все дальше свою серебристую нить въ будущее, и тамъ тоже все выступаетъ въ ясномъ и свѣтломъ сіяніи. Какъ онъ постепенно сдѣлается популярнымъ и знаменитымъ въ самыхъ широкихъ кругахъ, какъ онъ отсюда почерпнетъ энергію для выполненія давно взлелѣянныхъ замысловъ и вдохновится на новые труды. И поддерживая непрерывный контактъ съ этими четырьмя замѣчательными дѣвушками и со всей женскою средой этихъ общественныхъ круговъ, онъ, въ свою очередь, будетъ вліять на ихъ духовную жизнь, и эта жизнь и вся душа его народа постепенно сдѣлается шире и глубже... Да, да... И это возможно только тамъ, гдѣ духовный уровень общества возвысился до такой ступени, что вопіи въ игнорируются отдѣльныя маленькія человѣческія личности, а выдвигаются и воспринимаются только ихъ духовныя взаимоотношенія и психическое взаимодействіе...

Пурень вдругъ что-то вспоминаетъ и лѣзетъ рукой въ карманъ.

Четыре пары глазъ расширяются и какъ будто цѣпенѣютъ.

— Ч-что это у васъ такое?—спрашиваетъ Эмма страннымъ голосомъ.

— Кольцо?—подхватываетъ Берта.

Пурень улыбается.

— Кольцо. Обручальное кольцо.

— Об-ру-ча... протягиваетъ Зельма и окидываетъ взглядомъ комнату, словно очнувшись отъ сна.—Мама, мама!—взвизгиваетъ она послѣ минутнаго молчанія и капризно ударяетъ маленькими ножками о полъ.

Прибѣгаетъ встревожившаяся тетка.

— Да закрой же окно! У тебя въ кухнѣ опять окно открыто... Ахъ, зубы, зубы!

Тетка захлопываетъ окно, потомъ растерянно суетится по комнатамъ и собираетъ скляночки, капли, пластыри, компрессы...

Эмма, обнявъ подругу за талію, бережно усаживаетъ на диванъ.

Берта большими торопливыми шагами подходитъ къ окну и смотритъ черезъ него въ темноту ночи.

Лилія, стиснувъ кулачки, мѣрять Пурена сверху до низу молніеноснымъ, уничтожающимъ взглядомъ.

Пурень медленно поворачивается кругомъ и широко раскрытыми глазами ищетъ чего-то, что вотъ-вотъ было тутъ, но въ одинъ мигъ куда-то

исчезло.—У Зельмы... зубы?..—протираетъ онъ глаза, какъ будто только-что проснулся. Ему бы хотѣлось разказать о своей невѣстѣ, но нѣтъ никого, кто бы желалъ его слушать.

Молніеносные взгляды, нахмуренные лбы, сжатые губы... Зубная боль...

И полчаса спустя Иванъ Пурень снова шлепаетъ по мокрой панели большой улицы, направляясь въ постоялый дворъ, гдѣ за пятнадцать копеекъ можно переночевать. Хлещетъ дождь, вода шумно сбѣгаетъ по трубамъ и, журча, струится дальше грязнымъ потокомъ вдоль панели. На углу большой улицы онъ останавливается, вскидываетъ повыше на спину уже совсѣмъ легкой мѣшокъ съ провизіей и чешетъ мокрый затылокъ.

Но постепенно ему становится ясно то, что произошло нѣсколько минутъ тому назадъ тамъ, въ маленькомъ домикѣ. Онъ начинаетъ понимать свой грѣхъ, свою тяжкую вину. Жгучій стыдъ заливаетъ огненной краской его влажные отъ дождя щеки...

А. САУЛЕТЪ.

Деньги на дорогу.

Повѣсть.

Перевелъ К. Дуцманъ.

Она сидѣла въ своей маленькой комнаткѣ у стараго, потрескавшагоса столика. Глубокая грусть лежала на ея исхудаломъ лицѣ, и она устало глядѣла въ маленькое, тусклое окошко.

Быль осенній день. Солнце клонилось къ закату. Природа какъ бы наполнена холоднымъ безпокойствомъ и таинственнымъ страхомъ, который смутно чуетъ и человѣческое сердце.

Дулъ вѣтеръ, нагоняя тяжелыя тучи. Минутами, правда, проглядывало солнце промежъ тучъ, но его блескъ былъ холодный и далекій, какъ бы безжизненный... Деревья уже огодились. Сильные порывы вѣтра иногда выносили опавшіе листья цѣлыми роями изъ ближней роши и разбрасывали ихъ по жнивью до самаго окна.

Каморка старушки Тильтинъ была совсѣмъ маленькая, такая миниатюрная, что трудно представить себѣ еще меньшее жилище человѣка. Въ одномъ концѣ, у стѣны сосѣдней комнаты, гдѣ была устроена маленькая кирпичная лежаночка, согрѣвавшая комнату, находилась ея кровать. У окна съ четырьмя маленькими стеклами находился столикъ и стулъ съ расхлябанной, скрипучей деревянной спинкой. Вдоль другой стѣны еще кой-какой хламъ и на крючкѣ платье. Въ этой каморкѣ все, начиная съ самой обитательницы и кончая поobleкшими и поношенными одеждами, говорило про пустоту, старость и брѣнность...

Отъ напряженія глаза старушки, смотрѣвшей въ тусклое окошко, заволокло туманомъ. Она встала, пригладила сѣдые волосы слегка дрожащей рукою и набросила на изсохшія плечи старыя шерстяной платокъ. Въ комнаткѣ было сыро и прохладно, и сквозь щели подгнившихъ бревенъ проникало холодное дуновение вѣтра. Взявъ молитвенникъ изъ-подъ подушки, она снова присѣла. Тяжкій вздохъ, словно терзаясь, вырвался изъ ея впалой груди. Неувѣреннымъ голосомъ она начала:

„Отъ Господа въ страданья“...

Къ концу псалма голосъ ея задрожалъ еще больше... слышались своеобразные звуки, въ родѣ гѣхъ, которые иногда приходится услышать отъ надломленнаго дерева, когда его гнетъ вѣтеръ. Послѣднія слова перешли въ тихое, безсильное всхлипываніе. Дальше она читала совсѣмъ тихо, изрѣдка проводя по глазамъ костлявыми пальцами.

А за окномъ бушевалъ вѣтеръ и кружилъ опавшіе листья...

* * *

Человѣкъ накопляетъ въ своей душѣ надежды и силится составить изъ нихъ картину будущности. Хотя она еще лишь смутно вырисовывается, въ сердцѣ все-таки живетъ тайная вѣра, которая твердитъ: будетъ хорошо, прекрасно... И тогда человѣкъ способенъ перенести удивительно много! Нужду, заботу, горе—все можно претерпѣть. Другимъ это даже непонятно, а самому не страшно, ибо сердцу говорить тайная, невѣдомая другимъ вѣра...

Но тутъ происходитъ что-то ужасное. Вѣра изсякла... Человѣкъ оглядывается на былыя надежды—вмѣсто нихъ пустота, холодъ и тьма... Напрасно вѣрилъ, напрасно надѣялся—это сознание постепенно закрадывается въ душу. И дальше, все дальше—въ темную, холодную ночь повергаетъ это страшное сознание...

Подъ гнетомъ этого грознаго сознанія теперь трепетно билась мысль старушки Тильтинъ. Цѣлыхъ десять лѣтъ провела она въ печальной каморкѣ, и хотя нерѣдко пальцы коченѣли отъ холода и дрожь пробирала старыя кости, на сердцѣ у нея все же было тепло: она съ вѣрой смотрѣла въ будущее, съ надеждой на торжество счастья. Но теперь—какъ будто все горе и невзгоды этихъ лѣтъ сразу вернулись и обрушились непосильной ношей на ея слабыя плечи... Непосильное бремя...

Какъ сонъ казалась ей ея свѣтлая молодость... Ея первое серьезное горе—разлука съ родителями. Изъ далекаго прошлаго звучитъ ей голосъ любящей матери, заботливо наставляющей ее на новую жизнь, а она, красивѣя и блѣднѣя, слушаетъ ихъ.. Такъ давно это было—и сколько послѣ этого пережито!..

Ея мужъ былъ хорошій, уживчивый человѣкъ. Господь благословилъ ихъ достаткомъ. Будущее сулило однѣ лишь радости. Но—какъ все это перемѣнилось! Тильтинъ—ея мужъ—сообща съ какимъ-то корчмаремъ купалъ ленъ и большими партіями посылалъ его въ Ригу. Сначала шло очень хорошо—оставался изрядный барышъ. Но однажды, когда было накуплено много льна и затрачена была большая сумма, цѣны вдругъ упали. Компаньонъ-корчмарь сумѣлъ выйти сухимъ изъ воды—и случилось такъ, что ея мужъ сразу разорился до-гла. Но хуже всего было то, что онъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы перенести ударъ спокойно и съ выдержкой: съ горя онъ заилъ, и отсюда пошли еще худшія несчастія. Между ними стали происходить ссоры, чего до этого не было. То была мрачная и полная невзгодъ полоса жизни. А затѣмъ подоспѣла и самая горькая чаша: въ одно утро ея мужа нашли утонувшимъ въ придорожной канавѣ, куда онъ попалъ спьяна.— А она? И она, жившая всегда въ достаткѣ, превратилась въ поденщицу, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Предстояла трудная задача, но Богъ видѣть, что она старалась изо всѣхъ силъ исполнить эту обязанность! Отъ продажи остатковъ ихъ хозяйства осталась малая толика—и ее она берегла, какъ святыню! „Это для Карлуши“, говорила она про себя. Ни разу, даже

въ самыя трудныя минуты нужды, она не позволила себѣ воспользоваться хоть копейкой изъ этого фонда. „Какъ-нибудь надо пробиться... пускай это остается“... И всякаго, кто посовѣтовалъ бы ей другое, она остановила бы гнѣвнымъ отказомъ.

Въ глубинѣ души она уже давно на что-то твердо рѣшилась; къ немалому удивленію людей, она—послѣ трехъ зимъ волостного училища—привезла своего Карлушу въ приходское училище.

— Развѣ это пристало простой работницѣ! Даже изъ хозяевъ мало кто посылаетъ своихъ дѣтей въ приходское училище*). А вдругъ эта, у которой ничего нѣтъ за душой! Одно озорство! Пастора, что-ли, вздумала сдѣлать изъ своего мальчугана?.. Лучше бы отдала къ сапожнику или портному!..—такъ говорили многіе въ волости. Но она осталась непреклонной и не обращала вниманія на эти толки.

Въ эту пору Тильтинъ поселилась въ усадьбѣ Вильцень, въ той же самой каморкѣ, гдѣ сидѣла и сегодня, отработывая хозяину наемную плату натурой. Этотъ застѣнокъ имѣлъ и свою исторію: хозяинъ когда то отдѣлилъ его отъ людской каменной стѣной, предназначивъ его для своего отца, дабы тотъ, такъ сказать, не путался въ его хозяйскія дѣла, а жилъ бы тихо и смирно... По смерти старичка эта нора оставалась незанятою, пока, наконецъ въ нее ни залѣзла Тильтинъ. Здѣсь, въ долгіе осенніе и зимніе вечера, сидѣла она за своею прялкой или вязаньемъ и думала о лучшемъ будущемъ, когда Карлуша подрастетъ, будетъ самъ зарабатывать—и для нея наступятъ легкіе дни... Правда, иногда зимою жизнь здѣсь дѣлалась совершенно невыносимою: уголь покрывался инеемъ, а вода въ кувшинѣ покрывалась ледяною пленкой. Она пыталась было смягчить службу въ своей норѣ тѣмъ, что иногда раскрывала дверь въ теплую людскую, но отъ этого выходило мало толку: обитатели людской роптали, что старуха напускаетъ холодъ все равно, что изъ погреба... Тѣмъ не менѣе, ея заковенѣвшіе пальцы не переставали возиться надъ пряжей или вязаньемъ. Когда усталость и холодъ слишкомъ уже донимали ее, она вставала, чтобы пройтись по каморкѣ въ 2—3 шага длиной, потомъ набрасывала на себя какой-нибудь обрывокъ одежды и снова садилась за работу.

Всѣ удивлялись, когда она опредѣлила своего сына въ приходское училище; но удивленію не было конца, когда черезъ нѣсколько лѣтъ учитель, уступая ея просьбамъ, отвезъ Карла въ Ригу и отдалъ его ученикомъ въ крупную металлическую мастерскую.

— Царица Небесная!.. Въ городъ! Ну и времена! А сама чуть съ голоду не помираетъ... Знаемъ мы, въ кого превращаются такіе городскіе франты...—судачили сосѣди.

Однако она ни на минуту не сомнѣвалась въ успѣшномъ результатѣ. Сильна была ея вѣра и упованіе.

*) Приходское училище Лифляндской губ.—это какъ бы вторая ступень народной школы съ курсомъ, который отчасти шире, отчасти уже программы трехъ классовъ реальнаго училища.

Примѣч. переводчика.

— Другіе родители оставляют своимъ дѣтямъ усадьбы, либо еще какое-либо имущество—а я что ему оставлю? Это тряпье...—говорила она, бросая взглядъ на свое изношенное платье.—Но я дамъ ему изъ „этого“ все, что смогу...

Сыну надо было посылать деньги нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. До сихъ поръ она пробивалась своею работою, но теперь уже этого было мало: пришлось взяться за сбереженіе, которое скоро, слишкомъ скоро изсякло. Тѣмъ ревностиѣ она трудилась, копила копейку къ копейкѣ.

Безсонныя ночи, заботы и тревоги послѣднихъ лѣтъ сдѣлали свое; она исхудала, посѣдѣла, сгорбилась...

Теперь уже послѣднія силы были на исходѣ, она это сама чувствовала, а небольшое сбереженіе все растаяло. Карлу, собственно говоря, слѣдовало бы оставаться еще одинъ годъ на положеніи ученика, съ подспорьемъ изъ дому, но это было уже невозможно. Она извѣстила объ этомъ сына, и онъ прѣѣхалъ домой. Это было весной.

И какой онъ красивый и стройный, этотъ двадцати-трехлѣтній юноша! И это ея сынъ, котораго она съ такими нечеловѣческими усиліями вывела въ люди!.. Гордая радость зашевелилась въ ея груди. И какой онъ ласковый и хорошій по отношенію къ своей матери! Это было счастье, думала она, которое вознаграждало за всѣ тяжкія заботы и безсонныя ночи у коптящей лампочки въ холодной каморкѣ.—Сынъ радостно рассказывалъ ей, что онъ принятъ на работу въ той же мастерской, гдѣ до сихъ поръ былъ ученикомъ; что владѣлецъ мастерской, взявъ во вниманіе его тяжелыя обстоятельства, назначилъ ему жалованья тридцать рублей въ мѣсяцъ, и что теперь, имѣя такой заработокъ, ему возможно будетъ тамъ же усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ.

— Черезъ нѣкоторое время ты, мамочка, переѣдешь ко мнѣ,—сказалъ онъ ей,—и тогда снова будемъ жить оба вмѣстѣ.

— Да, сыночекъ...—проговорила она тихо, и въ глазахъ ея засверкали слезы.

* * *

Невыразимая тоска овладѣла ею, когда Карлъ, погостивъ нѣсколько дней, собрался ѣхать обратно въ Ригу. Когда онъ сѣлъ въ телѣгу и лошадь уже тронулась, она воскликнула:

— Карлуша, сыночекъ!...

Возчикъ остановилъ лошадь.

— Я... тебѣ...—и она замаялась. Если бы она договорила свои мысли до конца, то вышло бы: „я теперь поѣду съ тобой...“

Карлъ смотрѣлъ матери въ лицо и видѣлъ, что губы ея сдержанно дрожатъ.

— Я тебѣ, сыночекъ... еще что скажу...

— Что, мамочка?

— Долго я одна здѣсь не проживу... трудно, сыночекъ...—шеп-

тала она, обнявъ голову сына обѣими руками.—Если бы я уже осенью или хоть зимою могла переѣхать къ тебѣ... Если бы ты зналъ... какъ мнѣ одной... безпріютной... Я бы хотѣла еще пожить съ тобою.

— Да, мамочка, я думаю, это можно будетъ,—задумчиво произнесъ Карлъ.—Можно будетъ. Я только немного пообзаведуся хозяйствомъ.

Въ глазахъ матери еще разъ затеплилась радость.

Но когда телѣга скрылась за горкой, ей снова стало такъ тяжело на сердцѣ, какъ будто она на-вѣки разсталась съ своимъ сномъ. Странно: пока ей приходилось нести тяжелую ношу, ей было легче, чѣмъ теперь, когда она скатилась съ ея плечь...

Все лѣто она не получала отъ сына никакихъ извѣстій. Но къ осени пришло письмо. Руки у нея дрожали, когда она получила его. Она поспѣшила въ свою комнатку, какъ будто опасаясь, что кто-нибудь могъ бы отнять у нея это сокровище. Дрожащими пальцами вскрыла она письмо и попробовала читать. Но это ей еле удавалось; цѣлую половину своей жизни ей не приходилось брать перо въ руки или читать по-писанному, хотя въ молодости своей она кое-чему училась! Она прочла:

— Милая мама!

Да, такъ было написано тамъ, и на сердцѣ у нея снова стало такъ пріятно-тепло. И дальше она вычитала:

— Прости меня, что я... что я...

— Добрый мальчикъ! просить, чтобы я простила, что онъ не писалъ раньше. Я и злиться на него!.. У него такъ много дѣла, гдѣ же успѣвать еще писать мнѣ! Работа, учење...

Но тутъ слезы наполнили ея глаза; она вытерла ихъ, но снова глаза застилалъ какой-то туманъ, и ничего нельзя было прочесть. Наконецъ, она позвала къ себѣ пастушку Анну, чтобы та прочла ей письмо. Дѣвочка читала, и чѣмъ дальше она читала, тѣмъ сквернѣе становилось на душѣ у старушки. Ей казалось, что ее обнимаетъ непріятный холодъ, что на грудь легла невидимая тяжесть, такъ что и трудно дышать... Съ широко раскрытыми глазами смотрѣла она на дѣвочку, жадно ловя каждое слово, выходящее изъ ея устъ.

Карлъ писалъ, что онъ, должно быть, скоро женится, что у него есть невѣста—дочь вдовы одного купца. Черезъ это онъ пріобрѣтетъ зажиточныхъ родственниковъ и, можетъ быть, и самъ сдѣлается торговцемъ.

Дѣвочка кончила читать письмо и смотрѣла на старушку; но та стояла, склонивъ голову, какъ будто ничего не поняла изъ прочитаннаго.

— Хорошо, дочка, спасибо,—она очнулась,—теперь ты опять можешь идти.

Дѣвочка вышла, а старушка съ письмомъ въ рукахъ долго еще сидѣла на краю кровати и безжизненно смотрѣла впередъ себя.

Что происходило въ ней? Она сама не отдавала себѣ яснаго отчета; она только чувствовала, что у нея отнимаютъ что-то милое и дорогое, часть собственной ея жизни... Съ какимъ радостнымъ трепетомъ ждала она того

времени, когда снова будетъ жить вмѣстѣ съ сыномъ, когда они будутъ проводить другъ съ другомъ длинныя зимніе вечера! Хотя бы и въ нуждѣ, хотя бы даже и такъ, какъ въ то трудное время, когда онъ еще ходилъ въ училище, когда она ждала его по субботамъ, чтобы вмѣстѣ дѣлиться скуднымъ ужинкомъ... Теперь ему чужой человекъ будетъ ближе, дороже, а мать—какъ была, такъ и останется въ сторонѣ... Не того она ожидала послѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ годовъ... И къ чему было ему такъ спѣшить?..

Работа больше не спорилась. День за днемъ она ослабѣвала все замѣтнѣе и мало выходила изъ своей комнаты. Иной разъ цѣлыми часами просиживала она у столика, покрывшись старымъ платкомъ и наклонившись надъ старымъ молитвенникомъ. Иногда она приходила въ какое-то особенно трепетное волненіе и ожиданіе: чуть скрипнула дверь людской, ей уже казалось, что вотъ-вотъ покажется на ея порогѣ Карлъ...

Глубже и глубже проникало сомнѣніе въ ея душу. Но сказать ли объ этомъ другимъ? Подѣлиться? Нѣтъ, нѣтъ!.. Никто не долженъ думать, что ея Карлъ можетъ забыть свою мать! Такъ, когда къ ней завернула сосѣдская хозяйка, которая часто давала ей прядильную работу, разговоръ коснулся Карла.

— Богъ знаетъ, милая, будетъ ли тебѣ какая-либо радость отъ него? Ты столько трудилась и мучилась за сына...

— А развѣ безъ радости?—возразила Тильтинъ почти рѣзко.

— Даль ли хоть вѣсточку о себѣ?

— Какъ же безъ этого! Письмо написалъ... Обѣщаетъ взять меня къ себѣ.

— Все-таки, значитъ, обѣщаетъ?

— Да, какъ же!—рѣшительно проговорила Тильтинъ, но сама тутъ же почувствовала щемящую боль въ сердцѣ, которое теперь никогда не переставало ныть.

Карлъ Тильтинъ сидѣлъ въ красивой комнатѣ за письменнымъ столомъ, погружившись въ раздумье, даже въ какую-то тоску. Почему это—именно теперь, когда...

Стѣны комнаты покрыты новыми пестрыми обоями, на полу мягкіе ковры, а сквозь тонкія занавѣски проникаютъ рѣдкіе лучи солнца, пронизывая тихое помещеніе золотыми нитями. За окнами—шумъ большого города, напоминающій отдаленный гулъ волнѣ.

Но мысли его теперь тамъ—въ маленькой комнаткѣ съ тусклымъ окошкомъ... Безпокойный голосъ заговорилъ въ его сердцѣ. Такія большія перемены въ его жизни, а мать ничего объ этомъ не знаетъ... Даже не извѣстилъ, какъ будто не стоило того...

Со своею теперешнею женою онъ познакомился съ годъ тому назадъ. Хорошенькая барышня, подумалъ онъ тогда—можно подурачиться. И, въ концѣ концовъ, вышла женитьба. Мать Амаліи, правда, сначала и слышать не хотѣла о ихъ бракѣ. Она, когда-то бѣдная латышская мѣщанка, была теперь солидная нѣмецкая дама, съ трудомъ произносившая латышскія слова;

въ сущности она коверкала латышскую рѣчь столько же, сколько и нѣмецкую... Притомъ она дѣлала надежды на „большихъ“ купцовъ—одинъ изъ нихъ долженъ былъ сдѣлаться ея зятемъ. Тильтинъ — бѣдный паренъ, вышедшій изъ простыхъ крестьянъ. Но когда „большіе“ непростительнымъ образомъ медлили съ приходомъ въ качествѣ жениховъ, а молва подняла на свои крылья связь ея дочери съ Тильтиномъ, она уступила.

Свое мѣсто въ мастерской—съ повышеннымъ жалованьемъ—Тильтинъ еще удержалъ, и только жилъ въ домѣ жены. Своею небольшою торговлею теща хотѣла руководить пока еще сама—надо обождать, присмотрѣться...

Тильтинъ съ этимъ былъ вполне согласенъ. По возвращеніи изъ мастерской Амалія встрѣчала его — и вечера молодыхъ протекали въ полномъ счастіи. Только вотъ эти мысли... И чѣмъ больше онъ предавался имъ, тѣмъ выпуклѣе предсталъ предъ нимъ усталый ликъ матери.

— Долго я здѣсь одна не проживу... Если бы ты зналъ, сынокъ, какъ мнѣ трудно,—и ему чудилось, что онъ снова явственно слышитъ голосъ матери...

И какъ онъ поступалъ послѣ свадьбы!.. Онъ стыдился своей матери! Такъ оно выходитъ. Обсуждая предстоящую свадьбу, Амалія напомнила:

— А твоя мама—тоже пріѣдетъ?

На это онъ отвѣтилъ такъ:

— Куда ей, старому человѣку. На что ей свадьба, когда нужно мучиться по такому далекому пути... Въ тотъ разъ ему дѣйствительно показалось страннымъ: какъ же это — простая крестьянская старушка и вдругъ среди его гостей—все нарядныхъ кавалеровъ и дамъ. Неудобно...

Слѣдовало бы взять мать къ себѣ! Но въ этомъ домѣ ей жить нельзя. Теща уже дала это понять. На второй день послѣ свадьбы, за столомъ, зашла рѣчь объ этомъ:

— Нпп, твоя матушка жива?—освѣдомилась теща.

— Да.

— Ты, конечно, возьмешь ее сюда?—спросила Амалія.

Тильтинъ вопросительно посмотрѣлъ на тещу.

— Здѣсь нельзя будетъ. Я думаю, она можетъ жить тамъ же въ деревнѣ. Зачѣмъ старому человѣку еще въ городъ!

Въ тотъ разъ ему было больно.—Тутъ она въ самомъ дѣлѣ не можетъ пріютиться. Это было бы нестерпимо, еслибы съ матерью его здѣсь обращались пренебрежительно, свысока. А этого смѣло можно было ожидать... Нанять для нея другое жилище? Неудобно... Объ этомъ онъ раньше не догадался подумать, и теперь совсѣмъ опѣшилъ.—Нѣтъ, пока еще ей надо оставаться тамъ же; только онъ позаботится о ней, чтобы ей всего было довольно. Послѣ, когда дѣла пойдутъ лучше, онъ непремѣнно возьметъ ее къ себѣ, въ крайнемъ случаѣ, найметъ другую квартиру для себя, жены и матери. Только сюда ей нельзя переселиться... А теперь надо написать ей и послать денегъ, сейчасъ же, еще сегодня.

Онъ началъ писать письмо. Но письмо не клеилось, и онъ въ раздумьѣ прошелся по комнатѣ. Какъ бы это ей лучше всего сказать?—Такъ. Да, да, именно такъ! Но какъ только онъ взялъ перо, онъ почувствовалъ, что то, что онъ имѣеть сказать, будетъ нѣчто дѣланное, холодное... перемѣшанное съ ложью и обманомъ.

Дверь отворилась, и въ комнату легко и неслышно впрхнула стройная женщина. Проворно подбѣжала она къ Карлу и обвила его шею своими мягкими руками. Онъ слегка вздрогнулъ. Но молодая жена не замѣтила этого и ласкалась все нѣжнѣе къ нему. Амадія звала его гулять за городъ, въ виду чудной осенней погоды.

— Въ другой разъ, Амадія, въ другой разъ; теперь мнѣ некогда. Не могу... письмо...—говорилъ онъ, стараясь высвободиться изъ рукъ жены.

— Въ другой разъ! Письмо!—воскликнула Амадія и надулась.—Будетъ ли когда-нибудь еще такой чудный день.

— Матери надо написать, Амадія!—сказалъ онъ почти строго и потомъ прибавилъ мягче:—Въ другой разъ, милочка.

— Матери, задумчиво произнесла Амадія.—Ну, хорошо,—оживилась она:—но зато вечеромъ въ театр! знаешь, тамъ будутъ представлять негра, ревниваго негра... Ужасный ревнивецъ—страшный! Знаешь, мнѣ бы хотѣлось, чтобы и ты былъ такой же ревнивый,—весело щebetала она.—Въ театр? Да? да? и она снова прижалась къ нему.

— Хорошо, пусть будетъ такъ! а теперь позволь мнѣ писать—а то я и туда не пойду,—говорилъ онъ улыбаясь и подвелъ жену къ двери. Но затѣмъ улыбка на его лицѣ снова погасла—и онъ сѣлъ за письмо.

Письмо онъ тотчасъ же самъ отнесъ на почту. Преисполненный непомятаго безпокойства, онъ потомъ долго бродилъ по отдаленнымъ улицамъ и закоулкамъ и наконецъ отправился на вокзалъ. Поѣздъ былъ близокъ къ отходу. Толпились пассажиры. Иные смѣялись, иные стояли грустные. Нѣкоторые прощались, какъ на долгое-долгое время... Тильтинъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто ему надо было броситься въ вагонъ и помчаться туда... въ родную сторону... То была неудержимая тоска по комъ-то забытомъ, но безконечно-дорогомъ... Умчаться... туда! Но теперь ему это было невозможно...

Третій звонокъ... Паровозъ просвисталъ. Поѣздъ тронулся и загромыхалъ, оставляя за собою клубы дыма.

Карлъ завернулъ на людныя улицы, гдѣ каждый куда-то спѣшилъ, не обращая вниманія на горе и радость другихъ. Подъ вечеръ онъ вернулся домой, чтобы вмѣстѣ съ Амадіей отправиться въ театръ, гдѣ будутъ представлять ревниваго негра.

* * *

— Вотъ ваше долгожданное письмо,—сказалъ хозяинъ, отворяя дверь старушки Тильтинъ.

Какъ она встрепенулась! Сколько новой бодрости прихлынуло къ уставшему сердцу!

И опять она держала письмо въ рукѣ и не могла насмотрѣться на него... Въмѣстѣ съ листомъ бумаги изъ конверта выскользнула кредитка—такая новенькая, яркая. И въ головѣ зародилась мысль:

—Это мнѣ деньги на дорогу!—шептала она.—Карлуша хочетъ, чтобы я прѣѣхала туда... Боже мой! Десять рублей!—и всё для меня!...

Она развернула листъ бумаги и попыталась читать. Ахъ, если бы глаза не слезились. А руки,—какъ онѣ дрожать!...

Письмо было длинное, и Тильтинъ пришла къ заключенію, что безъ пастушки Анны опять не обойтись. Но она была еще со стадомъ въ полѣ. Надо подождать... Во время ожиданія у нея въ груди опять расцвѣло радостное чувство, какого она долго не испытывала. Тильтинъ раскаивалась, что уже была близка къ отчаянію...

—Какое маловѣрное сердце!—шептала она съ просвѣтленнымъ лицомъ.—Мой Карлуша не будетъ такимъ...

Опять представилась ей картина, которую она рисовала себѣ раньше, въ чайніи лучшихъ дней: жизнь съ любимымъ сыномъ. Она поджидаетъ его по вечерамъ, когда онъ возвращается съ работы, и ставитъ ему, усталому, ужинъ на столъ... Тихій, сердечный разговоръ... Другъ у друга... Съдою головой склоняется она на плечо сына... Онъ силенъ, и это ему не тяжело. Какое счастье, какое счастье! Она заплакала.

Вечеромъ она позвала Анну къ себѣ. На столикѣ горѣла старая жестяная лампочка, тускло освѣщая бѣдную каморку.

„...И потомъ, мамочка, ты еще не можешь переѣхать ко мнѣ—неувѣренно читала дѣвочка.—Кромѣ того, я долженъ просить у тебя прощенья, что я вступилъ въ бракъ, не посоветовавшись съ тобой. Мнѣ, правда, хотѣлось, чтобы ты была у меня въ день моей свадьбы, но потомъ раздумалъ: не стоить тебѣ, старому человѣку, ради одного дня мучиться по плохой дорогѣ. Но ты будешь довольна, ибо Амалія твоя невѣстка...

Все, что Анна читала дальше, показалось старушкѣ какими-то далекими, чуждыми звуками—словно за толстой стѣной... Хотя слова и доносились до ея ушей, но онѣ оставались непонятны—и ей и не хотѣлось вникать въ ихъ смыслъ. Она вся оцѣпенѣла; казалось, это лицо всю жизнь ни разу не озарилось улыбкой.

Кончивъ читать, дѣвочка еще постояла, ожидая не скажетъ ли Тильтинъ еще чего-нибудь. Но она молчала.

Она сидѣла, склонившись впередъ; косынка соскользнула на плечи. Еслибы не ея перерывистое дыханіе,—можно было бы подумать, что это—застывшій въ сидачемъ положеніи мертвецъ.

Дѣвочкѣ надоѣло стоять, и она тихо вышла изъ комнатки, чтобы рассказать другимъ дѣвочкамъ о слышанныхъ новостяхъ.

Никогда еще одиночество так не угнетало Тильтинъ, никогда еще бремя жизни не казалось ей такимъ тяжкимъ, какъ теперь.

Она легла. Какъ въ забытїи, шептала она старую любимую священную пѣснь.

— Отъ Господа въ страданьи...

На слѣдующій день она уже не вставала съ постели — силы ея совершенно ослабли.

Вечеромъ къ ней пришли обитатели людской.

— Надо бы кому-нибудь изъ насъ посидѣть около нея, — предложилъ кто-то. — Видно, ей уже больше не встать...

— Ахъ, зачѣмъ, милые, ложитесь, отдохайте — весь день проработали, устали... отдохайте, — махнула рукой Тильтинъ.

И всѣ ушли спать.

На столикѣ тускло горѣла жестяная лампочка; кровать стояла въ тѣни; но и такъ было видно, какъ странная, необычная блѣдность разлилась по лицу тихой страдалицы — отъ холоднаго, роковаго дуновенья...

Когда на другое утро одна изъ батрачекъ открыла дверь ея каморки, лампочка все еще горѣла на прежнемъ мѣстѣ. Тильтинъ спала — уже вѣчнымъ сномъ. Тишина... и въ сѣро-синихъ утреннихъ сумеркахъ слабое пламя лампочки трепещетъ, какъ погасающая звѣздочка.

— Ой-ой-ой! Я же говорила вчера, что она умретъ! — заголосила жена батрака и кинулась назадъ въ людскую.

— Умерла? Ты правду говоришь? — спрашивали тамъ встревоженные голоса, перебывая другъ друга.

— Умерла! — подтвердила батрачка и заплакала.

— Умерла совсѣмъ одна безъ одной живой души, какъ будто людей мало въ домѣ.

И батраки съ батрачками собрались у почившей.

Глубокая серьезность была на ихъ лицахъ. Плотнo сжатые губы и слегка сдвинутыя брови какъ будто свидѣтельствовали, что еще въ послѣднія минуты она напряженно и съ усиленіемъ думала о чемъ-то непонятномъ.

Благобойно склонивъ головы, люди думали о загадкѣ смерти; одинъ изъ нихъ по книгѣ самой почившей читалъ молитву объ усопшихъ.

РУДОЛЬФЪ БЛАУМАНЪ.

Подъ сѣнью смерти.

Перевела Альма Витоль.

Все еще дулъ юго-западный вѣтеръ, и огромная льдина все дальше и дальше уходила въ море. На льдинѣ находилось четырнадцать рыбаковъ и двѣ лошади. Люди были заняты пробиваніемъ проруби и опусканіемъ неводовъ, и никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ льдина начала отодвигаться отъ берега. Только когда уже не было возможности спастись, они замѣтили несчастье. Лошадь побѣжала медленной рысью къ берегу. Карлуша, шестнадцатилѣтній парнишка, погнался за нею на другой и настигъ ее какъ разъ на такомъ разстояніи отъ края, откуда видно было, что льдина уходитъ. Мальчикъ вернулся, какъ вихрь, и извѣтилъ товарищей о случившемся, но когда всѣ сбѣжались на край льдины, уже не было надежды выплыть на берегъ. Юрій Скара, у котораго дома была жена съ тремя дѣтьми, отдался во власть отчаянія, бросился въ воду, и его товарищи видѣли, какъ онъ недалеко отъ берега утонулъ.

Послѣ этого событія прошло нѣсколько часовъ, и льдина все дальше уходила такъ же незамѣтно, какъ въ началѣ. Блѣдность, вызванная ужасомъ, который охватилъ ихъ въ первый моментъ, исчезла съ лицъ мужчинъ. Лица вытянулись. Брови у всѣхъ были страдальчески сдвинуты, и въ глазахъ у всѣхъ вспыхивалъ и дрожалъ огонекъ, который свидѣтельствовалъ о затаенномъ отчаяніи. Они всѣ знали, что съ каждой секундой уходятъ дальше не только отъ берега, но и отъ жизни.

Рыбаки раздѣлились на группы, тихо разговаривая. Вокругъ Карлуши стояли молодые и холостые: Гулбисъ, Биркенбаумъ и Янъ Далда,—всѣ здороваго вида и крѣпкаго сложенія. Мальчикъ имъ еще разъ рассказывалъ, какъ онъ гнался за лошадыю и какъ далеко отъ берега находилась льдина, когда онъ замѣтилъ несчастье.

— А ты бы не могъ доплыть до берега?—спросилъ Биркенбаумъ.

— Я думаю, могъ бы,—отвѣтилъ мальчикъ.—Вода, конечно, холодная, но, я думаю, удалось бы доплыть.

— Жаль,—если бы зналъ, что напрасно... что мы все равно... было бы лучше, если бы попытался...

— Случилось бы, можетъ быть, то же, что со Скара,—сказалъ Янъ Далда.

— Да, можетъ быть... Но я думаю, что удалось бы, — вздохнуть мальчикъ. — Если бы скинулъ шубенку и рѣшился...

И голубые, ясные глаза Карлуши наполнились слезами.

— Ну, ну, не унывай, еще устроится какъ-нибудь, — успокаивалъ его Биркенбаумъ. — Вѣтеръ переменится, люди поѣдутъ искать насъ. Не унывай...

Мальчикъ быстро провелъ ладонью по худымъ щекамъ и отвѣтилъ:

— Я и не унываю.

Немножко подалеже отъ этой группы стоялъ высокій, худощавый старикъ съ темной, широкой, щетинистой бородой и цыганскимъ носомъ. Онъ смотрѣлъ въ упоръ на мужчину, который, съжившись и скрестивъ руки, стоялъ передъ нимъ и выглядѣлъ немногимъ моложе его самого. Это былъ Цубукъ съ сыномъ Людвигомъ.

Молодые женатые мужчины случайно составили свою особую группу: высокій, красивый Грюнталь, тучный Скапанъ съ черезчуръ полными и красивыми щеками; блѣдный, ласковый Скрастинъ и плечистый Сійлисъ.

Старый Далда разговаривалъ со Стурисомъ, пожилымъ бобылемъ, а Сальга и Гурдумъ выдѣлились изъ общей группы. Грюнталь заглушалъ всѣхъ своимъ голосомъ и своей рѣшительностью. Онъ почти одинъ говорилъ, отвѣчая на вопросы, которые онъ самъ затрагивалъ. Онъ держался смѣло и беззаботно, и всѣ взоры были прикованы къ его губамъ.

— Самое большее, если мы два—три дня будемъ такъ плыть, — сказалъ онъ такимъ убѣдительнымъ голосомъ, какъ будто всѣ находились на корабль, которымъ онъ править. — Два—три дня... И если даже однимъ днемъ больше... Намъ хватить тѣхъ рыбъ, которыя у Сальга на возу, а если будетъ недостаточно, примемся за лошадь.

— Да, — подтвердилъ Скрастинъ, пытаясь вызвать улыбку на блѣдномъ, ласковомъ лицѣ. Онъ всегда старался придавать смѣшную окраску своимъ словамъ. — Примемся за лошадь. Говорятъ, что конина даже вкусна.

Тучный Скапанъ скривилъ немного свои красныя губы, но на лицѣ Сійлиса ясно выразилось отвращеніе.

— Ну, пока мы еще не ѣдимъ, — засмѣялся Грюнталь.

— А когда начнемъ ѣсть, онъ будетъ первымъ и захочетъ самый большой кусокъ, — сказалъ Скрастинъ. — Или ты мнѣ обѣщаешь свою долю, Сійлисъ.

— Чего тамъ обѣщать!.. — отвѣтилъ нехотя Сійлисъ. — Если нужно будетъ ѣсть — поѣдимъ. Но о такихъ вещахъ здѣсь давно и слуху не было. Только въ позапрошломъ году нѣсколько ямбургскихъ или какихъ-то тамъ рыбаковъ угнало въ море, но черезъ три дня они опять высадились на берегъ.

— Да, — подтвердилъ Грюнталь, — и я въ прошломъ году читалъ въ газетѣ о такомъ же случаѣ на островѣ Эзелѣ. И здѣсь, на берегу Курляндіи, были такіе же случаи. Только въ нашемъ округѣ объ этомъ не слышали.

— Мой отецъ рассказывалъ о такомъ событіи, — говорилъ теперь Далда, повернувшись къ группѣ. — Не помню, было ли это девять, десять или одиннадцать людей, которые тогда исчезли.

— Исчезли?—переспросилъ Скрастинъ...—исчезли?

— Да, исчезли,—повторилъ тише старикъ, взглянувъ своими немного мутными, воспаленными, распухшими глазами въ сторону своего сына Яна.

Всѣ примолкли, и никто не посмѣлъ взглянуть на другого, такъ какъ большого несчастья человѣкъ такъ же стыдится, какъ большого позора.

— Ну,—началъ снова послѣ краткаго молчанія Грюнталь,—неужели съ нами такъ же случится?... Я не вѣрю. Мнѣ кажется, что все это такая... такая... какъ бы это сказать: просто своего рода небезопасная поѣздка. Въ первый моментъ, конечно, и у меня пробѣжали мурашки отъ страха, вѣдь, это—не шутка... но теперь... пораздумайте, насъ четырнадцать человѣкъ, изъ которыхъ—одинъ, два, четыре, шесть, восемь:—изъ которыхъ восемь какъ на подборъ; мы не пропадемъ такъ ни съ того, ни съ сего... не погибнемъ. Этого не можетъ быть!

Сильный и глубокой голосъ Грюнталья подѣйствовалъ на товарищей такъ приятно, что ихъ лица просвѣтлѣли. Никто, конечно, не вѣрилъ его словамъ; никто не былъ такимъ ребенкомъ, чтобы не знать, что молодость и сила не могутъ удержать несчастье и судьбу, но все-таки дѣлалось легче, слушая этотъ мужественный голосъ, который съ такой увѣренностью говорилъ о томъ, на что сердце каждого трепетно надѣялось.

— Этого не можетъ быть,—повторилъ Грюнталь.—Моя жена каждый разъ видитъ во снѣ, если несчастье должно случиться... Нѣтъ, безъ всякихъ шутокъ... И сегодня утромъ она мнѣ ничего не сказала. И посмотрите при всемъ этомъ на Биркенбаума! Этакого парня одного Богъ бы пожалѣлъ, тѣмъ болѣе насъ всѣхъ!

Биркенбаумъ ласково улынулся и взглянулъ сначала на одного, потомъ на другого. У него были поразительно ясные и ласковые глаза ребенка, а на румяныхъ щекахъ были свѣтлыя пятнышки, будто пыльца бѣлыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Всѣ чувствовали, что Грюнталь издѣвается надъ парнемъ, только онъ одинъ принялъ слова рыбака за чистую монету. Онъ вообразилъ, что они сказаны по адресу его наружности, а всѣ остальные относили ихъ къ его характеру. А о его характерѣ всѣ были очень плохого мнѣнія. Биркенбаумъ не былъ курляндцемъ, а попалъ туда изъ средней Лифляндіи. Сначала онъ славлялъ плоты изъ Огера въ Двину, потомъ по Двинѣ въ Ригу. Изъ Риги онъ перекочевалъ въ Митаву, Гольдингень, Либаву и, въ концѣ концовъ, нанялся работникомъ у Сальга, который теперь, отчаявшись и весь съезжившись, стоялъ въ сторонѣ.

Биркенбаумъ пользовался среди рыбаковъ славой большого силача и вѣчнаго забіяки. Онъ расточалъ свои силы такъ же беззаботно, какъ избалованный сынъ американскаго милліонера отцовскія деньги. Раскраснѣвшись, смотрѣлъ онъ живыми глазами на своихъ сотоварищей по судьбѣ.

— Ну, одно можно навѣрное сказать, что по немъ проливали бы больше слезъ, чѣмъ по комъ-либо изъ насъ,—сказалъ грустно, улынувшись, Скрастинъ.

— Не правда ли, Биркенбаумъ? У меня есть жена, парнишка и дѣ-

вочка, которые бы по мнѣ убивались, а по тебѣ бы сколько горевали, а?

Биркенбаумъ пожалъ плечами.

— Давайте подберемъ рыбу, сказалъ Грюнталь, такъ какъ часть рыбы изъ воза Сальга разсыпалась по льду. Можетъ случиться, что кусокъ льдины отдѣлится, и тогда было бы жаль самой мелкой рыбки.

Всѣ разошлись, и спустя нѣсколько времени рыбаки подошли къ возу Сальга, желая уложить туда подобранную рыбу. Но Сальга сидѣлъ на возу и не подпускалъ никого.

— Оставьте себѣ, оставьте, — говорилъ онъ. — Что упало, то пропало.

— Что это значить? Что ты думаешь? — спросилъ Грюнталь.

— Это значить, что возъ мой, и никому нѣтъ дѣла до него, — отвѣтилъ Сальга, плотнѣе стягивая жадно-заботливой рукой рогожу и покрывало вокругъ кузова дровней.

— Онъ съ ума сошелъ! — воскликнулъ Биркенбаумъ. — Онъ, вѣроятно, одинъ собирается этотъ возъ съѣсть!

— Это мое дѣло, что я думаю, — отрѣзалъ Сальга, при чемъ его желтое лицо искривилось и глаза сдѣлались похожими на завистливые глаза обезьяны.

Въ Биркенбаумѣ закипѣла злоба.

— Ей-Богу онъ думаетъ, что онъ еще владѣлецъ этихъ рыбъ! — воскликнулъ онъ. Долой съ воза, старикъ! — и онъ бросилъ свои рыбы на ледъ, схватилъ Сальга и хотѣлъ его силой стащить съ воза. Но тотъ цѣплялся за покрывало и рогожу, какъ паукъ за свою паутину, когда его вытаскиваютъ изъ норы.

— Полно, полно, Биркенбаумъ, успокаивалъ Грюнталь, разнимая ихъ. — Ужо все устроимъ мирно. Если не иначе, то купимъ у него его рыбу.

Биркенбаумъ отпустилъ Сальга, и тотъ снова вскарабкался на возъ. Всѣмъ рыбакамъ вдругъ показалось, что Биркенбаумъ вовсе не такой плохой человѣкъ, и нѣкоторые даже высказали это вслухъ.

Только Гурлумъ стоялъ въ сторонѣ и ничего не говорилъ. Онъ былъ черствый человѣкъ и зналъ, что никто ему добра не желаетъ. Его единственной заботой теперь было, не подавать повода къ насмѣшкамъ. Онъ былъ обидчивъ и излишне гордъ. Онъ старался скрыть свое отчаяніе подъ равнодушной мрачностью и уже заранѣе опасался, хватить ли у него духу погибнуть съ честью, когда уже не будетъ надежды на спасеніе. Къ полудню вѣтеръ поднялъ волны и ледъ началъ какъ-то страшно скрипѣть. Скрипѣніе усиливалось, и рыбаки, на лицахъ которыхъ темныя тѣни уже начали смятаться, сдѣлались опять мрачнѣе и молчаливѣе.

Вдругъ прошелъ странный трескъ по льдинѣ.

Карлуша, который стоялъ рядомъ съ Биркенбаумомъ, схватилъ руку парня.

— Страшно? — сказалъ Биркенбаумъ, пытааясь улыбнуться.

Синіе глаза мальчика, полные скорбнаго отчаянія, смотрѣли на парня.

— Ледъ, вѣроятно... вѣроятно... началъ онъ, но не кончилъ.

— Да, расколется. О, чѣмъ бы не удовольствіе, если бы мы все время могли кататься на такой громадѣ.

— Я останусь съ тобой.

— Такъ держись же лучше своихъ хозяевъ, Далда и Яна.

— Нѣтъ, мнѣ лучше...

— Какъ хочешь.

Мальчикъ сжалъ сильнѣе руку Биркенбаума, и такъ они стояли вмѣстѣ съ другими; сторожили, гдѣ отколется какой-нибудь кусокъ.

Когда зловѣщій трескъ повторился громче, Биркенбаумъ невольно положилъ свою руку на шею мальчика. Онъ почувствовалъ нѣжное доброжелательство къ этому мальчику, который именно его выбралъ своимъ ближайшимъ товарищемъ по несчастью.

— Сердце дрожить? спросилъ полшутя Биркенбаумъ.

— Нѣтъ. Мнѣ только такъ... я не знаю... сердце сжимается... я не хочу бояться... что будетъ, то будетъ... но напрасно! На румяномъ, худощавомъ лицѣ мальчика сильно углубились двѣ тонкія складки, которыя тянулись отъ носа къ угламъ рта внизъ и старили мальчика.

Послѣ довольно долгаго молчанія онъ спросилъ:

— А ты?

— Что?

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Я? Конечно, нехорошо. Что и говорить... силой здѣсь ничего не поделаешь, прибавилъ парень, какъ-будто извиняясь.

— Какъ ты думаешь, что съ нами будетъ?

— Что тутъ... слыхаль, что Грюнталь сказалъ. Три—четыре дня.

— Да? ты этому вѣришь?

— Надежды большія на спасеніе. Можетъ быть, встрѣтимъ корабль.

— А если не встрѣтимъ?

— Тогда... ну тогда ты узнаешь, что случится.

Мальчикъ примолкъ. Здѣсь могла быть рѣчь только о спасеніи или гибели, но его сердце страстно желало како-индѣбудь третьей возможности, чего-нибудь неизвѣстнаго, неостижимаго, какого-нибудь чуда, потому что молодой, расцвѣтающей жизни смерть кажется невѣроятной.

Ледяной плотъ скользилъ все дальше, море ревѣло и начало разрушать его края. Кусокъ за кускомъ откалывался,плыли за льдиной и терлись объ ея края. Вдругъ между рыбаками, которые стояли въ двухъ группахъ, появилась узкая, сѣровато-зеленая трещина, которая расширялась, росла и вдругъ отдѣлила обоихъ Цубуковъ, Стуриса и Скапана отъ остальныхъ товарищей. Съ обѣихъ сторонъ раздались крики, люди махали руками—какъ всполошившіеся муравьи бѣгали по краямъ обѣихъ льдинъ. Старый Цубукъ хотѣлъ, вѣроятно, броситься въ воду, такъ какъ сынъ съ нимъ боролся и не выпускалъ его. Разстояніе между обѣими льдинами быстро возро-

стало и, въ концѣ концовъ, нечего было и думать переплыть съ одной на другую.

— Тѣ теперь пропали,— сказалъ Грюнталь,— безъ крупинки продовольствія. Жаль Скапана... На середину!— закричалъ онъ.— Больше на середину и будем держаться все вмѣстѣ!

Группа несчастныхъ двинулась молчаливо впередъ.

Остановившись, они долго слѣдили безпокойными глазами за тучами, которыя носились на небѣ, какъ измятыя простыни, смотрѣли на непрерывное движеніе волнъ и прислушивались къ ихъ шуму, къ которому они уже успѣли привыкнуть среди этого однообразія. Мало-по-малу они вышли изъ своего оцѣпененія и начали переговариваться.

— Этотъ Скапанъ,— сказалъ Янъ старому Далда, своему отцу,— жаль его. Только пять мѣсяцевъ какъ женился.

Старикъ вздохнулъ.

— Этого стараго Цубука... того нечего жалѣть. Ему была ужъ пора. Также Людвигу. Изъ того тоже ничего путнаго не вышло бы... Но Стурисъ, бережливый, честный человѣкъ... всю жизнь... а теперь... а теперь..."

Старый Далда ничего не сказалъ. Чего тамъ разсуждать о чужой бѣдѣ, когда на самого надвигается такая же. Онъ смотрѣлъ на сына, и его губы подергивались.

— Мать собиралась насъ сегодня вечеромъ ждть съ тушеной капустой,— говорилъ онъ.— Но теперь она уже знаетъ...

Янъ кивнулъ головой. Лицо отца подергивалось отъ плача, а одинъ глазъ онъ даже зажалъ указательнымъ пальцемъ, но всетаки не могъ удержать нѣсколько слезъ, которыя упали въ его сѣдую бороду.

— Да, она уже теперь знаетъ, повторилъ онъ.— Что она скажетъ, что мы оба... мы оба... Почему ты не могъ остаться дома? Про себя я ничего... также и она, но про тебя... ты для нея былъ...

Изъ его вспухшихъ глазъ опять готовы были брызнуть слезы, и ноздри дрожали.

Янъ стиснулъ зубы. Ничто насъ такъ не волнуетъ и не трогаетъ, какъ скорбь другого о нашей судьбѣ.

— Ахъ,— промолвилъ онъ сдавленнымъ голосомъ,— ты еще не кручинься, мы еще счастливо выберемся на берегъ.

— Да, да, да, такъ же, какъ тѣ десятеро въ тотъ разъ. Теперь и насъ тоже только десять осталось."

Къ вечеру Грюнталь обратился къ товарищамъ съ вопросомъ, не хотятъ ли они ѣсть? Онъ опять говорилъ такимъ же самоувѣреннымъ голосомъ, какъ всегда, и устами сердца рыбаковъ жадно воспринимали бодрящіе звуки этого голоса, и они почувствовали благодарность къ Грюнталю. Скрастинъ отвѣтилъ за всехъ, что ѣсть, конечно, хочется, но что же ѣсть, рыба сырая, и лошади еще живы?

— Попробуемъ рыбу, сказалъ Грюнталь.— Когда нѣтъ,— сваримъ ее въ моей кожанной шапкѣ.

— Въ фартукъ было бы лучше, замѣтилъ Сйлисъ.

— А твой безъ дѣтя?—спросилъ Грюнталь.—Нѣтъ—ну тогда остаеся только шапка. Разрубите дровни и размельчите ледь.

Пока эти распоряженія исполнялись, Грюнталь подошелъ къ Сальга, который сидѣлъ на дровняхъ, зажавъ руки между колѣнами.

— Раскрой!—сказалъ рыбакъ.

Но Сальга не слушался. Онъ протянулъ руки въ обѣ стороны, какъ будто желая защитить весь возъ.

— Раскрой рыбу!—воскликнулъ Грюнталь еще разъ и сердито сдвинулъ брови.

Сальга началъ обѣими руками ощупывать поверхность воза, морщинистая желтая кожа его нижней челюсти начала подергиваться, при чемъ подбородокъ сдѣлался совсѣмъ острымъ. Онъ бормоталъ что-то сквозь зубы, и послѣднiя слова: „условиться о цѣнѣ“ ударили Грюнталу въ уши.

На красновато-смугломъ лицѣ сильнаго рыбака мелькнуло, словно пламя.

— Ты что, рехнулся?—закричалъ онъ на него.—Ты хочешь отвѣдать морской воды? Прочь съ воза!

Сальга поднялся и пошелъ медленно къ своей лошади.

Грюнталь открылъ возъ, отсчиталъ для каждаго по двѣ рыбы одинаковой величины и началъ ихъ потрошить.

Когда огонь съ большимъ трудомъ былъ разведенъ, прикрѣпили веревочки къ концамъ шапки Грюнтала и держали ее осторожно надъ огнемъ, пока ледъ растаялъ: тогда опустили рыбу въ воду и спустили „котелокъ“ ниже.

Когда первый котелъ сварился на половину, поставили второй и третiй, пока вся рыба полуобварилась. Вполнѣ сварить ихъ было нельзя, нужно было беречь дрова.

Потомъ роздали рыбу.

— Благодарить то нужно будетъ—говорилъ Скрастинъ,—но пальцевъ, вѣроятно, никто не оближетъ послѣ нихъ.

Рыбаки попробовали ѣсть, но вкусъ рыбы былъ отвратительный. Она отзывалась потомъ и горькой морской водой и была при томъ полусырая. Только Виркенбаумъ съѣлъ свою долю.

— У меня издавна всегда былъ здоровенный коробъ,—утверждалъ онъ.—Я могу и камни глотать.

— Когда вода лѣзетъ въ ротъ, надо учиться плавать, когда настанетъ голодь, тогда будемъ учиться ѣсть,—сострилъ Грюнталь и засунулъ свои рыбы въ карманъ. Не бросимъ ничего.

— У меня есть еще немножко хлѣба съ сегодняшняго утра,—шепталъ Далда, повернувшись къ сыну, отойдемъ немножко въ сторону, тогда я тебѣ дамъ.

— А ты самъ?

— Я... я еще могу обойтись.

— Ъшь самъ, отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, тебѣ хочется... молодому больше... и онъ потащилъ Яна подальше отъ другихъ и соваль ему въ руку ломтикъ чернаго хлѣба.

Но Янъ не взялъ.

— Ъшь самъ, сказалъ онъ и отошелъ отъ него опять къ другимъ товарищамъ.

Когда начало смеркаться, Грюнталь велѣлъ повернуть пустыя дровни такимъ образомъ, чтобъ вѣтеръ дулъ сбоку, и тогда всѣ рыбаки усѣлись на нихъ, прислонившись спинами другъ къ другу. Они хотѣли такъ провести ночь.

Стемнѣло. Ни одна звѣздочка не засіяла на небѣ, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и кругомъ ревѣло и бушевало море.

Никто не смыкалъ глазъ. Всѣ вперили свои взоры въ густой мракъ, который свинцомъ ложился на плечи.

— Какъ мнѣ ѣсть хочется!—шепталъ Карлуша Биркенбауму.—Хоть бы рыбы не были такія противныя.

— Что дѣлать, отвѣтилъ парень.

Онъ слышалъ, какъ мальчикъ скорбно вздохнулъ послѣ долгаго молчанія.

— Что такое? спросилъ онъ безучастно.

— Ъсть хочется, шепталъ мальчикъ.

Биркенбаумъ посидѣлъ немного, нетерпѣливо похлопывая рукой по колѣнямъ. Затѣмъ онъ всталъ и вздернулъ мальчика на ноги. Онъ отвелъ его на нѣсколько шаговъ отъ дровней, вытащилъ что-то изъ-за пазухи и сунулъ Карлушѣ въ руку.

— Пей, приказалъ онъ, и мальчикъ откупорилъ бутылку и пилъ.

— Ты только никому не говори, сказалъ Биркенбаумъ, взявъ бутылку обратно.—А теперь попробуй закусить.

Они вернулись къ дровнямъ, и мальчикъ, хотя съ отвращеніемъ, но все-таки съѣлъ свою рыбу.

И опять долгое время никто не шевелился; ночь протекала своимъ чередомъ, море зловѣще шумѣло, ледъ скрипѣлъ, и вѣтеръ приносилъ съ моря на льдину запахъ соленой воды.

— Биркенбаумъ, ты спишь?

— Нѣтъ.

— Я чуточку прилягу на твои колѣни.

— Ложись.

Карлуша положилъ свои руки Биркенбауму на колѣни и прикурнулъ на нихъ. Вскорѣ парень почувствовалъ, какъ холодны были руки мальчика. Онъ снялъ перчатки и взялъ въ свою теплую, полную жизненныхъ силъ руку окоченѣвшіе, худые пальцы мальчика. Медленно теплота переливалась изъ пальцевъ одного въ пальцы другого.

Карлуша заснулъ.

Но спокойное дыханіе мальчика, котораго парень не слышалъ, но могъ чувствовать по равномѣрному вздыманію груди, и тепло его пальцевъ напомнили ему ночи, въ которыхъ не было ничего общаго съ покоемъ этого усталаго мальчика.

Значить, все пропало. Никогда больше онъ не будетъ лежать съ горячо бьющимся сердцемъ и раскрытыми глазами на кровати и ждать, пока всѣ заснутъ, чтобъ тогда неслышно встать и, осторожно ступая босыми ногами по холодноватому полу, пробраться въ другой уголь... Никогда уже онъ не будетъ приходиться въ привычную клѣтку, никогда больше онъ не будетъ лежать, растянувшись въ тѣни на полусложенномъ стогѣ сѣна и ласкать загорѣлые пальцы... Какъ это могло случиться? Какъ онъ попалъ сюда? Былъ онъ когда-то пастухомъ тамъ далеко, въ Орлиныхъ горахъ, жилъ тамъ много лѣтъ, пьянствовалъ, безумствовалъ, веселился, игралъ въ театрѣ, два дня провелъ подъ арестомъ по непонятному капризу судьбы, а теперь... онъ сидѣлъ на рыбацкихъ дровняхъ, и море бушевало вокругъ него, и онъ ждалъ смерти. Этого не можетъ быть! Такія вещи случаются только въ сказкахъ, только во снѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ сновъ, которые ясны и отчетливы, какъ дѣйствительность. Еслибы можно было проснуться! Проснуться! Что за самообманъ! Онъ отлично зналъ, что это не сонъ. Этотъ ледъ, этотъ соленый морской вѣтеръ, этотъ ревъ, все, все было дѣйствительностью. Онъ голодалъ, и ему дѣйствительно нужно будетъ умереть — умереть съ голоду или же погрузиться въ воду, въ мракъ, въ пропасть, пропасть вмѣстѣ съ этимъ мальчикомъ и Грюнталемъ и всѣми остальными бодрыми и здоровыми людьми... Холодная дрожь молніей пробѣжала по спинѣ парня и у него во рту сдѣлалось сухо и жестко. Нѣтъ, этого не могло быть! Такіе ужасы совершаются въ чужихъ странахъ, тамъ, далеко, и о нихъ читали и рассказывали, какъ о чемъ-то обыденномъ, необходимомъ, но самъ онъ не можетъ нарваться на такой случай. Биркенбаумъ всегда твердо сознавалъ, что онъ проживетъ жизнь спокойно. Когда кто-нибудь порѣжетъ руку, ранитъ топоромъ ногу, утонетъ, или кого-нибудь разорветъ машина, парень всегда выслушивалъ все это съ сознаніемъ, что съ нимъ никогда не могутъ такія случиться напасти. И теперь онъ сидѣлъ на ломающейся и расплзающейся льдинѣ, а кругомъ была ночь и смерть... А, этотъ Сальга! Если бы тотъ не навязался! Онъ, можетъ, пробрался бы обратно въ свой округъ, спалъ бы въ теплой постели, хозяинъ вышелъ бы изъ своей комнаты и, разбудивъ его, послалъ бы его накормить лошадей.

Парень вздрогнулъ и сжалъ невольно пальцы Карлуши такъ сильно, что тотъ сталъ безпокойно вырываться. Биркенбаумъ опомнился, освободилъ пальцы мальчика и успокаивающе положилъ свою другую руку на его плечи. Его возбужденіе ослабѣвало. Еще была надежда, продовольствія еще достаточно, мало ли что еще могло случиться!

Но въ теченіе безконечно долго тянущейся ночи его отчаяніе снова возросло, жажда жизни взывала къ спасенію, пока на востокъ забрезжилъ первый свѣтъ, и парень, опустивъ голову, задремалъ.

Онъ встрепенулся, весь дрожа. Остальные уже встали съ дровней⁹ стояли и смотрѣли на море. Было неприятно холодно, Карлуша тоже дрожаль-но продолжалъ дремать. Биркенбаумъ не хотѣлъ его будить и продолжалъ сидѣть, пока тотъ не проснулся самъ. Тогда и они стали вмѣстѣ съ другими смотрѣть въ море.

Та же вчерашняя безнадежная картина: сѣрая волна съ вѣнками бѣлой пѣны, а наверху сѣрая туча. Ледяной плотъ уменьшился и округлился, на вѣтренной сторонѣ по краямъ его качались и непрерывно терлись ледяныя глыбы. Лица рыбаковъ выглядѣли гораздо старше, чѣмъ наканунѣ, и въ глазахъ у всѣхъ можно было читать, что ихъ посѣтили призраки, которые требуютъ въ жертву кровь сердца.

Поговоривъ съ Яномъ, съ которымъ онъ немножко дружилъ; ласково и грустно погладивъ плечи Карлуши, Скрастинъ подошелъ къ Грюнталю. Онъ, какъ и всѣ другіе, смотрѣлъ на него, какъ на главаря ихъ партіи.

— Что будетъ съ завтракомъ? спросилъ онъ.

— Будемъ опять питаться рыбой,—отвѣтилъ Грюнталь.—Кто хочетъ, можетъ ѣсть сырую, для другихъ сваримъ, пока еще дрова имѣются.

Развели опять огонь и сварили рыбу такъ же, какъ наканунѣ. Рыбаки ѣли ее съ отвращеніемъ. Тогда Биркенбаумъ отвелъ мальчика въ стору, и оба выпили.

— Ты мнѣ какъ братъ, сказалъ мальчикъ.

— Чего тамъ... это ничего. Ты хорошій мальчикъ. Я бы сдѣлалъ изъ тебя расторопнаго парня.

— Знаешь, если мы вернемся на берегъ, тогда... тогда мы заживемъ хорошо.

— Хорошо. Будь по твоему.

Когда они вернулись къ другимъ, Грюнталь приказалъ Биркенбауму привязать шестъ къ дышлу; надо было поднять флагъ. Имѣется ли у кого-нибудь красный платокъ? Оказалось, что ни у кого нѣтъ, но зато были три красныя рубашки: у Грюнталя, Яна и Скрастина.

— Какъ обстоятъ дѣла съ твоей рубашкой, Скрастинъ? спросилъ Грюнталь,—дашь вздернуть на воздухъ?

— Если ужъ надо, такъ ничего не подѣлаешь,—жалобно отвѣтилъ Скрастинъ.—Но холодно—что будетъ безъ нея? Я съ трудомъ переносу холодъ. Я знаю, что у меня даже теперь въ рубашкѣ губы посинѣли. Но если надо, такъ надо.

Всѣ взоры устремились на губы говорящаго, которыя дѣйствительно были синеватыя. Грюнталь не могъ удержаться отъ легкой улыбки.

— Ну, постараемся тогда обойтись безъ тебя, сказалъ онъ.—Я согласенъ бросить жребій вмѣстѣ съ Яномъ, которому изъ насъ выпадетъ доля отдать рубашку?

— Я тоже согласенъ, отвѣтилъ Явъ.

Грюнталь вытащилъ изъ кармана записную книжку, вырвалъ листъ,

разорвалъ его на двѣ половины, намѣтилъ на одной крестикъ и свернулъ обѣ въ трубочку.

—Брестъ означаетъ—рубашку, сказалъ, подавая Яну на ладони обѣ трубочки.

Янъ схватилъ одну—попалась съ крестикомъ.

—Заслоните меня отъ вѣтра—сказалъ онъ, быстро скинулъ шубу, куртку и жилетъ. На одно мгновенье промелькнули его мускулистыя руки и грудь, и потомъ онъ стоялъ снова въ шубѣ, какъ и другіе.

—Это было какъ прыжокъ въ студеную воду, промолвилъ онъ.

Рубашку прикрѣпили къ концу шеста и подняли. Рыбаки хотѣли вырубить отверстіе во льду и въ немъ укрѣпить конецъ дышла и привязать его къ дровнямъ, чтобы не было необходимости держать шестъ. Но Грюнталь, желая какъ-нибудь занять ушедшихъ въ свое горе людей, не согласился и говорилъ, что шестъ должны держать поднятымъ поочередно по два человѣка и внимательно слѣдить, не приближается ли откуда-нибудь пароходъ.

Биркенбаумъ хотѣлъ одинъ простоять, когда дошла его очередь, но Карлъ не отставалъ, и, желая помочь, схватилъ шестъ и помогалъ придержать въ воздухѣ символъ ихъ несчастья, развѣваемый вѣтромъ.

—Пить хочется, жаловался мальчикъ.

А мнѣ-то, думаешь, не хочется?—возразилъ Биркенбаумъ.—Можешь грызть и сосать ледъ.

—Погрызи!.. Чего нагрызешься, когда ротъ какъ ошпаренный! Какъ долго мы такъ протянемъ?

—Богъ знаетъ, жить еще никто изъ насъ не пробовалъ.

—Ахъ, была бы хоть одна капелька, чтобы можно было прилично напиться.

—Не хнычь, сказалъ Биркенбаумъ.

—Да, ты взрослый, но еслибъ ты былъ такимъ, какъ я, тогда бы ты иначе заговорилъ.

Парень вспомнилъ прошедшую ночь и сдѣлался опять ласковымъ.

—Да, конечно, тяжело, очень тяжело, но что же дѣлать? проговорилъ онъ.

—Я вообще никогда не переносилъ жажды, продолжалъ жаловаться Карлуша, и теперь долженъ глотать соленый ледъ. У меня здѣсь въ лѣвомъ боку надъ ребрами такъ ноетъ, такъ ноетъ. изрѣдка уколеть, какъ ножомъ.

—Да, а въ этомъ отношеніи я счастливъ, мнѣ эта ледяная вода пока еще не вредить.

Но послѣ и Скрастинъ, такъ же какъ мальчикъ, началъ жаловаться на то же, и рыбаковъ, взволновало грозящее имъ новое несчастье, котораго раньше у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ помянѣ не было.

Грюнталь опять старался усюкоить товарищей.

—У насъ еще имѣются двѣ лошади, сказалъ онъ.—Въ нихъ топлива соку еще много, если кому-нибудь дѣйствительно понадобится.

—Кровь пить! воскликнулъ Сійлисъ.

—Липкое, соленовато-сладкое, объяснилъ спокойно Биркенбаумъ. — Я пилъ кровь.

На лицахъ рыбаковъ отразились одновременно жадность и отвращенье, жажда теплой влаги и издавна вкоренившееся отвращеніе къ крови.

—Мы еще недостаточно истомлены жаждой, сказалъ Грюнталь, глядя на товарищей. — Просверлимъ тогда березы, такъ и сокъ покажется намъ пріятнымъ.

Когда опять была очередь Биркенбаума и Карлуши, и они уже порядкомъ простояли съ шестомъ, мальчикъ сказалъ:

—Биркенбаумъ, ты, вѣроятно, уже многое пережилъ?

—Ты это изъ того заключилъ, что я кровь пилъ? Это и ты бы могъ испытать. Я тогда былъ въ твоемъ возрастѣ. Рѣзали телянка... я тогда былъ сумасброднымъ мальчикомъ...

—Такъ. А сколько тебѣ лѣтъ было, когда съ впервые началъ...

—Пить? Водку пить?

—Нѣтъ... оставимъ это... скажи, о чемъ бы ты больше всего жалѣлъ, еслибы мы не вернулись на берегъ?

—О чемъ больше? Всей жизни мнѣ было бы жаль.

—О ней каждый жалѣетъ. Но о чемъ-нибудь особенномъ. О матери, братѣ, невѣстѣ?

—У меня нѣтъ ничего особеннаго. Я только думаю, что я еще много лѣтъ могъ бы такъ прожить, какъ до сихъ поръ, и тогда мнѣ жалко жизни или самого себя—не знаю хорошенько.

—Да, самого себя... Мнѣ тоже. Но мнѣ особенно жалко одной вещи. Я всегда до сихъ поръ думалъ, какъ это когда... и мнѣ все больше хотѣлось узнать, какъ это, когда двое... эхъ, Биркенбаумъ, былъ бы я тобою.

Онъ смотрѣлъ на парня, и въ его глазахъ горѣлъ огонекъ неудовлетвореннаго томленія.

—Это безразлично, отрѣзалъ Биркенбаумъ, странно задѣтый въ своихъ самыхъ затаенныхъ чувствахъ. Все это безразлично. Ты хочешь одного, а я желаю совсѣмъ другого... Э, да глупости все это!

Его очередь прошла.

Къ вечеру опять каждый получилъ свою долю рыбы и снова на нихъ спустилась длинная ночь со своими видѣніями и грезами о теплыхъ комнатахъ, съ ярко свѣтящимися лампочками на столахъ, о блѣдныхъ женщинахъ, съ судорожно сжатыми руками, съ заплаканными глазами.

Даже Карлуша спалъ мало и безпокойно, хотя прилегъ на колѣни Биркенбаума.

Утромъ третій день не было больше дровъ. Но никто и не думалъ варить рыбу. Жадными глазами всѣ слѣдили, какъ ее раздавали, опасаясь, какъ бы только никто не получилъ побольше.

Сальга все время до сихъ поръ сидѣлъ на возу и мялся вокругъ него.

Теперь Грюнталь приказалъ, чтобы никто не смѣлъ подходить къ нему, за исключеніемъ того, кто во время ѣды беретъ рыбу для раздачи.

— У тебя ничего больше нѣтъ въ бутылкѣ? спросилъ Карлуша, отвѣдя Биркенбаума въ сторону.

— Нѣтъ.

— Но было же еще довольно много.

— Это я вчера вечеромъ выпилъ.

— И-мигъ не даль?

— Неужели это моя обязанность? Обѣщаль я тебѣ что ли?

— Обѣщаль?! но ты же видишь, что я себя хуже чувствую, чѣмъ ты.

— Но это была моя бутылка. И мигъ тоже скверно. Благодари Бога, что ты вообще получилъ. Другой бы на моемъ мѣстѣ...

— А, вот ты какой!

— Какой?

— Оставь... было еще такъ много... тамъ бы еще хватило на обоихъ до завтра, послѣзавтра! — воскликнулъ раздраженно мальчикъ. — И теперь онъ одинъ все сожралъ!

— Посмотри-ка! воскликнулъ сердито Биркенбаумъ. — Онъ еще будетъ меня упрекать! Пичуръ такой! Какъ бы тебѣ еще въ морду не попало!

— Какъ бы тебѣ не попало! воскликнулъ мальчикъ, еле сдерживая слезы и брося полные ненависти взгляды на Биркенбаума. — Пьяница!

Биркенбаумъ подошелъ къ мальчику, посмотрѣлъ ему строго въ глаза и треснулъ его по губамъ.

— Теперь ты будешь молчать? — сказалъ онъ.

Лицо мальчика исказилось отъ злобы. Онъ схватилъ руку парня и пытался укусить ее.

Но Биркенбаумъ вырвалъ руку и стиснулъ руки мальчика поверхъ локтей, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

Желтоватые зубы Карлуши вонзились въ нижнюю губу, и онъ хотѣлъ ногой ударить Биркенбаума, но тотъ привлекъ мальчика къ себѣ такъ близко, что это ему не удалось. Вдругъ парень почувствовалъ, что тѣло мальчика ослабло, онъ выпустилъ его, и парнишка свалился бы, если бъ онъ не схватилъ его снова за руку.

Голова мальчика лежала одну минуту, какъ мертвая, на груди Биркенбаума.

— Карлуша, Карлуша, что съ тобой? — тербилъ его парень.

— Пить, — шепталъ мальчикъ. — Дайте пить.

Биркенбаумъ отвелъ мальчика къ дровнямъ и подошелъ потомъ къ Грюнталю спросить, не спустить-ли у одной лошади крови? Мальчикъ совсѣмъ ослабѣлъ.

— Объ этомъ нужно поговорить съ другими, — отвѣтилъ Грюнталь. — Изъ-за одного мальчика нельзя убивать лошадь.

Онъ созвалъ рыбаковъ, и тѣ рѣшили обождать еще.

Грюнталь сдѣлалъ сочувственный жестъ въ сторону Биркенбаума, и группа разошлась.

Биркенбаумъ, съ которымъ до сихъ поръ былъ мальчикъ, остался одинъ.

Онъ подошелъ къ Гурлуму, промолвилъ нѣсколько словъ, но рыбаки только посмотрѣли на него и не отвѣтили ничего. Онъ повернулся къ Скрастину, тотъ смотрѣлъ на него впадыми, страдальческими глазами и промолвилъ только: „Ну, Биркенбаумъ?“, махнулъ головой, и отвернулся. Онъ подошелъ къ обоимъ Далда, они разговаривали о матери, ея одиночествѣ, о спасеніи. Онъ постоялъ немножко около нихъ, тѣ не замѣчали его, и онъ отошелъ. Гулбисъ и Сйлисъ смотрѣли, какъ Сальга разматывалъ рогожу и кормилъ ею лошадь. Ему были противны глаза Сальга. Онъ вернулся къ Грюнталю, который какъ разъ стоялъ одинъ и держалъ шестъ. Но парень прошелъ мимо, не остановившись. У этого рослаго, виднаго рыбака было что-то, чего не хватало Биркенбауму, что невидимой рукой давило его и вызывало его молчаливое сопротивление. Онъ приблизился снова къ дровнямъ, на которыхъ, скорчившись, сидѣлъ Карлуша и смотрѣлъ вдаль неподвижными, широкими глазами. Биркенбаумъ прошелъ разъ медленно мимо него, второй—мальчикъ сидѣлъ, не шевелясь, съ неподвижнымъ взглядомъ и раскрытыми губами и не замѣчалъ парня. Наконецъ, Биркенбаумъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

Но мальчикъ и этого не замѣтилъ. Парень всталъ опять, просидѣвъ такъ долгое время. Была какъ разъ его очередь держать шестъ. Раздосадованный простоялъ онъ свое время, никто не подошелъ къ нему, никто не обратилъ на него вниманія. Передавъ шестъ Скрастину и Гулбису, онъ прошелъ почти на самый край льдины. Велика ли бѣда, если какой-нибудь кусокъ льда оторвется вмѣстѣ съ нимъ! Немногимъ раньше или позже придется все равно умереть этой смертью, придется утонуть, когда льдина расколется вдребезги. Смотри, насколько уже уменьшилась широкая ледяная гладь. И какъ безъ усталы отломленные куски трусъ другъ о друга и о плотъ! А тамъ дальше—съ какой жадностью, остервенѣніемъ волны перебрасываются черезъ эти зеленоватныя, тарелкообразныя глыбы, чтобы выбросить на берегъ къ ногамъ рыбаковъ свои бѣлые гребни...

Биркенбаумъ обошелъ почти всю льдину кругомъ, и послѣ этого вернулся къ дровнямъ. Мальчикъ все еще не трогался съ мѣста. Его широкія губы посинѣли, и его узкій лобъ, съ котораго съѣхала шляпа, отсвѣчивалъ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ.

Биркенбаумъ опустилса опять рядомъ съ нимъ.

— Карлуша!

Мальчикъ не слышалъ.

— Пить нечего,— продолжалъ парень.— Есть только ледъ.— Но если ты хочешь, то я продержу льдинки въ рукѣ, пока онѣ растаютъ и вода немного согрѣется. Но если тебѣ не въ ногу... слушай меня... если ты больше не можешь выдержать... я... разрѣжу себѣ руку.

Карлуша вздрогнулъ отъ отвращенія и бросилъ жадный взглядъ на руки Биркенбаума.

Секунду спустя паренъ уже прижималъ свою лѣвую руку ко рту мальчика.

Мальчикъ схватилъ руку Биркенбаума, пытался ее оттолкнуть, успокоился и сосалъ...

Тогда паренъ сорвалъ свой шейный платочекъ, разорвалъ его и завязалъ руку выше ладони.

Вечеромъ, когда Грюнталь роздалъ рыбу, на небѣ появилась маленькая тучка, и въ воздухѣ начали кружиться мелкія сѣѣжинки. Потомъ и вѣтеръ и погода просвѣтлѣла. Ласково мерцали сонмы звѣздъ, и слабо серебрился млечный путь. Но никто изъ несчастныхъ не поднялъ взоровъ вверхъ. Въ глухомъ равнодушіи провели они ночь.

Съ новымъ утромъ воскресла и новая надежда, такъ какъ погода прояснилась и затихла. Теперь было больше вѣроятія, что какой-нибудь пароходъ замѣтитъ ихъ красный флагъ.

Но день прошелъ, и надежда не оправдалась.

Вечеромъ Грюнталь заявилъ, что рыбы осталось только на два дня. Не раздать ли сегодня по одной, чтобы подольше хватило? Большинство рѣшило, чтобы сегодня было по старому и Грюнталь роздалъ привычное число.

Вечеромъ опять всѣ сѣли на дровни, молчаливые, изможденные, съ ввалившимися глазами и щеками. Шумъ волнъ былъ слышенъ ближе, и качаніе льдины замѣтно сильнѣе.

Карлуша прильнулъ къ Биркенбауму.

— Теперь все пропало, Биркенбаумъ? Да?

— Вѣроятно.

— Ахъ, хоть бы все это не тянулось такъ медленно... Тѣхъ, которые умрутъ, опустятъ въ море?

— Вѣроятно.

— Тогда ты меня опустишь... Ахъ, еслибы все это не тянулось такъ медленно... Ахъ, милый Биркенбаумъ, ахъ Биркенбаумъ.

Мальчикъ обнялъ локоть парня, прижалъ голову къ его плечу и рыдалъ.

Биркенбаумъ молчалъ.

На утро пятого дня передъ завтракомъ Грюнталю показалось, что далеко на сѣверѣ виднѣется дымъ. Всѣ смотрѣли съ напряженнымъ вниманіемъ на обозначенное мѣсто. Продолговатая тучка вырисовывалась все яснѣе, и, наконецъ, было внѣ всякихъ сомнѣній, что она исходитъ изъ трубы проходящаго парохода.

— Подымайте флагъ выше! Машите имъ!—кричали всѣ и всѣ тѣснились вокругъ шеста.

Тучка дыма все возростала, и блѣдныя лица рыбаковъ оживились, глаза сверкали. Даже Гурлумъ не удержался отъ нѣсколькихъ словъ радости.

Старый Далда отошелъ въ сторону, плакалъ и молился Богу.

Продолговатый столбикъ дыма сохранялъ нѣкоторое время свою величину. Рыбаки смотрѣли на него неподвижно, не смѣя мигнуть.

Но потомъ ихъ взоры дѣлались все неподвижнѣе, все страшнѣе. Тучка начала убывать! Пароходъ не приближался къ нимъ, онъ не замѣтилъ ихъ, или не хотѣлъ замѣчать! Онъ прошелъ мимо.

На лица всѣхъ какъ будто спустилась тѣнь ночи. Держащіе флагъ опустили шесть, онъ свалился, и Сальга топталъ ногами красную рубаху и кусаль рукавъ своей шубы. Бѣдный Скрастинъ опустился на дровни, бормоталъ непонятныя слова и смѣялся. Карлуша крѣпко обнялъ Биркенбаума, а Грюнталь стоялъ и все еще смотрѣлъ въ томъ направленіи, гдѣ исчезла тучка.

Вдругъ Янъ вскрикнулъ:

— Лодка, лодка!—кричалъ онъ.

Всѣ повернулись къ Яну, который махалъ руками по направленію къ югу. Тамъ плыла небольшая лодка, которая была уже такъ близко, что можно было различить число сидящихъ въ ней. Ихъ было семеро. Двое гребли, одинъ правилъ рулемъ и четыре сидѣли безъ дѣла.

Старый Далда молитвенно сложилъ руки и молча поднялъ ихъ къ небу.

— Биркенбаумъ! Биркенбаумъ!—всхлипывалъ мальчикъ.

Когда лодка настолько приблизилась, что можно было различать лица, рыбаки увидѣли, что въ лодкѣ сидятъ трое чужихъ и Стура, Скапанъ и оба Цубука, всѣ четверо болѣе похожіе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей.

Рыбаки спѣшили лодкѣ навстрѣчу. Одинъ гребецъ влѣзъ послѣ нѣкоторыхъ усилій на льдину.

Онъ поздоровался и что-то сказалъ, но никто не понялъ его, потому что онъ не говорилъ по, латышски. Въ концѣ концовъ-Грюнталь узналъ при помощи знаковъ и жестовъ, что лодка болѣе семи человекъ принять не можетъ.

Только семь! А ихъ было десять! Кто долженъ спастись, кто оставаться? Одно мгновеніе всѣ простояли, какъ ошеломленные, тогда Сальга началъ приближаться къ лодкѣ.

— Надо влѣзать, кто останется, останется!

Но Грюнталь схватилъ его за руку и оттащилъ его обратно.

— Оставайся. Намъ надо жребій кинуть. Вы всѣ согласны?

— Попробуемъ сначала всѣ усесться въ лодку, сказалъ Скрастинъ,—когда увидимъ, что въ лодкѣ не помѣстятся столько, тогда можно жребій кинуть.

Но чужой не согласился съ этимъ. Онъ далъ имъ понять, что тогда можетъ возникнуть борьба, и лодка опрокинется...

— Ну, тогда бросимъ жребій, сказалъ Грюнталь.—Становитесь по возрасту. Далда, Сальга, Гурлумъ, Скрастинъ, Сійлисъ—такъ вѣрно, кажется?.. Да... Кто изъ васъ старше: Биркенбаумъ, Гулбисъ или Янъ? Янъ?.. Карлуша и я останемся послѣдними.

Онъ опять вырвалъ нѣсколько листковъ изъ своей записной книжки, разорвалъ ихъ на равныя куски и поставилъ карандашемъ на трехъ листкахъ крестики.

— Кто вытащитъ крестики, останется.

Онъ свернулъ билетики, положилъ въ шапку и подошелъ къ Далда. Старикъ развернулъ билетикъ: онъ былъ пустъ. Сальга запустилъ дрожащую

Сочиненія ЛОПЕ ДЕ ВЕГА.

Выпускъ I.

ФУЭНТЕ ОВЕХУНА

(Овечій источникъ).

Выпускъ II. Собака на сѣнѣ. — Причудница.

Выпускъ III. Доротея. — Любовь и месть.

Со вступительными статьями Проф. М. М. Ковалевскаго и В. В. Битнера.

Произведенія Л.-де-В. отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, глубиною и содержательностью. До сихъ поръ они нисколько не устарѣли и ставятся на сценѣ.

Цѣна cadaго выпуска 80 коп., перес. 15 коп.

При выпискѣ всѣхъ 3-хъ выпуск. пер. 25 коп.

Проф. I. Карасекъ.

Исторія славянскихъ литературъ,

съ 76 порт. и рисунками.

Авторизованный перев. съ новыми доп. автора.

Обзоръ литературъ родственныхъ намъ націй въ ихъ историческомъ развитіи, со вступительнымъ очеркомъ, посвященнымъ древнему періоду славянскихъ литературъ.

См. также отд. Исторіи.

Цѣна 80 коп., пересылка 22 коп.

ПРОФ. I. КАРАСЕКЪ

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
В. В. БИТНЕРЪ

КРАТКІЙ

Систематическій Словарь Всемирной Литературы, съ рисунками.

Очень полезная для самообразования книга, является хорошимъ пособіемъ при писаніи сочиненій и дополненіемъ къ изученію исторіи литературы.

Содержаніе: Предисловіе. — Мировой эпосъ. — Античная трагедія. — Средніе вѣка и возрожденіе. — Шекспиръ. — Сатира. — Вѣкъ просвѣщенія. — Фаустъ. — Донъ-Жуанъ. — Вѣчный жидъ. — Прометей. — Сатана. — Каинъ. — Гамлетъ. — Мировая скорбь. — Романтизмъ. — Романтизмъ въ славянской литературѣ. — Реализмъ и натурализмъ. — Индивидуализмъ, символизмъ, декадентство.

Продолжается подписка на издающийся одиннадцатый годъ рас-
пространеннѣйшій литературно-научный иллюстрированный журналъ

Вѣстникъ Знания

Неделя

отдѣльн. подп. на Нед.: 3 р. въ г., 75 к. въ 1/4 г.).

Главные сотрудники: С. А. Ан-ский, д-ръ Бекетовъ, Л. Бельманъ, акад. В. М. Бехтеревъ, В. В. Битнеръ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенъ, пр.-доц. А. Боровой, проф. В. А. Вагнеръ, Б. Верхоустинскій, проф. Б. П. Вейнбергъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, проф. А. Г. Генкель, М. Гиммеръ (Сухановъ), В. Г. Голиковъ, Г. К. Градовскій, И. А. Гриневская, проф. С. О. Грузенбергъ, проф. Довнаръ-Запольскій, проф. Жаковъ, П. Звѣздичъ, проф. Ф. Ф. Злинскій, проф. А. Д. Исавъ, С. К. Исаковъ, П. Ф. Каптеревъ, проф. М. Ковалевскій, проф. В. Козловскій, Евг. Маевскій, проф. И. Мечниковъ, прив.-доц. Модестовъ, И. А. Морозовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Л. Николаевъ, проф. И. Х. Озеровъ, К. Памятновъ, А. С. Панкратовъ, проф. Л. Г. Петражицкій, бывш. св. Ср. С. Петровъ, проф. Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубинскій, Л. Русинъ, худ. И. Е. Рѣпинъ, проф. Ир. Скворцовъ, Н. Б. Свѣрдова, прив.-доц. А. Г. Тимофеевъ, прив.-доц. Тотомианъ, проф. Туганъ-Барановскій, д-ръ зоол. С. Чахоткинъ, Н. Череванинъ и др.

Въ приложеніяхъ культурной работы: 1) „ДЕСЯТЬ ЛѢТЬ къ „Вѣстнику Знания“ дается дѣлая библиотека по всѣмъ отраслямъ знанія: 1) „ДЕСЯТЬ ЛѢТЬ 2) ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ УКРАИНЫ, въ 4-хъ выпускахъ. 3) ЛЕКЦІИ по ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ и ФИЛОСОФІИ, проф. Геккеля. 4) ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. 5) ГИГИЕНА ДУХА, Физиологія мозга. Гигиена ребенка, мужчины, женщины. Половой вопросъ и пр., проф. Клеостона съ дополнен. проф. Фореля, въ 2-хъ выпускахъ. 6) ЭКСПЕРИМЕНТЪ, ФИЗИКА, проф. Бернштейна. 7) ПСИХОЛОГІЯ и УЧИТЕЛЬ, методы Монтегессори. 8) СОЧИН. ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА: „Дороговъ“, „Любовь и месть“. 9) КАВКАЗСКІЙ ЛИТЕРАТ. АЛЬМАНАХЪ. 10) ЛАТЫШСКІЙ ЛИТЕРАТ. АЛЬМАНАХЪ.

Сверхъ того подписчики, въ зависимости отъ избраннаго ими абонемент. (при подп. указывать № абонемент.), получаютъ слѣд. капиталныя сочиненія:

1-й абонементъ: 12 вып. иллюстр. биогр. библиотекы

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,
жизнеописанія знамен. людей всѣхъ временъ и народовъ, со статьями по экономикѣ, политикѣ и пр. проф. М. Ковалевскаго, проф. Туганъ-Барановскаго и др. Много рисунковъ и отдѣльных цвѣтныхъ картинъ.

Сочиненія Ч. ДАРВИНА:
Кругосвѣтное путешествіе на кораблѣ Бигль.— Въ 4 выпускахъ, съ рисунками.

4-й абонементъ: 12 выпусковъ

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.
4 вып. ПРАКТИЧЕСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИИ (руководство по ремесламъ, хозяйству, домоводству, полезныя рецепты и пр.). Въ 1913 г. въ этомъ изд. будетъ дана книга ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА, какъ ихъ определять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съ образц. прошен. и пр. Сост. прис. пов. П. А. Брюнедди.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“.

2-й абонементъ: въ 16 выпуск.

МІРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.
Литер. китайцевъ, японцевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, евреевъ, арабовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, возрожденія Италіи, Англии, Франціи, Испаніи и др. Литература славянъ. Редакція проф. Злинскаго, Н. П. Евстифьева, проф. Брауна и др. Роскошн. изд. со мног. рис. и ок. 80 отдѣл. карт. и хромотип. (2 больш. тома).

5-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ РЕЛИГІИ
съ древнѣйшихъ врем. до нашихъ дней, проф. Шантени-де-ля-Сосей. Роскошное изданіе, около 600 рис. и 60 отдѣльныхъ картинъ и хромотип. (2 больш. тома).

3-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

КНИГА ПРИРОДЫ и ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.
Солідн. трудъ въ 9 частъ: ч. I и II. Пространство и время, бар. Швейгеръ-Лерхенфельда; ч. III. Мельница жизни, проф. Осталяда; ч. IV. Колыбель жизни, проф. Шенкена; ч. V. Объяснимые міры, проф. Мейера; ч. VI—IX. Психологич. эволюція человѣчества, проф. Вундта. Роскошн. изд., около 600 рис. и 60 отдѣл. картинъ и хромотип. (Въ книжн. маг. б. ст. 15 руб.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
на „Вѣстн. Знания“ съ газ. „Неделя“ и всѣми прилож. въ годъ: 8 руб., съ перес. 9 руб., за границу (черезъ загранич. почтагит.) 12 руб. допускается разсрочка при подпискѣ 5 р. 10 июня и 10 сент. по 2 р. Премія: Вносящ. всѣ деньги имѣютъ право на премію книгами на 2 р. (по особ. катал.) уплачивая лишь 50 перес.

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается бесплатно.